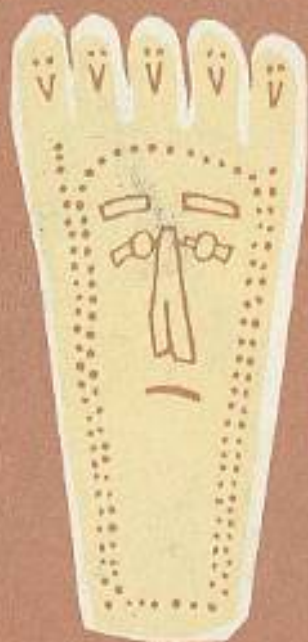

А. А. ПОПОВ

НГАНАСАНЫ

социальное
устройство
и верования

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

А.А. Попов

НГАНАСАНЫ
СОЦИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО И ВЕРОВАНИЯ

Ответственные редакторы:
Г.Н.Грачёва, Ч.М.Таксами

ЛЕНИНГРАД
Издательство «Наука»
Ленинградское отделение
1984

Книга является второй частью монографии известного этнографа-сибироведа А.А.Попова «Нганасаны» (М.-Л., 1948). В ней представлен уникальный материал, собранный в 1930-е годы. Он освещает традиции народности в области семейных отношений, обрядов, мировосприятия и шаманства.
Для этнографов и специалистов других гуманитарных дисциплин.

Ответственные редакторы:

Г.Н.Грачёва, Ч.М.Таксами

Рецензенты:

Д.Г.Савинов, Л.В.Хомич

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
Глава первая	9
I. ПЕРЕЖИТКИ РОДА	9
II. ОТНОШЕНИЯ РОДСТВА И СВОЙСТВА	26
III. СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	28
IV. РОДИНЫ. ОТНОШЕНИЕ К ДЕТАМ	33
Глава вторая	37
V. КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ.....	37
VI. ОБЩЕАНИМИСТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ.....	44
VII. ДОМАШНИЕ СВЯТЫНИ	58
VIII. ДУША И СМЕРТЬ ПО ВОЗЗРЕНИЯМ НГАНАСАНОВ.....	65
Глава третья	68
IX. ПРАЗДНЕСТВО ЧИСТОГО ЧУМА	68
X. ШАМАНСТВО	84
XI. ШАМАНСКИЕ АТРИБУТЫ.....	105
Костюм нижнего мира	105
Костюм верхнего мира	112
Костюм для камлания над роженицей	119
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	130
ЛИТЕРАТУРА	132
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	134

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемая работа известного советского этнографа-сибироведа Андрея Александровича Попова представляет собой вторую часть его двухтомной монографии "Нганасаны", законченной в 1945 г. Первая часть ("Материальная культура") вышла в свет в 1948 г.

Нганасаны, или ня (старое название - "тавгийцы"), - небольшая народность (в 1979 г. - 900 человек), родиной которой являются самые северные пределы нашей страны, районы Таймырского автономного округа, расположенные далеко к северу от Полярного круга. Современные исследования выявляют две группы народности: западную - авамскую, и восточную - вадеевскую. Еще в конце XIX - начале XX в. в их быту, хозяйстве и культуре присутствовали весьма архаичные черты, восходящие к эпохе неолита. Несмотря на то, что нганасаны уже давно проживают в иноэтнической среде, они хорошо сохраняют свое национальное самосознание, язык и многие черты своей самобытной культуры. Эта народность всегда привлекает исследователей различных областей знания своей относительной самостоятельностью развития и чертами культуры, в высшей степени приспособленными для проживания в экстремальных условиях тундрового полярного Севера.

В основу монографии А.А.Попова легли уникальные полевые материалы, собранные им как у западных, так и у восточных нганасан в течение двух длительных экспедиций на Таймыр. В 1930-1931 гг. он работал на Таймыре в связи с заданиями Комиссии по изучению производительных сил, а в 1936-1938 гг., уже будучи сотрудником Института этнографии АН СССР, - в составе Тавгийской этнографической экспедиции. Помимо прочего, результатом обеих поездок было пополнение коллекций Музея антропологии и этнографии АН СССР большим числом нганасанских предметов материальной и духовной культуры и множеством фотографий, авторских рисунков и зарисовок. Из скопления случайных предметов благодаря его сборам нганасанская коллекция Музея превратилась в фундаментальную, широко отражающую особенности хозяйства, быта и верований народности.

А.А.Попов родился в 1902 г. Он уроженец Угулятского наслега бывшего Вилуйского округа Якутии. Получив среднее образование

4

в Якутске, свободно владея якутским языком, работал школьным учителем в якутском селе Батулинцы. Уже тогда проявился его интерес к этнографии в собирании сведений по материальной культуре, фольклору, верованиям и шаманству якутов. В годы обучения в Ленинградском университете (1925-1929) он был тесно связан с Музеем антропологии и этнографии АН СССР, где его руководителями были Л.Я.Штернберг и В.Г.Богораз.

К тому времени, когда Андрей Александрович стал заниматься этнографией нганасан, литературные сведения о их культуре были весьма немногочисленны. Почти неизученным оставался язык народности, в частности, сведения о лексике были очень скудны. Благодаря тому, что нганасаны проживали в тесном соседстве с долганами, некоторые долганы относительно хорошо знали их язык, что позволило Андрею Александровичу привлечь в качестве переводчиков с нганасанского языка долган, языком которых, близким к якутскому, он свободно владел. Возможно, это обстоятельство до некоторой степени повлияло на интерпретацию нганасанского материала, особенно во время первой экспедиции. Вместе с тем он большое внимание уделял нганасанскому языку, о чем свидетельствуют записанные им местные термины, словарь, составленный им и включающий материалы

М.А.Кастрена (хранится в АЛЧ ИЭ), и некоторые фольклорные записи. Надо полагать, что во время второй экспедиции (1936-1938 гг.) Андрей Александрович уже гораздо лучше владел языком. При состоянии знаний о нганасанах того времени нет ничего удивительного в том, что некоторые, очень немногие термины были записаны им не вполне точно. Он был пионером в области этнографии Таймыра, и особенно верований его аборигенов, и по сути первым, кто, опубликовав в 1936 г. по материалам своей экспедиции небольшую монографию "Тавгийцы", открыл культуру этой народности для этнографической науки. Сведения, приводимые в "Тавгийцах", в большинстве своем вошли и в текст написанной позже монографии "Нганасаны".

Андрею Александровичу были присущи чрезвычайная наблюдательность, подробнейшее фиксирование всех этнографических фактов, на которых он останавливал свое внимание, глубокое проникновение в быт и верования изучаемой народности, стремление всесторонне осмыслить те или иные действия или представления, чуткая интуиция ученого-историка, что позволило представить весьма разнообразные сведения, зачастую не зафиксированные исследователями других этнографических групп. Уже первая часть "Нганасан", в которой широко освещались хозяйство, способы охоты, кочевания, материальная культура, отчасти психический склад народности, характеризовала их как традиционных охотников на дикого оленя, что позже позволило Ю.Б.Симченко, опираясь на этнографические особенности таймырских аборигенов, выявить широкое распространение по территории Северной Евразии культуры охотников на дикого оленя [1976].

Необходимо особо отметить широкие познания А.А.Попова в области мифологии, верований и шаманства нганасан и долган. Его особый интерес к этой стороне культуры проявился и в библиографическом

5

издании 1932 г., и в написании обширнейшей, до сих пор не опубликованной монографии "Религиозные воззрения долган" [1955], и в оригинальной, в полном смысле новаторской статье 1958 г., и во второй части "Нганасан".

Работа над второй частью (Социальный строй. Религия. Изобразительное искусство.) осуществлялась в годы Великой Отечественной войны в Ленинграде, затем в период эвакуации в Ташкенте и была завершена в 1945 г., уже снова в Ленинграде. Ее публикация надолго задержалась. Очевидно, Андрей Александрович возвращался к рукописи, вносил свои коррективы, отчасти изменял и местную терминологию. Вместе с тем напряженная работа, связанная с созданием Историко-этнографического атласа Сибири, написанием монографии о религии долган, дискуссиями, развернувшимися вокруг ее интерпретации, другими задачами и обстоятельствами, не способствовала пристальному вниманию к нганасанскому материалу. Все же некоторые разделы рукописи были им подготовлены в качестве отдельных статей и опубликованы. Углубление в последние годы жизни исследований в области духовной культуры долган и отчасти выводы, к которым он пришел при рассмотрении долганского материала [1958], возможно, могли продиктовать иной подход и к некоторым явлениям в культуре нганасан. После кончины Андрея Александровича в 1960 г. монография поступила в архив Института этнографии АН СССР в Ленинграде, где он работал до последних дней жизни, и в окончательном переплетенном варианте не раз использовалась этнографами-сибироведами.

В последующее время после написания "Нганасан" материалы и исследования в области их этногенеза, социальной организации, верований, обрядов, представлений о мире, фольклора, изобразительного искусства и других черт истории и культуры были значительно пополнены трудами Б.О.Долгих, Ю.Б.Симченко, Л.А.Файнберга, Г.М.Афанасьевой, а также - по данным Попова - С.В.Иванова, автора настоящего

Предисловия и других этнографов. В значительной степени изучен язык нганасан (Н.М.Терещенко и лингвистами Томской и Новосибирской школ), расширилась их антропологическая характеристика (труды В.П.Алексеева, И.М.Золотаревой, В.А.Спицына, В.А.Сукерника и др.), перестала быть белым пятном археологическая карта их родины (работы Л.П.Хлобыстина). Под влиянием новых данных в некоторой степени изменились взгляды на отдельные стороны культуры народности, их динамику и развитие. Несмотря на это, работа А.А. Попова, написанная для того времени оригинально, поставившая благодаря максимально объективной подаче материала определенные акценты, выглядит вполне современно. В ней затронуты такие стороны самобытных черт культуры, которые и сейчас являются проблемными и нуждаются в дальнейшей научной разработке. В частности, уже тогда в отношении экзогамных норм нганасан А.А.Поповым зафиксирован запрет на браки между родственниками, ограничиваемый лишь третьим поколением. Современные подробнейшие исследования подтверждают это наблюдение [Афанасьева, Симченко, 1981].

6

Работа А.А.Попова, отразившая состояние мировосприятия нганасан полувековой давности, наполненная большим фактическим материалом, без преувеличения представляет собой ценнейший вклад в изучение истории, социальных норм, культуры, мифологии и шаманства народности. Ее значение как первоклассного исторического источника очень велико.

* * *

Для публикации второй части монографии А.А.Попова "Нганасаны" в нашем распоряжении было четыре единицы хранения АЛЧ ИЭ АН СССР: ф. 14, оп. 1, № 34, 35, 36, 37. Подготовленный к печати машинописный переплетенный экземпляр работы, принятый для настоящего издания, представляет собой 365 л. текста (№34) и более 200 иллюстраций (№35). На полях и в тексте имеются пометки, сделанные не только рукой А.А.Попова. В свое время работа была отредактирована М.А.Сергеевым, его правка сохранилась в предыдущем машинописном варианте (№36) и была принята автором (№34). Рукописный вариант целиком не сохранился, но среди других материалов (№37) имеются отдельные листы готового текста, отчасти изданного еще в "Тавгийцах". Таким образом, имелась возможность сравнения текстов.

Предоставленный для настоящей публикации объем не позволил сохранить монографию в том виде, как она была подготовлена автором. Потребовались значительные сокращения. Так, целиком сокращен раздел (XII) "Изобразительное искусство" (20 л.), позже подготовленный А.А.Поповым как отдельная статья. Все остальные заглавия, характеризующие структуру текста, сохранены. Деление на главы условно. Частично урезан раздел (II) "Отношения родства и свойства" за счет местной терминологии этих отношений, так как ее публикация в редакции А.А.Попова нуждалась в обширнейшем комментарии. Тем не менее нельзя считать, что даже сейчас, судя по литературе, терминология родства, свойства, соотношение родственных и возрастных терминов нганасан всесторонне зафиксированы и исследованы, однако всегда возможно обратиться к архиву. Соответственно изменен и подзаголовок монографии. Остальные весьма значительные сокращения проведены за счет уже опубликованных дословно частей, причем не только работ самого А.А. Попова, но и фольклорных записей Б.О. Долгих, позже изданных, которые приводятся в "Нганасанах". Особенно существенно такие пропуски коснулись раздела VIII, включенного во вторую главу. В настоящей редакции этот раздел состоит лишь из отдельных, не вошедших по разным причинам в

публикации, но важных с точки зрения этнографии мест, связанных общей темой, и не представляет собой сколько-нибудь полного содержания. Кое-где сняты цитаты из более ранних работ, приводимые автором. В каждом случае подобных пропусков даются ссылки на страницы соответствующих изданий, далее они обозначены многоточием. Таким образом, объединив уже известные

7

части с публикуемыми, читатель получит представление о полном тексте монографии.

Местные слова, записанные А.А.Поповым в латинской транскрипции, уточнены и переведены в современное написание, по возможности соответствующее даваемому Н.М.Терещенко [1979]. Эта работа проделана выпускницей Ленинградского педагогического института им. А.И.Герцена нганасанкой Надеждой Тубяковой Костеркиной. Она - дочь сына Дюхаде (Дюхадие) Костеркина - известного в 1930-е годы шамана, одного из основных информаторов А.А.Попова, хорошо знакома с шаманскими традициями семьи. Все же некоторые слова остались нерасшифрованными. Остаются неясными и отдельные места шаманских рассказов о снах-становлениях. Они сохранены в том виде, как они приводятся в рукописи. Сама рукопись (№34) для настоящего издания редакторской правке не подвергалась. Иллюстрации, авторские зарисовки и фотографии, в незначительной части вошедшие в прежние публикации, изъяты полностью, за исключением раздела "Шаманские атрибуты" (XI), содержащего около 150 рисунков, напечатать который без минимального их числа вообще не представлялось возможным. Для того чтобы предельно сжать комментарий, в каждой главе приводятся ссылки на более поздние этнографические работы по народности. Несомненно, что даже в таком весьма сокращенном виде монография послужит надежным источником по истории культуры нганасан.

Г.Грачева

В одном из преданий, записанных Б.О.Долгих, упоминается, что нганасаны произошли от шерсти шкуры дикого оленя [1976, 179]. К сожалению, подробнее об этом ничего не говорится. Другое предание, сообщенное тем же автором, тоже связывает происхождение нганасанов с диким оленем.

Герой предания Голитинты-сын убегает от погони, превратившись в дикого оленя, и приходит к человеку, сидящему у огня. Тот "вытаскивает из себя кишки и ими топит огонь. От этого огонь горит очень сильно и высоко поднимается вверх", Голитинты-сын-дикий олень просит человека у огня спасти его от преследователя, превратившегося в волка. Человек схватил дикого оленя обеими руками и бросил его в огонь. Когда он сгорел, человек вынул обугленные кости, стал ковать их и выковал из них фигуры людей. Выковал и говорит: "У тебя, дикий, кости совсем как мягкое железо. Да еще и пористое железо... Твои дети будут дикими питаться, потому что ты, как дикий, хорошо бегал. Дикий твоим детям будет поддержкой". "От человека, выкованного из костей дикого, - заключает предание, - произошли нганасаны".

Эти предания, отводящие дикому оленю такое важное место, дают основание предполагать, что в лице нганасанов мы имеем депо с народностью, у которой охота в прошлом имела исключительное значение. Подтверждают это и те материалы, которые были изложены в первой части работы [Попов, 1948].

Сами себя нганасаны не считают аборигенами современной территории обитания и о своем приходе на эту территорию рассказывают следующее.

"Где-то живут люди с одеждами с разрезом. Живут они за большой водой. Когда вода замерзнет, они выходят на эту сторону. Называются они народом лифарие². От них мы и позаимствовали женскую одежду лифарие, имеющую разрез.

9

Часть этих людей, проживая на той стороне воды, посоветовалась: "Друзья, вода опять начинает таять, пока не прошел лед, не переправиться ли нам? Мы живем на этой стороне, а наши охотничьи угодья находятся за водой". Перешли воду (по льду) и сказали: "Нужно нам поискать новую землю". Пошли дальше и пришли к одной местности, где встретили юраков и хантайских людей (энцев). Эти пришлые люди были охотниками из родов Чуанчар, Нгуомдя, Нгамтусу'о, Нинондя и Линанчар.

Придя сюда без женщин, как станут они жить? И у хантайских людей они спросили: "Как будем, нас немного, назад идти далеко, не дадите ли нам своих девушек?". Хантайские девушек не дали. Тогда пришлые люди взяли девушек силою. Просят пришлые люди чего-либо у хантайских или юраков и, если они не дают, силой отбирают.

Приглядевшись, стали говорить юраки: "Что это за люди, все забирают насильно. Пришли они сюда, чужие люди, и мирно не хотят жить, диво. Они, видно, с нами путем жить не станут. Их немного, нужно бы повоевать с ними". Люди лифарие услышали об этом и сказали: "Хорошо, если хотят драться, будем драться, назад не пойдем". И вот юраки, вместе с хантайскими людьми, договариваются: "До этого времени и у нас и у вас людей убивали по-воровски, давайте открыто воевать. Если по-воровски убивать станем, грех будет, давайте уговоримтесь о начале войны".

¹ Основная литература: Долгих, 1952; 1960, 78; 1962; 1976; Ващенко, Долгих, 1962; Симченко, 1970, 206-213; 1976, 185-238; 1980; 1982; Афанасьева, 1980; Афанасьева, Симченко, 1981, 39 сл. – Ред.

² В рукописи (№ 36) во всех случаях «лихарие». – Ред.

- "Ладно, - говорят люди лифарие. - Вы на нас не нападайте до тех пор, пока мы не сделаем себе оружие".

Договорились. Лифарие наделали себе тонкие, как шило, наконечники стрел, с опереньями из перьев куропаток. Юраки спросили: "На сопке или на ровном месте будем драться? У нас есть на примете одна местность, где находится высокая сопка. Раз она расположена на нашей земле, мы станем на вершине ее. Вы же на нашей земле не хозяева - станете у подножья сопки. Согласились. Снег только что выпал. Люди лифарие из луков вверх стреляют. Как увидят юраки летящие стрелы - древко у них тонкое, оперенье из белых перьев, все только мертвыми падают. Вот юраки оказались побежденными.

У нас есть слово, которое означает, что кто-либо упал, когда его столкнули, - это слово канала [?]. Всех юраков свалили в кучу - по-нашему это кэмү"о". Сопка эта находится около реки Дудыпты, вблизи станка Бархатова, и называется она Кэмэгүмэү³.

У юраков все бойкие и шустрые пали. Вот они, прося пощады, черным помахали: "Ну, друзья, - сказали люди лифарие, - больше с нами не вступайте в войну, никуда от нас не денетесь. Вы, хантайские люди, вместе с юраками были, уходите отсюда вместе с ними". И вот юраки, вместе с хантайскими людьми, ушли на запад, дошли до Енисея и стали там жить.

Вот через сколько-то лет, не знаю, выросли у юраков дети. Вот они стали говорить: "Давайте посоветуемся. наших людей (когда-то)

10

убили лифарие и выгнали нас из родной земли. Для нас это очень обидно. Сейчас мы должны послать слово к народу лифарие и сказать, что идем к ним воевать. Очень уж плохо они нас выгнали и людей перебили". Лифарие услышали наказ, стали советоваться и решили: "Они (юраки) сильные люди, давайте не станем здесь биться (на нашей земле), а то отдадим им свою землю. Давайте кочевать им навстречу. Где их встретим, там и повоюем с ними". Стали кочевать. Сколько-то раз они отаргишили⁴ и пришли почти к Енисею. Юраки (от своей земли) успели только два раза отаргистить. Вот встретившись, начали воевать юраки с лифарие. Юраки обратились к хантайским: "Ну, а вы, хантайские, мы ведь как будто вместе с вами уродились, помогите нам". Хантайские ответили: "Что вы помощи просите от нас, зачем вы деретесь с лифарие? Вы, юраки, как только пришли они, стали воевать с ними. Если бы не вы, мы жили бы на своих местах и там бы прожили и умерли. Вы, давшие плохой совет, привели нас сюда. Мы с лифарие не станем воевать и вам не поможем".

Вот лифарие опять победили юраков и прогнали их за Енисей. Вот юраки, выйдя на Енисей, стали упрашивать: "Давайте помиримтесь". На это лифарие сказали: "Вот если вы действительно миритесь с нами, на нашу сторону за Енисей не переходите. Живите мирно на своей стороне. Вы, хантайские, ничего нам не сделали, ничьей крови проливать не хотите, живите мирно на этой стороне Енисея". Вот так рассказывают старые люди.

Вот три года тому назад приехали к нам закупать оленей два брата - юраки Ямкины. Они рассказывали, что за Енисеем находят стрелы, мы поэтому верим.

Здесь был старик Либися, его дед тоже назывался Либися. Четвертый предок его назывался Сангуда. Он мог в один присест уничтожить (съесть) двенадцать куропаток. Если ему давали 30 омулей, он из них согудал (ел сырьем в талом виде) пятнадцать и потом говорил: "Еще сварите мне оставшиеся пятнадцать рыб". И это съедал один. Товарищи говорили ему: "Ты так много ешь, однако не станешь путным

³ Название сопки в рукописи дано не точно: «Канакатмо». Ср.: Долгих, 1952, 64; 1976, 154, 161. – Ред.

⁴ Аргиш – санный поезд; аргистить – кочевать. – Ред.

человеком, скоро умрешь". Он отвечал: "Подождите, увидите, ведь, умру я или нет. Видите на улице высокие загруженные нарты?" - и, подойдя, перепрыгивал через них и говорил: "Ну, посмотрите, умер ли Сангуда?".

Вот прослышали юраки, что Сангуда очень проворен, и стали говорить: "Что это за люди самоеды (нганасаны), кто бы у них ни родился, все проворные. Почему же мы не такие? Ведь у нас тоже есть такие люди, которые перескакивают через нагруженную нарту. В старину самоеды перебили наших, не пойти ли и нам биться с ними?". На это некоторые стали говорить: Нет, к самоедам не пойдем, страшно, некоторые: "Пойдем". Вот, раззадоривая друг друга, говоря: "Самоеды убили такого-то твоего предкам, несколько человек решились пойти на самоедов. Вот сколько-то юраков приаргишили, а кто боялся, тот остался. Заходят они в гости. Вот самоеды

11

их спрашивают: "зачем издалека прибыли к нам? Расскажите, кого вы ищете?". На это юраки отвечают: "Мы не видели вашего Сангуды, а вы нашего удальца. Вот завтра приходите к нам в чум вместе с Сангудой. Пусть оба удальца в одном чуме покушают и потом увидим, как они станут играть".

На другой день самоеды вместе с Сангудой пошли в чум юраков. Внутри чума разостлали рядом две шкуры и на них посадили двух удальцов - самоеда Сангуда и юрака. Затем юраки спросили: "Ты, Сангуда, что будешь есть?". - "Я буду есть оленя по четвертому году. Убив, не разрезайте его на части, только выбросьте желудок, остальное принесите мне на шкуре". Затем юраки спросили: "Наш человек, что ты будешь есть?". На это тот ответил: "Убейте мне жирную важенку-трехлетку и так же освежите, как и Сангуде".

Сангуда стал согудать оленя. Согудая, он осмотрелся и увидел, что юраки по бокам его семь кроильных ножей⁵, сняв с них черенки, острием вверх воткнули в землю. Сангуда догадался: "Вот они хотят, оказывается, чтобы я, наевшись, слишком отяжелел и, повалившись на бок, накололся на эти ножи". Сангуда только одни обглоданные кости складывал в кучу и сказал: "Я ни одного кусочка мяса не оставил, уберите эти кости". Юрак тоже оставил одни голые кости от своего оленя. Когда кончили согудать, раскрыли дверь чума. Сангуда увидел, что на улице юраки поставили в ряд семь груженных нарт. Сангуда подумал: "Это, наверно, чтобы я перескочил через них, поставили, попробую", - выбежал из чума и одним скачком перепрыгнул через нарты, причем даже перескочил дальше. Его нарта стояла на довольно далеком расстоянии, он добежал до нее, откинул кукуль [мешок из оленей шкуры], достал колчан и вынул лук из налучника и, опираясь на лук, стал смотреть в сторону юрацких чумов. И вот, когда он стоял, выбежал юрак и попытался перескочить через семь нарт, не смог и свалился между четвертой и пятой нартами. После чего слышались его вопли: "Вот умер я, гортань моя оборвалась". Прибежали юраки, их человек давно уже умер. И вот юраки опять вывесили тряпку и стали упрашивать: "Ну, Сангуда, давай не будем драться, что тебе будет угодно, проси - все отдадим, только не убивай нас".

Услышав эти слова, Сангуда привязал лук на спину к колчану и стал ходить около чума и выбирать оленей. Изловил четыре нетели, четыре быка, самых лучших упряжных, запряг их в три самые нагруженные нарты, затем сказал: "Ну, други, вот ваше богатство - три груженных нарты - увожу их. Если вы жалеете их, давайте воевать". "Ну, вези, ничего не сделаем", - сказали юраки. Сангуда сказал на это: "Как не повезу, конечно, повезу. Но вот, скажу вам. В старину случилась война от того, что юраки не вытерпели. Разве тогда не было сказано слово: за Енисей не переходите? Куда девались эти слова? Забывши о них, сами ищете

⁵ Кроильные ножи – ножи, которым режут шкуры; нганасанам прежде ножницы не были известны.

раздоров. Не приехали бы к нам, не увез бы ваших нарт. Ну, други, я вам советую. Еще рано, нет еще полдня. Пока я еще здесь, свертывайте чумы и аргишите назад и сюда больше не приезжайте".

Юраки сняли свои чумы и откочевали назад. С тех пор самоеды и юраки друг с другом как следует не помирились. Слухи об этом дошли до русских. Русские стали увещевать самоедов, чтобы они помирились с юраками. Самоеды не согласились. Через сколько-то времени стали говорить русские самоедам: "У нас есть вкусная еда, не хотите ли?". Самоеды не брали из рук еды, заставляли русских протягивать ее на конце длинной палки. Когда еду самоеды съели, русские спросили: "Хороша ли она?". - "Хороша", - ответили. "Если еда наша хорошая, пусть в будущем году опять встретимся, - сказали русские. - Если будет какая нужда, мы вас найдем. Нынче, чтобы быть друзьями, подати (нойбуо мирэзэ) дайте". Самоеды просили: "Ради мира что же будет податью и сколько ее будет?". На это русские отвечали: "Вы - целая орда, подать ваша семь оленьих ровдуг". Самоеды разговаривали, стоя на далеком расстоянии от русских, и имели ножи, длиною с аршин. Вот, прицепив на концы ножей семь ровдуг, протянули их русским. После этого стали встречаться ежегодно. Русские потом сказали, чтобы подати отдавали деньгами: "Мы вам раздадим деньги, вы ими будете платить ясак. Вы, самоеды, живите хорошо, друг с другом не ссорьтесь". Брали ясак по рублю, потом, как я помню, стали брать по два рубля" (Нёрё Нгуомдя)⁶.

Таким образом, предание это рисует предков нганасанов как пришельцев с востока и резко обособляет нганасанов от энцев, несмотря на весьма близкие с ними этнографические особенности. Заслуживает также внимания, что враждебное отношение нганасанов к юракам имело место еще в сравнительно недавнее время.

Переходя к рассмотрению социальных отношений нганасанов, остановимся прежде всего на термине тāнса. Этим словом одновременно обозначаются и семья, и род, и народность, но чаще всего оно употребляется в значении народности. Однако для обозначения народности существует и другой термин - орда, очевидно, заимствованный, привнесенный, по-видимому, позже в язык нганасанов.

Нами установлено наличие у нганасанов следующих двенадцати родов: 1) Нинондя - русская фамилия Порбины, 2) Нгамтусу'о - Костеркины, 3) Линачар - Турдагины, 4) Чунанчар, 5) Нерхо, 6) Нгуомдя, 7) Лапсака, 8) Купчик, 9) Нгойбуо, 10) Куокара, 11) Асянду, 12) Окуо. Большинство этих родовых названий легко переводится. Например: Нгамтусу'о - "щедрый", Лапсака - "младший из детей", "последыш", Купчик - "медный котел", Нгойбуо - "голова", Куокара - "журавль", Асянду - "тунгусский" ("долганский", "якутский"). О происхождении некоторых из этих родов записаны следующие предания.

13

"На острове реки Логаты осталось зимовать три чума нганасанов. Они занимались рыболовством. В одном из чумов жила старуха-сирота с мальчиком. Оба соседа обижали мальчика, часто били его. Вот, с наступлением солнечных дней, мужчины - обитатели чумов - двое взрослых и мальчик отправились повить диких оленей сетями. Мальчику наказали лежать около махавок⁷. Загнали в сеть пятнадцать оленей, два оленя пустились бежать обратно. Мальчик убил их стрелами из своего лука. Тогда один из охотников набросился на мальчика, повалил его и стал топтать, другой за него заступился. Мальчик со слезами отправился домой. Мать спросила его, что с ним случилось. Он все рассказал. Тогда мать вышла на улицу и стала

⁶ Здесь и далее в скобках – ссылки на рассказчика. Вариант предания см.: Долгих, 1976, 165-167. – Ред.

⁷ Махавка (рус.) – воткнутый в землю или снег шест с укрепленными на его вершине крыльями птиц (Попов, 1948, 37). – Ред.

кричать: "Если ты, нуо (божество. - А.П.), существуешь, дай нам возможность жить по-хорошему". Ночью мальчик отправился на охоту и убил двух диких оленей и отнес их к себе в чум, который, оказывается, он построил еще летом в другом месте. Чум этот представлял урасу, покрытую нюком и сверху дерном. Ночью мальчик разбудил мать и сказал ей: "Перейдем в свой чум". У них была только одна двухкопильная нарточка, и на ней перевезли они свои немногочисленные вещи.

Стали жить на новом месте. Сын убивал диких оленей и мясом их кормил мать. Вот наступила весна. На двух оленях приехал дядя мальчика. Он не знал, где живет сестра его с сыном, но, увидев издалека дым, случайно приехал туда. Мальчик рассказал о том, как его обижали, и сказал, что он скоро пойдет убивать своих обидчиков. Дядя стал его отговаривать: "Что ты им сделаешь? Вот, теперь прибыли все люди, ты не убивай их, лучше пожалуйся на них удальцу, он рассудит".

Мальчик не послушался, отправился. Он вызвал из чума заступившегося за него мужчину. Когда тот вышел, мальчик сказал: "Побеги". И когда он побежал, прострелил ему сухожилия ног. Пострадавший рассказал об этом своему приятелю, некогда обидевшему мальчика, и они оба решили убить мальчика. Мальчик все время держался настороже. И вот, когда он увидел, что идет его обидчик, вылез под низом нюка на улицу и, обойдя, вошел в чум и прострелил ему пониже сухожилия ногу. Оба охотника стали хромыми и всю свою жизнь питались от добычи мальчика. А до того эти люди были такими удалыми, что все время держали в руках лук и стрелы, боясь один другого. И двери их чумов всегда располагались одна против другой, чтобы удобнее было следить друг за другом. Мальчика звали Синсимие, от него произошел род Чунанчар, от обидчика произошел род Нгуомдя, от заступника род Линанчар" (Нёрё Нгуомдя)⁸.

14

"В старину где-то жили ня (нганасаны). На них напали тунгусы с шитыми лицами (татуированные), убили всех и взяли с собой одного мальчика. Семья, в которой мальчик воспитывался, состояла из отца-шамана и семи взрослых сыновей. И вот однажды шаман говорит, что он видел сон: мальчик убьет его и всех сыновей. Сыновья шамана не поверили этому и сказали: "Что он сделает такой маленький?". И вот, когда мальчик подрос, четыре шаманских сына с женами (а они, говорят, имели много домашних оленей) откололись от отца и ушли кочевать самостоятельно. Через некоторое время оставшиеся при отце три сына собрались идти на охоту за дикими оленями. Мальчик стал плакать и просить, чтобы они взяли его с собой. Несмотря на предостережение отца, говоря: "Что сможет сделать такой маленький?", - взяли его с собой. Поехали верхом на оленях. И вот, когда проезжали по горе, мальчик, вздремнув, упал с оленя. "Вот, бедняга, утомился, нужно здесь заночевать", говоря, остались ночевать. Ночью мальчик схватил пальму [широкий нож с длинной рукоятью] и изрубил своих братьев и утром поехал обратно к отцу. Отец, увидев его, пошел обнимать, говоря: "Вот ведь, ребенка одного послали, мало ли что могло случиться в дороге". Мальчик остановил отца: "Правду ты говорил, что убью вас", - и отрубил ему голову. После этого мальчик поехал к одному из откочевавших сыновей шамана. Тот также встретил его с жалостью, почему отпустили его одного. Мальчик рассказал, что отец поспал его узнать, почему долго нет вестей, не случилось ли несчастья?

На другой день мальчик вместе с братом отправился охотиться за дикими оленями. Убили одного дикого оленя. Когда брат снимал с него шкуру и наклонился, чтобы вынуть желудок, мальчик, говоря: "Какая у тебя хорошая пальма, гораздо лучше, чем у твоих братьев", перерубил ему пальмой поясницу. После этого мальчик

⁸ Дополнением к этому преданию служит другое, записанное Б.О. Долгих... [далее см.: Долгих, 1976, 179-180].

посетил еще двух сыновей шамана. Те также встречали его с жалостью, и он тоже убивал их. Наконец, мальчик приехал к седьмому сыну шамана. Когда вечером все улеглись спать, сын шамана не ложился, остерегаясь мальчика. Тот так и не смог выбрать время, чтобы убить брата. Утром сын шамана сказал мальчику: "Ты иди, пригони оленей, а я пойду охотиться", мальчик стал проситься и плакать, чтобы он взял его с собой на охоту. Брат согласился. По дороге он застрелил громадного самца дикого оленя. Сын шамана стал снимать с него шкуру. Мальчик все ходил вокруг него, говоря: "Вот какая хорошая пальма у моего брата". И когда брат наклонился, сдирая шкуру с шеи оленя, перерубил ему пальмой поясницу.

Седьмой сын шамана не сразу умер, отскочил в сторону и громко закричал: "Напрасно тебя не убили. Конечно, я умер". Мальчик взял себе в жены вдову старшего сына шамана, забрал все имущество умершего и стал кочевать. И после этого, где бы ни встречал тунгусов, убивал их. У него родились три сына и одна дочь. Наконец, ему надоело все время кочевать одному и убивать тунгусов, вот он и говорит однажды детям: "Надо бы нам пойти жить к

15

хорошим людям. Говорят, где-то есть наши сородичи, ня, надо бы к ним перекочевать".

Вот три брата стали кочевать вместе, везя с собой награбленное богатство. Одна из них, старший, ехал впереди, а двое младших гнали сзади стада свободных оленей. Вот старший брат, всегда ехавший впереди, увидел чум. Это был чум брата тунгусского шамана, убитого их отцом. Он был с шитым лицом, носил железную одежду, которую ни одна стрела не пробивала. Старший брат стал выпускать стрелы, но ни одна из них не пробила нюка. Вдруг из чума вылетела стрела и пронзила живот старшего брата, и он едва успел добежать до своих братьев и рассказать им о случившемся. Подъехав ближе, оба младших брата увидели, что чум стоит на краю обрыва, подвели ближе оленя с шестью чума⁹. Сняли один шест и конец его просунули под низ нюков и приподняли их. Тогда из чума выбежал человек. Так как он очутился против ветра, ветер раздувал его длинные волосы, закрывал ему глаза. Братья, воспользовавшись этим, убили его, пустив стрелу через рукав. Убив тунгуса, забрали его имущество и прикочевали к авамским ня. Один из братьев женился на дочери одного из братьев предка Кондюё Турдагина и выдал отцу ее в обмен свою сестру. Когда братья прикочевали к ня, языка их не знали и с большим трудом объяснили причину своего прихода. Просили не давать им в руки никакого оружия, чтобы не случилось беды. Они часто раздражались, и их тогда уговаривали и, таким образом, постепенно приучали их стать смирными. Один из их потомков при царе начал платить ясак. Самоедского мальчика звали Нерхо" (Тыймы Нгойбуо).

Эти предания говорят о происхождении четырех собственно нганасанских родов, другие, приводимые ниже, связывают происхождение некоторых нганасанских родов с эвенками и якутами.

"Род Нгойбуо произошел от беглого илимпийского тунгуса, имевшего "шитое лицо"¹⁰. Он женился на нганасанке и стал нганасаном" (Тыймы Нгойбуо). "Предок рода Асянду был нганасаном. Он имел две жены, одна из которых была нганасанкой, другая - долганкой. От последней и ведут свое происхождение нганасаны Асянду. От рода Асянду произошел род Купчик. Купчик был приемным сыном князца - шамана Тынта" (Бигипти Асянду). "Род Куокара произошел от тунгуса с "шитым лицом" по имени Куокара, который стал жить среди нганасанов" (Ысые Куокара). Оба последних рассказа дополняются преданием, записанным Б.О.Долгих... [далее см.: Долгих, 1976, 180].

⁹ Оленя, на котором возили с собой шесты чума. – Ред.

¹⁰ С татуированным лицом.

Относительно рода Окуо [~Окко] записано мною следующее предание.

"Жил в якутской земле знаменитый князец Тыгын с двумя сыновьями. Его якуты очень боялись и слушались. Тогда они имели деревянные луки. И вот, когда они жили, пришли русские и сказали: "Давайте жить вместе, как братья" Тыгын не согласился: "Для

16

чего мы будем креститься и платить ясак?". Тогда стали воевать, у русских тоже были деревянные луки. Воевали три года, русские победили якутов. Они (якуты) разбежались, часть из них пришла туда, где теперь станок Кононовский. После уже узнали беглецы, что русские убили Тыгына и сделали себе железные ружья. Потом, через некоторое время, пришли к якутам русские, крестили и обложили их ясаком. Один из беглецов женился на богатой самоедской вдове. От этого брака родились три сына, от них произошел род Окуо" (Уранник Окуо).

Приведенные записи дают возможность определить этнический состав нганасанов. Территориально, как мы уже говорили, нганасаны распадаются на авамских, таймырских, губских (кочующих в районе восточной губы Таймырского озера) и вадеевских. В состав вадеевской группы входят роды: Окуо, Асянду, Купчик, Лапсака, Нгойбуо и Нерхо. Род Нерхо почти весь вымер и в настоящее время состоит всего из одной семьи нганасана Дютадие. Таймырские нганасаны были выделены в самостоятельную административную единицу только после Октябрьской революции, до этого они входили в состав Авамской группы. Губские нганасаны входят в состав Таймырского национального Совета.

Вадеевская группа нганасанов была выделена в первой четверти XIX столетия в самостоятельную административную единицу - "управу" и включала в себя большинство родов, ведущих свое происхождение от тунгусов.

Относительно рода Окуо интересно отметить, что, несмотря на полную его ассимиляцию и по этнографическим особенностям, и по языку, он в административном отношении продолжал считаться частью Долганской инородческой управы и подчиняться долганскому князю рода Дулган. Только в первые годы установления Советской власти род этот был включен в состав Вадеевского кочевого Совета. И теперь представители рода Окуо продолжают считать себя в родственном отношении тесно связанными с долганским родом.

Как это видно, каждый род ведет свое происхождение от предка-мужчины. В силу специфических условий своего хозяйствования, стоявших в зависимости от природной обстановки, нганасанские роды вынуждены были дробиться на несколько кочевых групп, разобщенных между собой, но связанных в то же время узами родства и общей охотничьей территорией. Состав кочевых групп не был постоянным и видоизменялся периодически, в продолжение такого сравнительно короткого времени, как год. Кочевые группы, состоявшие зимою из нескольких чумов-хозяйств, летом распадались на индивидуальные кочевые ячейки - отдельные хозяйства. Эти сезонные изменения состава вызывались условиями оленеводства и охоты.

Так называемый "летний охотничий сезон", продолжающийся на Таймыре с июня по декабрь, является в полярных условиях наиболее благоприятным временем для запасаания продуктов питания. В июне появляются рыба и пернатые, июль-август дают богатую добычу линяющих гусей, примерно с августа наступает сезон весьма эффективной охоты на диких оленей. При недостаточной обеспеченности

17

оленьим транспортом, - а оленей, как указывалось, у нганасанов было очень мало, - нелегко было преодолевать необходимые для целей охоты обширные пространства. Вследствие этого, конечно, было затруднено обеспечение всем необходимым

сосредоточенного в одной местности многочисленного коллектива. В то же время отдельным мелким коллективам при практиковавшемся целесообразном перераспределении кочевой территории не так трудно было обеспечить каждое хозяйство необходимым запасом на зиму. Помимо этого, такие немногочисленные коллективы в силу своей легкости и подвижности вполне соответствовали уровню первобытной охоты.

Но в условиях первобытной борьбы за существование малочисленные коллективы страдали и крупными недостатками: ослаблялась способность к самообороне при происходивших часто нападениях для грабежа, вызванного главным образом недостатком продуктов питания. Нападали при этом друг на друга не только крупные объединения - роды, но и отдельные кочевые группы внутри рода. Большинство таких столкновений происходило преимущественно к весне, когда запасы продуктов приходили у многих к концу и до прилета птиц и прихода рыбы люди вынуждены были питаться корнями растений. Голод понуждал в это время года к грабежам. Можно поэтому предполагать, что совместная жизнь в это время стойбищем из нескольких чумов служила некоторой защитой от нападений.

Если, по преданиям, нганасаны еще сто лет тому назад были бедными оленеводами, то, похоже, в результате обменных отношений с более богатыми соседями - долганами и якутами - они становятся обладателями многочисленных стад. Впоследствии, с ростом мелких оленьих стад, потребность в таких объединениях нескольких чумов вызывалась уже специфическими условиями оленеводства. Общеизвестно, что мелкие олени стада гораздо чаще разбегаются, и пастухам уследить за ними гораздо труднее, чем за крупным стадом. Вследствие этого и увеличиваются периодически кочевые группы во время пург зимой, весеннего роста трав или при появлении осенью грибов, в поисках которых разбредаются олени. В это время выделяют для пастбы всего двух-трех человек, летом часто и женщин, и в результате освобождается лишняя мужская сила для промыслов - охоты и рыболовства. Если раньше поковки оленей производились такими маленькими коллективами, как отдельное хозяйство, то теперь они производятся часто даже силами целого рода. Появившаяся позднее сеть для ловли диких оленей тоже потребовала коллективных охотничьих объединений. Какой бы подвижностью ни отличалось оленеводческое хозяйство, крупные стада являются до некоторой степени препятствием для охоты, особенно на диких оленей, привязывая к себе охотника. Из этого положения найден был выход в том, что пастухов с оленями стали оставлять на летний период охоты в тундре, а на промысел посылать мелкие артели. С легким снаряжением специально для охоты на диких оленей они отправлялись на срок от одного до трех месяцев в более отдаленные, менее освоенные районы.

18

Потребность в объединениях, которая создавала возможность внутрияхозяйственного разделения труда, хотя бы сезонного, диктовалась не только интересами развивающегося оленеводства и охоты (на диких оленей), но и другими хозяйственными нуждами. Мы располагаем в этом отношении следующими весьма интересными сведениями.

В старину, когда у нганасанов было немного оленей, они откочевывали летом со своими немногочисленными стадами на север, к Таймырскому озеру, и оставались там всю зиму для ловли рыбы, жили в землянках, но так как домашние олени не могут выдержать зиму на Крайнем Севере (на зиму спускаются к югу даже дикие олени), то все хозяйства собирали своих оленей вместе и поручали их нескольким пастухам, которые до весны уходили в лесотундру.

Таковы, по моему мнению, экономические предпосылки увеличения хозяйственных объединений.

Каждый нганасанской род, как указывалось, ведет свое происхождение от предка-мужчины. Если термин танса применялся для обозначения рода вообще, то отцовский род выделяется особо - дедытын тансэ. Происхождение от одного предка обязывает к строгому соблюдению родственных отношений. Это выражается в строгом запрете браков внутри рода. К редким случаям нарушения этого порядка нганасаны относятся весьма недоброжелательно. Существует взгляд, что такого рода незаконные браки приводят к семейным несчастьям и к вымиранию. Например, дочь шамана Черие вышла замуж за сына его брата. После этого у Черие умерли сын и несколько близких родственников. Это было приписано нарушению брачного запрета.

Относительно ограничения брака между братом и сестрой существует следующее сказание.

"Жил один сирота, пошел он куда глаза глядят. Видит, двое лежат и совокупаются и никак не могут отделиться друг от друга. Они, увидев его, умоляют: "Если дойдешь до хозяина земли, спроси, ради чего так мучаемся"

Пошел сирота дальше, пришел к одной речке, увидел, лежат, в виде моста, две рыбы, охвативши зубами друг друга за носы. Плачут они и, увидев сироту, умоляют: "Чего ради так страдаем? Когда будешь у хозяина земли, спроси его".

Перешел сирота по рыбам, как по мосту, на другую сторону реки и увидел там железный чум. Вошел туда и увидел одну женщину. Она его накормила и спрятала, сказав, что мужа ее еще нет.

Вечером, в образе птицы, прилетел муж женщины, который, не заходя в чум, стал все время летать вокруг. Жена ему крикнула: "Что ты меня боишься, не заходишь, я к тебе пришла от солнца-отца, чтобы прожить вместе с тобою счастливо и народить детей, а ты боишься".

Вот тогда муж вошел в чум и сказал: "Каким скверным запахом несет?". Жена его успокоила: "Ради чего страдают рыбы и люди, не имея возможности отделиться друг от друга?". На это муж-хозяин земли сказал: "Рыбы поедали утонувших людей, если они

19

хотят разойтись, пусть они этого не делают. Люди - это плотски соединившиеся брат и сестра. Это большой грех, пусть они этого больше не делают".

Утром, когда муж удалился, жена наделила сироту всяким богатством и отправила назад. По дороге сирота передал наказ хозяина земли и рыбам и людям, а сам прибыл к себе домой и зажил счастливо.

С тех пор считается большим грехом иметь половые сношения с родственниками" (Тыймы Нгойбуо).

Позже экзогамия смягчается. Так, только до третьего поколения не допускаются браки между детьми двух братьев и двух сестер и между детьми сестер и братьев. Стремлением рода сохранить свое поколение объясняется существование у нганасанов левирата, по которому жена умершего старшего брата достается младшему. П.И.Третьяков склонен объяснить левират у нганасанов причиной экономического характера. Он говорит: "По смерти старшего брата на жене его, как уже оплаченной калымом, может жениться младший брат; средний же, по обычаю, на это права не имеет" [1869, 403]. Это последнее ограничение в настоящее время нарушается. Мне говорили вадеевские нганасаны, что если братья умершего, не только младший, но и средний, выражали желание взять вдову, то вопрос решался старейшинами, причем имели немаловажное значение соображения экономического характера, например большая материальная обеспеченность одного из претендентов.

Несмотря на наличие отдельных кочевых групп, территориально и экономически разобщенных между собою, родственные связи сохраняли по-

прежнему, и группы эти старались привлечь в свой состав представителей одного рода.

Это находит свое подтверждение и в исторических данных. Так, например, С.В.Бахрушин в статье "Самоеды в XVII веке" говорит, что род, возглавляемый князем (в данном случае разумеется не род, как упоминается в источнике, а кочевая группа), состоит обычно из отца, его братьев, его детей, племянников, внуков, иногда попадает пасынок. "Так, с князем Батайком живут его три сына и два племянника, с князем Консоком - пять братьев, да у него же в чуму брат двоюродный с сыном; с князем Носифеем - два сына, брат и племянник, с князем Погосеем сын и два пасынка, с князем Тарадином - сын и три брата, с князем Югиром - четыре сына, два внука и два брата и т.д." [1925, 89].

Сознание родового единства неизбежно приводило к кровавой мести. Особенно жестоко карались внутриродовые, межгрупповые столкновения. Для наказания кочевой группы, совершившей нападение, часто объединялось несколько кочевых групп. Убийство откупалось тремя или четырьмя оленями, впоследствии пятьюдесятью рублями. Такой размер выкупа не следует считать низким. Следует иметь в виду, что в старину олени у нганасанов, ввиду их малочисленности, расценивались очень дорого. Если убийца не соглашался на выкуп, его голым привязывали на морозе или на съедение комарам, пока он не давал согласия. Это чувство родового единства особенно

20

ярко осознавалось при нападении со стороны юраков или эвенков. В этих случаях даже выступали объединения, состоявшие из нескольких родов. Преданий о войнах нганасанов со своими соседями сохранилось очень много, для примера приведу следующее.

"Жил один старый шаман со своей старухой. Было у него три сына. Один из них, старший, был кривой. Вот однажды, после вечерней еды, шаман вышел на улицу и, войдя, сказал: "Что-то мне на улице все показалось странным: и облака и снег как бы красные. Было бы хорошо, если бы кто-либо из сыновей ночью посторожил".

На это жена шамана сказала: "Что могут сделать средний и младший сыновья, пусть сторожит старший". Услыхав это, старший сын сказал матери: "Что ты веришь отцу - старику, выжившему из ума. Какой он шаман, не пойду сторожить". "Ну ладно, - сказал отец. - Узнаете, что из этого выйдет". Все улеглись спать, ночью пришли и напали тунгусы с шитыми липами. Старуха-мать спряталась под большим котлом, и ее не нашли. Когда тунгусы ушли, она вышла и увидела своих сыновей убитыми. Мужа она не нашла, лежали только его одежды, самого же нигде не было. "Мне все равно погибать, - сказала старуха. - Пойду на губу к своим людям".

Долго она шла и около губы взойшла на высокую гору. Эта гора и теперь есть. Называется она Нёорумуо. В это время ожидалась поколка, была уже весна, там жил таймырский князь со своей ордой. Среди них находился один человек, который все время сидел и смотрел на солнечную сторону. Вот князь долго наблюдал за ним и сказал ему: "Станный ты человек. Мы обычно ожидаем диких оленей для поделки с северной стороны, а ты все время смотришь в противоположную сторону"¹¹. "Нет, - ответил человек. - Я не диких оленей ожидаю. Мне кажется, что там, на горе, движется что-то черное и сидит там на вершине горы с полудня".

Князь сказал: "И действительно, от шамана нет известий, как-то они живут?". Послал своего сына с одним человеком. Они легким аргишем поехали к горе. Подкрались и увидели во время полудня старуху, греющуюся на солнце. Пустили над ее головой одну стрелу. Она ничего не заметила (должно быть, плохо слышала и видела) и продолжала сидеть по-прежнему. Тогда пустили вторую стрелу. Она тоже

¹¹ Так у А.А. Попова. Весной нганасаны ожидают оленей именно с юга. – Ред.

не заметила. Пустили третью стрелу - старуха заметила. Взяла стрелу и стала удивленно рассматривать. Тогда люди внезапно вскочили. Они пускали стрелы для того, чтобы старуха, внезапно увидев их, не испугалась от неожиданности. Старуха рассказала обо всем случившемся.

Привезли ее к князю и потом всей ордой отправились по следам тунгусов. Впереди аргишей ехал сын князя и один сильный человек. Приехали на старое стойбище и там ничего не нашли.

21

Настала к этому времени осень и выпал снег. Двое ехавших впереди пустились в погоню по свежим следам откочевавших тунгусов. Они, должно быть, что-то заметили, обошли дорогу и спрятались. Через некоторое время они увидели двух тунгусов в одежде, вышитой бисером.

Сын князя убил одного из них, выпустив стрелу, другой погнался за вторым. Сын князя один поехал дальше и увидел в лесу десять чумов. В них нашли старогородского тунгусского князя и только одних женщин. Они сказали: "Наших мужчин всегда было шесть человек. Четырех из них забодал олень шамана (имеется в виду дух нганасанского шамана), а двое где, не знаем".

"Ну, - сказал сын князя, - я вас не трону", отпустил тунгусского князя, взял себе всех женщин и все их богатства. По дороге сын князя встретил своего спутника (тот все продолжал драться с тунгусом), помог ему убить этого тунгуса, и все вместе отправились обратно.

Через много лет сын нганасанского князя ходил охотиться вместе с одним человеком. Вдруг они увидели на небе летающую птицу. Она была какая-то странная. Чем ближе она летела над ними, делая круги, тем все больше становилась похожей на человека. Спутник сына князя оказался родственником исчезнувшего шамана. "Уж не дед ли, давай закричу", - сказал он. "Нет, подождем, молчи", - унял его сын князя. Тот не послушался и закричал. К их ногам упал человек. Он был голый - весь униженный тунгусскими стрелами, как птица перьями. В нем узнали исчезнувшего шамана. Шаман сказал: "Плохо сделали, что позвали меня, я сейчас умру". Стал умирать и позвал свою собаку. С восточной стороны прибежала огромная собака с белым ошейником, легла у его ног и пропала. Позвал своего оленя. Пришел бело-пестрый олень, некогда забодавший четырех тунгусских богатырей, пег рядом и умер. Так рассказывают люди" (Уранник Окуо).

В той беспокойной обстановке, когда почти каждый день приходилось ожидать нападения, говорят предания, мужчины в каждом чуме держали свои луки наготове в изголовьях и никогда не расставались с ними. При военных столкновениях, особенно с чужеземцами, мужчин обычно убивали, а женщины и дети вместе с имуществом делались добычей победителей. Женщины становились женами, а дети воспитывались на равных правах с детьми самих нганасанов. Однако в упомянутой работе С.В.Бахрушина имеются любопытные сведения о существовании у нганасанов в ХУП в. военного рабства. Такими рабами были преимущественно женщины и дети. Так, по переписи 1681 г., в Хантайском зимовье числилось 133 человека, из них 6 "холопов", в числе их пять малолетних [1925, 89]. О правовом положении этих "холопов" мы, к сожалению, никакими сведениями не располагаем.

Сильно распространены были среди нганасанов различные формы родовой взаимопомощи. Повседневным видом этой помощи является и теперь выделение соседям по чуму, чтобы они не голодали, продуктов питания на одно "варево". Этот обычай дележа считается

22

настолько обязательным, что невыполнение его влечет за собой определенную ответственность, правда, при условии, если голодающий участвовал в труде

охотника или рыболова, помогая ему в хозяйстве. Характерно, что не получивший на "варево", жалуюсь старейшинам, объясняет, что он вынужден был, в силу этого, чтобы не умереть от голода, убить на еду своих оленей. Несмотря на то что олени были индивидуальной собственностью, они продолжали считаться как бы общим достоянием, так как от их количества зависело благосостояние "орды" в целом. Если добыча была так незначительна, что не давала возможности уделить на "варево", хозяйка делилась из котла кусками вареного мяса или рыбы.

Охотник был обязан подарить кому-либо из соседей убитого им дикого оленя, отдавая при этом предпочтение старшим. Однако получивший убитого оленя не мог оставить самого охотника без части добычи. Он должен был сам доставить на стойбище убитого оленя и отдать обратно охотнику голову вместе с передней частью туши. Кроме того, этот сосед, получивший такого рода приношение, должен был впоследствии точно так же одарить охотника диким оленем. Охотники, возвратившиеся после длительной охоты в хребтах Бырранга и Северо-Восточном, считают своим долгом одаривать шкурами убитых диких оленей и вяленным мясом своих ближайших родственников и сородичей, оставшихся кочевать с домашними оленями в тундре. Такого рода подарки не требуют возмещения. Интересно отметить, что мясом диких оленей во всех случаях, включая выделение на "варево", распоряжаются исключительно мужчины, тогда как рыбой - женщины, хотя сами они ее и не ловят. В случае обеднения какой-либо семьи на общем сходе решают отдать нетрудоспособных ее членов на год на прокормление зажиточным хозяйствам. Детей в этом случае отделяют от родителей и содержат до достижения ими полной трудоспособности, после этого обязывают их содержать своих родителей. Расходы на содержание обедневших семей впоследствии не возмещаются. Такое положение неизбежно приводило к материальной зависимости бедняков от зажиточных.

Нужно сказать, что у нганасанов уже в XVII в. была налицо довольно развитая имущественная дифференциация. По этому поводу приводим следующую любопытную выписку из статьи С.В.Бахрушина: "Наряду с "прожиточными людьми", владельцами больших стад оленей, встречается и среди самоедов "человек худой", не имеющий собственных оленей. "Люди-де они бедные, - говорится про двух самоедов, - животов у них никаких нет и камень-де (до гор) они доехали на (чужих) Селиных оленях". Такой безоленный самоед должен был искать заработка на стороне, нередко даже "наймывался оленей пасти" у остяков. Бедность отражалась на правовом положении: "худой человеку при дележе добычи получал меньше других... Из числа таких "худых людей", очевидно, набирались те захребетники, которые жили в чужих чумах. Мы читаем, например, в переписной книге 1681 года: самоедин Кумило, с ним его сын, "у него же в чуму самоедин Лесу" с тремя сыновьями; князец Нозей с братом и племянником, и "у него ж в чуму" Норей, "у него ж

23

в чуму Яков Кофу с сыном" и т.д. Всего в чумах у авамских самоедов отмечено 36 захребетников (из общего числа 119 человек)" [1925, 90].

Отношения взаимопомощи имели место не только внутри рода, но и между дружественными родами. Если один род в текущем году промыслял успешно, а другой неудачно, то первый выделял второму часть своей добычи. Такое отношение одного рода к другому указывает, очевидно, на некоторое единство в далеком прошлом этих родов. Род не только помогает своим членам, но и в интересах общего благосостояния следит за тем, чтобы богатство не выходило никуда за пределы рода. Так, например, после смерти бездетного имущество его переходит одному из близких родственников по линии отца. Если претендентов несколько, наследство передается самому бедному из них. Если адаптированный пожелает впоследствии

вернуться в свой род, он имеет право взять с собой только половину своего имущества. При выходе вдовы замуж в чужой род за нее берут калым, который достается брату ее умершего мужа, а при отсутствии брата - ближайшим родственникам мужа.

Продажа-купля между родственниками допускалась редко, когда депо происходило с дорогими предметами, причем обычно при самой сделке уплачивалась только половина стоимости. Другая половина выплачивалась через некоторое время, в зависимости от условия. Почти все взаимоотношения исходят из того, что каждая из услуг будет впоследствии возмещена. Это положение подтверждается существованием обычая матадүо ["пошел в гости"]. Дарят друг другу нарту или оленя и получивший их должен через год вернуть часть стоимости, подарком менее ценным, чем олень или нарта. Однако заслуживает одобрения, если ответный подарок превышает ценность полученного. Это побуждает, конечно, к дальнейшему продолжению отношений матадүо". Если подаривший что-либо ничего не получит взамен в течение года, то считает своим долгом напомнить об этом. "Я тебе тогда-то отдал оленя (или нарту), как ты на это смотришь?". Если получивший подарок не мог в данный момент ничем одарить, он просил подождать. У нганасанов все предметы как частная собственность считаются неприкосновенными, за исключением продуктов питания. Так, каждый нуждающийся в продуктах питания может воспользоваться без разрешения хозяина оставленными в тундре запасами. Это может быть вызвано такою, например, исключительною причиною, как неудачная охота. Позже, с ослаблением родовых связей, этим видом взаимопомощи тоже начинают злоупотреблять. Так, например, нганасан Басюпте, возвращаясь осенью раньше Уранника к краю леса, пользуется ежегодно оставленными на пути запасами вяленого мяса, объясняя каждый раз, что он добыл мало зверя. Взаимопомощь ни в какой мере не обеспечивает труда, требующего материального возмещения. Возвращая хозяину потерянного оленя, находившегося долго под присмотром в его стаде, нашедший требует вознаграждения за пастьбу. Нашедший капкан, унесенный песком, также должен получить при возвращении его владельцу вознаграждение в размере половины стоимости капкана или

24

попавшего в него песка. Охотник, застреливший приставшего к диким оленям одичавшего домашнего оленя, возвращает владельцу только шкуру, а мясо оставляет себе.

Руководителями и советниками в каждой кочевой группе были старики, причем мнение их принимают к исполнению безоговорочно. Совершенно очевидно, что в примерах, приводимых С.В.Бахрушиным, князцами названы такого рода старейшины. И в настоящее время в кочевых группах, по моим наблюдениям, мнение старших пользуется исключительным авторитетом. Старые функции их как советчиков и судей остались за ними и теперь. Не только внутри кочевой группы, но и в каждом отдельном чуме, где живут два или три семейства, младшие без совета старших ничего не предпринимают. Интересно отметить, что если в чуме старшей по летам является женщина, слушаются и ее советов. Всякое, даже незначительное депо требует санкции старшего. Выступая в роли наставников и судей, старшие и в этом случае встречают со стороны младших удивительную покорность. Младшие по возрасту считают грехом для себя называть старшего, даже умершего, по имени и, обращаясь к нему, почтительно называют его дедушкой, бабушкой, братом, сестрой и т.д. Приезжая в гости после долгого промежутка времени, встречаясь, например, осенью после летних кочевек, младшие по летам целуют в обе щеки всех присутствующих старших, независимо от пола. Если же старше гость, то все подходят по очереди, целуют его в обе щеки. Если гость незнакомый и, войдя в чум,

затрудняется определить, кто из присутствующих старше его, то он обращается со словами: "Пусть я буду младшим (или старшим)", - и в зависимости от этого происходит и обряд целования.

По преданиям, среди нганасанов выделялись особенно талантливые люди, отличавшиеся своим умом, силой, организаторскими способностями. Они назывались кондүма и делались руководителями грабительских отрядов. В отдельных случаях они становились предводителями нескольких родов, когда дело касалось войн с соседними народами.

Влияние старших, вполне нормальное в условиях родового строя, впоследствии стало часто служить источником злоупотреблений и вызывать недовольство со стороны младших. Так, Бульчу и Уранник кочуют в составе одной группы. Бульчу как старший пользуется своим положением, заменяет своих упряжных животных оленями более имущего соседа Уранника, хотя и у него самого оленей с избытком. Он ежедневно запрягает в свою нарту четырех оленей, двух из стада Уранника. Хотя оленей у Бульчу и меньше, но и аргиши его меньше, поэтому и запрягаются они не так часто. Молочные рога у оленей Бульчу более высокие и ветвистые, чем у оленей Уранника. Это признак большой упитанности. Уранник - искусный охотник, просит старика Бульчу руководить в качестве путевода при аргишении и дать этим ему время для охоты, служащей источником пропитания всей кочевой группы, так как старик все равно ослаб для охоты и плохо видит. Бульчу не соглашается, и Уранник вынужден вместо охоты кочевать вместе с аргишем. Уранник

25

всем этим очень недоволен, но не смеет открыто высказаться, так как Бульчу старше его.

В мою бытность в одной из кочевых групп произошел открытый случай неповиновения старикам. Один из молодых охотников, Чиморё, вопреки желанию старших, повел кочевую группу по другому маршруту. На этот раз старикам пришлось подчиняться; Чиморё был хороший охотник, обеспечивал мясом диких оленей всех членов группы, и они не посмели высказать ему открыто свое недовольство.

С приходом русских из старших, представлявших собою родовую знать, стали назначаться и выбираться представители русской администрации - "князцы", как это имело место у других народностей Сибири. На них возлагались следующие обязанности: 1) сбор ясака; 2) разбирательство разных правонарушений с применением по их усмотрению телесного наказания (розог); 3) представительство перед русскими властями по делам своих родичей. Такое административное устройство хотя и имело отрицательные стороны, но способствовало все же смягчению нравов - были ликвидированы родовая месть и войны.

Князцы со времен Екатерины II стали получать жалованные кортики. Эти атрибуты власти подняли престиж князца не только в глазах сородичей, но у мелких представителей русской власти. Мне с гордостью рассказывали нганасаны, что в старину из-за кортика боялись князцов и казаки: "Раньше казаки собирали ясак шкурками пушных зверей. И вот, когда почему-либо казак отказывался принимать шкуру зверя, предлагаемую в ясак, то князец вторично просил казака взять ее, поднося шкуру на острие конца своего кортика к самому его лицу и при этом говорил: "Попробуй-ка не взять. Вот нож, полученный мною от моего друга - белого царя. Только не прими, я сейчас же отрублю тебе голову этим ножом". Казак боялся и брал шкуру". Рассказывали также, будто бы некоторые нганасанские князцы, надев кортик, не боялись бить по лицу казаков, говоря: "Ну-ка попробуй ударить меня, я имею жалованный от белого царя кортик". Держа себя так по отношению к рядовым казакам, нганасанские князцы, однако, боялись больших начальников, каковыми они считали приставов и заседателей. Существует рассказ [о том], что

когда один князец протянул в старину руку с ясаком русскому начальнику, тот, увидев грязь на его ногтях, сказал: "Что ты мне протягиваешь грязь", - и отрубил ему голову.

Как в старину князцы производили суд, видно из следующего рассказа Тыймы Нгойбуо, сына очень популярного в свое время князца.

"Когда мой отец был князцом, три нганасана разграбили амбар долгана Конона и взяли рыбу и юколу. Мой отец присудил воров к порке. Суд происходил в присутствии долган и нганасанов. Один из долган, Егор, услышав приговор, поклонился моему отцу и стал просить, чтобы он отменил или облегчил приговор. Отец уважил его просьбу и присудил воров только к уплате трех оленей. Тогда взял

26

слово еще один старый долган и просил отца убавить с присужденных одного оленя. Отец мой и на это согласился. Тогда и другой долган просил отца убавить еще одного оленя. Отец мой и на это дал согласие. Таким образом воров обязали, чтобы они отдали Конону только одного оленя".

Как это видно из сказанного, у нганасанов, как и у долган, было в обычае прощать преступника или смягчать его наказание, если за него просили чужеземцы или всеми уважаемые люди. Интересно отметить, что нганасанские князцы считали грехом пороть виновных в дни русских праздников. А о праздничных днях они узнавали от долган. Также почитали грехом наказывать провинившихся до восхода солнца.

Князцы формально считались выборными, обычно же власть передавалась по наследству от отца к наиболее влиятельному сыну. Должность князца являлась пожизненной. По данным С.В.Бахрушина, за отсутствием другого старшего родича еще в XVII в. достоинство князца после его смерти переходило по преемству к его сыну; так, в Авамском зимовье князцу Вострому, или Юмо, наследовал его сын Консокой [1925, 91]. Известно также, например, что князцы у авамских нганасанов всегда были из рода Чунанчар [Долгих, 1938, 23-24]. С.В.Бахрушин сообщает также, что власть князца над его "родовиками" была совершенно реальная (в XVII в.) и он пользовался над каждым из них правом жизни и смерти [1925, 91]. Позже выборные князцы, по представлению туруханского пристава, утверждались енисейским губернатором. Ввиду отдаленности края утверждение получалось через год и более.

При изучении расселения нганасанов нетрудно заметить, что кочевые группы одного рода кочуют из года в год по определенной территории. Эти кочевания настолько постоянны, что аргиши проходят из года в год по проторенным тропам. Места охоты и рыболовства внутри такой осваиваемой группой территории считаются во впадении этой группы, об этом говорилось уже подробно в первой части работы. Границы этих участков отдельных кочевых групп строго размежеваны и входят, в свою очередь, в состав обширной территории всего рода. Таким образом, каждый род имеет свою территорию, разделенную внутри на отдельные участки кочевых групп, составляющих части рода. Эта родовая общность территории очень глубоко осознается нганасанами. Самое заветное желание каждого из них - умереть на своей родной земле. Из-за боязни умереть на стороне нганасаны неохотно покидают свою землю. Когда с установлением Советской власти нужно было поспать от вадеевских нганасанов одного делегата на окружной съезд Советов в Дудинку, долго не находилось "храбреца", соглашавшегося добровольно поехать. Наконец нашелся таковой - Тыймы Нгойбуо, имевший раньше много дел с русскими. Когда на следующий год решили послать на съезд другого нганасана, Сиерсо Куокара, тот со слезами на глазах умолял Тыймы заменить его, обещая по возвращении его из Дудинки подарить ему волчью шкуру. "Однако, когда я вернулся из Дудинки, Сиерсо не отдал мне обещанной шкуры,

обманул меня", - жаловался мне Тыймы. Надо полагать, что в старину, когда хозяйственные условия позволяли жить предкам нганасанов более скученно, существовали общие места погребения. Это видно из того, что и теперь считается желательным хоронить умерших вблизи могил родственников. При кочевой жизни это не может соблюдаться строго, и тем не менее и теперь бывают случаи, когда покойника привозят издалека, чтобы похоронить его на родной земле.

Родовое единство находит свое выражение и в общности культа. В феврале, с появлением солнца после полярной ночи, устраивается празднество Чистого чума. На этот праздник собираются не только из отдельных кочевых групп, но и из нескольких родов. Тут испрашивается шаманами удача и счастье для всей "самоедской орды". Кроме семейных святынь, имеются и родовые, как, например, у рода Нгойбуо.

Все приведенные материалы позволяют утверждать наличие у нганасанов ярких пережитков рода. Подтверждением этого служат следующие основные признаки: 1) сознание происхождения от одного общего предка - мужчины; 2) экзогамия; 3) взаимопомощь, выражающаяся как в экономической поддержке родичей, так и в кровной мести; 4) общность территории и 5) общность культа.

Если до самого недавнего времени женщина в нганасанском обществе занимала приниженное положение, то некоторые факты указывают, что в далеком прошлом положение это не было таковым. Нганасанское общество прошло, видимо, когда-то стадию матриархата. Об этом между прочим говорит следующее записанное мною любопытное предание.

"В старину у нганасанов женщины могли охотиться так же, как и мужчины. Они так увлекались охотой, что забрасывали все свое домашнее хозяйство и, кроме того, причиняли много несчастий, без толку стреляя не только в зверей, но и в людей (мужчин). Увидев мужчин, они не подходили к ним близко и убивали выстрелами из лука издалека. Тогда "мужчины посоветовались и решили унять женщин и снова заставить их заниматься домашним хозяйством. Поймали всех женщин и переломали у них луки. С тех пор у нганасанов женщины перестали охотиться и стали подчиняться мужчинам" (Уранник Окуо).

Былое господство женщин видно и из следующих факторов. Несмотря на ограниченное правовое положение, старшие по возрасту женщины все же бывают иногда старейшинами кочевых групп. У вадеевских нганасанов угощение гостя - это право и депо женщины. Она распоряжается продуктами, и если не захочет угостить гостя, муж не может заставить ее. Если при ловле гусей сетями не хватает рабочих рук, к участию допускают иногда и женщин. Правда, им как нечистым отводится при этом второстепенное место. Распределение добытой рыбы - исключительно дело женщины. Это говорит, очевидно, о том, что женщины когда-то в прошлом как непосредственно связанные со своим чумом занимались рыболовством. Рыболовство не требовало дальних отлучек от стойбища, которое располагалось

обычно вблизи рыбных водоемов, и было, очевидно, женским занятием. Мужчины в условиях Заполярья, где собирательство имело исключительно ограниченное значение, занимались охотой. Впоследствии положение это изменилось, и занятие рыболовством, как и охотой, до недавнего времени женщинам категорически запрещалось как существам нечистым. На более высокое в прошлом правовое положение женщин указывает также сохранившийся до наших дней обычай после ее смерти оставлять при захоронении вместе с трупом всю снятую с нее одежду и ее личные вещи. В этом случае, очевидно, налицо пережиток признававшегося некогда за женщиной права собственности.

Огонь пользуется у нганасанов большим почитанием. К огню прибегают при очищении всего оскверненного, нечистого, но, несмотря на это, на женщине, считающейся нечистой, связанной с целым рядом унижительных запретов, лежит присмотр за огнем и обязанность "кормления огня" - бросания в него кусочков пищи. Еще более любопытно отметить, что у авамских нганасанов в отличие от вадеевских за семейными святынями также присматривает женщина, за исключением периода беременности, и, наконец, женщина может быть шаманкой. А шаманам ведь приходится иметь дело с чистыми духами и божествами, и сама личность шамана в первобытном обществе объединяла в себе самые различные и важнейшие социальные функции.

II. ОТНОШЕНИЯ РОДСТВА И СВОЙСТВА

Добрачные отношения между молодыми людьми и девушками происходят у нганасанов довольно свободно. В противоположность ближайшим соседям их - долганам, у которых такие отношения прикрываются некоторой завесой стыдливости, у нганасанов они происходят совершенно открыто. Молодые люди, не стесняясь, поют импровизированные любовные песни, обращенные к предмету своего чувства, в присутствии как ее самой, так и ее родителей и случайных посторонних лиц. Не ограничиваясь этим, молодой человек на виду у всех усаживается рядом с девушкой, обнимает ее, садится ей на колени, допускает другие вольности, упрашивает ее стать его любовницей. Девушка при этом делает вид, что не соглашается, и отвечает отказом, когда молодой человек спрашивает ее: "Если я приду к тебе ночью,пустишь ли ты меня?", Часто молодому человеку приходится приезжать несколько раз для получения желанного ответа. В случае согласия девушка дарит своему возлюбленному связку бус, привески на косу в виде медных пуговиц или других безделушек, смазывает ему густо волосы жиром или костным мозгом оленя, расчесывает их на середине на прямой пробор и вплетает свои подарки в концы косичек, спускающихся около ушей. Молодой человек в свою очередь тоже делает девушке подобные подарки. Такой обмен подарками дает право молодому человеку приходить ночью к девушке и спать с ней. Все это происходит с полного ведома и согласия родителей девушки. Через некоторое время подарки возвращаются и интимная близость прекращается.

29

Если молодой человек, обменивавшийся подарками, не успел поспать с девушкой обусловленное время (обычно месяц), и она вышла замуж, то она должна возвратить любовнику половину стоимости полученных подарков, другую половину возвращает муж. В моем присутствии в чуме одного таймырского нганасана произошел следующий случай. К молодой, только что вышедшей замуж женщине приехал женатый мужчина и стал просить ее в присутствии всех вернуть подарок, полученный от него до замужества. В случае ее отказа приехавший грозил пожаловаться мужу. Присутствующие отнеслись к этому отрицательно и пристыдили его, что он, человек женатый, пристаёт к женщине. Отсюда видно, что и женатые мужчины обмениваются с девушками подарками, но скрытно от своих жен. Массовые сговоры о половом сожитии происходят между молодыми людьми и девушками на празднестве Чистого: чума. Но половые общения между молодыми людьми допускаются и без сговора. Так, парень, желающий прийти ночью к девушке, бросает ей вечером перед сном на колени пояс от своего натазника. В случае согласия девушка пояс оставляет у себя.

В настоящее время, за немногими исключениями, семья у нганасанов моногамна и только изредка можно встретить двое- или троеженцев (мною встречен только один случай троеженства).

П.И.Третьяков сообщает, что состоятельные нганасаны имели даже по четыре жены [1869, 403], причем жениться одновременно на двух сестрах запрещалось, хотя после смерти жены вдовец и мог жениться на ее сестре. Жены в зависимости от благосостояния мужа жили вместе или в отдельных чумах на одном стойбище. Муж в таких случаях ночевал у каждой жены поочередно. Наибольшим почетом среди жен пользовалась старшая, взятая раньше, но, надо полагать, что это соблюдалось не всегда, а зависело от личных симпатий мужа. Так, например, у троеженца Дюхадие большим авторитетом пользовалась вторая жена. П.И.Третьяков отмечает, что многоженство приводило к семейным раздорам. Браки между детьми двух сестер или двух братьев были у нганасанов запрещены, но между детьми этих детей

разрешались. Также мой сын имел право жениться на дочери брата моей матери, но не имел права жениться на дочери сестры моей матери.

Мой сын не может взять жену из рода моей матери, но мой внук может. Внебрачные дети остаются у отца матери, воспитываются на равных правах с его детьми и впоследствии получают вместе с ними наследство после деда. У нганасанов имели случаи женитьбы мальчиков на взрослых девушках, часто, вероятно, по экономическим причинам.

В настоящее время полиандрия у нганасанов не замечена, но пережитки братской полиандрии отразились в запрете младшему брату жениться на девушке из рода жены его старшего брата. До самого недавнего времени у нганасанов бытовал левират, утративший свой обязательный характер.

Следующие запреты могут быть истолкованы как ограничение свободных половых отношений. Парни и девушки считают предосудительным

30

показывать друг другу ногти своих пальцев на ногах. Невестка не может ничего передавать непосредственно в руки свекру, а ставит нужное перед ним, не может показывать обнаженных ног не только свекру, но и свекрови, не может в разговоре обращаться непосредственно к свекру и называть его по имени. Имя это заменяется словом "они". А свекор, отвечая невестке, пользуется словом "мы". Например, не "я приехал", а "мы приехали". Такой же запрет существует и в отношениях зятя к теще и тестю. При совместной поездке зятя и тестя они стесняются отправлять естественные нужды на виду друг у друга. Такое отношение между людьми одинакового пола, тестем и зятем, объясняется, вероятно, тем, что они, как представители разных родов, стесняются один другого.

Система родства у нганасанов классификационная, счет родства ведется по отцовской и материнской линиям...

III. СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

У нганасанов нет единого летосчисления, поэтому определить возраст человека бывает очень затруднительно. Для этого всегда приходится исходить из какого-либо определенного события, оставившего след в жизни данной группы или семьи, например от времени последней эпидемии, от дня, когда был убит дикий олень необычайной масти или когда кто-либо умер. Вообще же определение возраста не имеет никакого значения в жизни нганасанов. В редких случаях, когда необходимо определить лета, например, при статистическом учете местных советских органов, обычно спрашивают присутствующих: "Как вы думаете, сколько ему (или ей) лет?". И тут же на основании мнения присутствующих приходят к общему соглашению. Естественно, что при таком положении каждый повторный опрос лет одного и того же человека приведет к разным результатам. При этом следует иметь в виду, что наш год у нганасанов считается за два.

Юношей считают возможным женить тогда, когда они по возрасту своему уже в состоянии охотиться на диких оленей; девушек выдают замуж, когда они могут колоть дрова на топку. Ввиду этого были нередко случаи неравных браков малолетних со взрослыми, даже со стариками. Так, часто отцы из корыстолюбия, в погоне за большим калымом, выдавали своих малолетних дочерей за богатых стариков. Женитьба взрослых на малолетних вызывала отработку, продолжавшуюся часто до совершеннолетия невесты. Зажиточные брали на воспитание мальчиков и, когда они подрастали, женили на своих дочерях. Эти зятья должны были после женитьбы жить в семье тестя в продолжение нескольких лет. При этом когда зять отделялся после определенного срока и заводил самостоятельное хозяйство, родители его жены оставляли у себя одного из детей. Часто старый тесть, уже не имеющий возможности охотиться, оставлял зятя в своем хозяйстве вместо сына, чтобы тот кормил его. При этом тесть получал право учить и наставлять зятя, как сына.

31

Если умирала дочь, тесть иногда приглашал зятя жить вместе с ним и в случае вторичной его женитьбы уплачивал за него половину калыма. Нередко зять после смерти тестя становился опекуном его малолетних детей и при этом отделял им часть своего имущества или наделял их из своего богатства.

При выборе невесты отец жениха советовался со своими родственниками по мужской линии и ближайшими друзьями. Считалось желательным выбирать невесту из того рода, из которого родичи чаще всего выбирали себе жен в прошлом. Избегали брать невесту из рода, в котором много больных, так как считалось, что болезнь может переходить от жены к мужу. Желание самих брачащихся при заключении брака значения не имело. За невесту обязательно платили калым. Если жених не был в состоянии уплатить его, ему помогали родичи. При этом, как это практикуется и у долган, жених по соглашению возвращал им оленями сумму, затраченную на калым. Иногда он выплачивал ее в продолжение нескольких лет. Калым, если это вызывалось имущественным положением жениха, уплачивался не сразу. Смотря по условию, невеста переходила к жениху или после полной выплаты калыма, или при получении только некоторой его части. В случае неуплаты калыма в условленный срок родители невесты вправе были взять ее обратно.

Нынди (ны денси) - калым - выражался примерно в следующем размере: а) 10 оленей (по пяти быков и важенок); б) 20 оленей, из которых 10 мелких; в) 30 оленей (по 15 быков и 15 важенок). К оленям калыма прибавлялось: а) пять черных оленьих шкур, нюки, шкура волка или песца; б) семь или больше черных шкур [оленя], одна шкура волка, два или три песца; в) 10 или более черных оленьих шкур, одна шкура волка и пять или шесть песцов. Однако ценность калыма повышалась в зависимости

от благосостояния родителей невесты и ее личных достоинств. Так, А.Ф.Миддендорф приводит следующий факт:

"Почти за полстолетие до меня сестра старшины Натуранты, который и в мое время счастливо правил своим народом, всюду была известна своею рассудительностью, бережливостью и бесприкословностью... Тщетно домогался ее руки целый ряд женихов. Цена за нее была слишком высока. Наконец один самоед, слывший в то время за богача, купил ее для своего сына в качестве второй жены. Он дал отцу 5 голубых песцов, 45 песцов, 5 волков, стадо в 90 сев. оленей, 8 аршин красного сукна, не говоря уже о котлах и о всей принадлежности домашнего хозяйства. Кроме того, целое собрание женских медных панцирных пластинок было заменено северными оленями. Громко раздавалась слава такой женщины и ясно доказывала, что самоед хотя и отдает жену свою внаймы, все-таки лучше иного европейца умеет ценить умственные достоинства женщины" [1878, 681-682].

Сватом - нгойбу (нойби)¹² выбирали пожилого человека, бойкого на язык, а главное - не состоящего в родстве с невестой, чтобы

32

он не был пристрастным при передаче предложений ее родителей отцу жениха во время сватовства. При удачном сговоре сват получал после свадьбы за свои услуги от отца жениха шкурку песца или одну важенку (обязательно важенку, чтобы невеста имела детей) и из приданого невесты одного песца или одного оленя. Сватовство происходило весной или осенью и обязательно только днем, вечером это считалось грехом. Сват вместе с женихом и отцом отправлялся к чуму невесты. По прибытии на место жених с отцом оставались на улице и садились на свою нарту. Сват, опираясь на посох - обыкновенный железный прут, направлялся к чуму невесты. Войдя в чум, он становился у входа. Отец невесты будто бы не замечал его и молчал. Сват ждал некоторое время, затем поднимал свой посох и направлял конец его ко лбу отца невесты со словами: "Если ты согласен, скажи, если не согласен, не говори, а то я запаздываю с возвращением". По словам нганасанов, этот обычай вел свое происхождение еще от тех времен, когда женщин брали насильственно. Такой жест служил тогда угрозой и вместо прута употреблялось копьё (в случае отказа сват убивал отца невесты). Если предложение свата было по душе, отец невесты приглашал его сесть рядом и начинался торг о калыме. Иногда эти переговоры затягивались на несколько дней. Сват вынужден был уезжать и снова возвращался, причем вторично он приезжал уже без посоха, который оставался в чуме отца невесты.

За время переговоров о калыме сват время от времени выбегал из чума, чтобы передать отцу жениха условия невестинной стороны. Если переговоры завершались благополучно, сват благодарил отца невесты, жал ему руку, затем приглашал в чум жениха с его отцом. Их угощали, чаем, и они уезжали. По другой форме сват при первом посещении дарил отцу невесты волчью шкуру. Если отец не желал выдать дочь, он отказывался от подарка. В случае согласия (когда отец невесты принимал шкуру) сват тотчас же уезжал, приезжал снова обратно, но не заходил в чум до тех пор, пока отец невесты не назначал свату плату за право входа. Войдя в чум, сват одаривал невесту и ее родителей.

Через три дня после сговора сват с женихом приводили оленей калыма, привязанных гуськом друг за другом к одному аркану и обводили их трижды по солнцу вокруг чума. Отец невесты выходил смотреть оленей. Если ему какой-либо олень не нравился, отец жениха заменял его другим. Хотя у отца невесты было бесспорное право браковать оленей, такой поступок все же вызывал пересуды. После осмотра оленей отпускали. Сват вводил жениха за руку в чум, причем совик и

¹² Буквально «посыльный». – Ред.

кукуль¹³ жениха доставались в собственность свату. Невеста при входе жениха сидела на своем ложе, тот садился рядом с ней. После этого сват уходил сейчас же к соседям. Жениха и невесту угощали. Постель приготавливала мать невесты, В эту ночь невеста спала вместе с женихом,

33

не раздеваясь, в верхней одежде. П.И.Третьяков пишет по этому поводу следующее: "Бывает иногда, что девушка ложится, не скидывая одежды. Это служит знаком, что она вовсе не желает быть женою нареченного супруга". Далее автор прибавляет: "Если отвращение к жениху продолжается еще несколько недель, родители возвращают обратно взятый калым и берут дочь к себе" [1869, 402]. По нашим опросам, то обстоятельство, что невеста спит первую ночь с женихом не раздеваясь, не показывает ее неприязни к жениху.

Утром, когда вставали ото сна, мать невесты говорила жениху: "Заставь заплести волосы". Жених подставлял голову, и невеста, густо смазав его волосы жиром, заплетала их в две косички около ушей и вплетала бусы или медные подвески. Жених надевал шпиту невестой нарядную одежду и в этот же день уезжал домой. Через три дня он снова приезжал с отцом и матерью, чтобы увезти невесту. Родители ее убивали оленя и угощали мясом собравшихся гостей. В тот же день выезжал поезд с невестой.

Невесту перед отправлением одевали в нарядные суконные танцевальные (они же погребальные) одежды, при этом она должна была всячески сопротивляться. Поезд невесты вел отец жениха, невеста сидела в женской нарте, закрытой пологом, причем только в этом единственном случае с полога снимали верхний чехол из белой материи, чтобы показать узорную кайму над кистями. За нартой невесты следовали одна-две грузовые нарты (кунсыбы"а) с приданным и две нарты без настила для перевозки шестового чума и нюков. В грузовых нартах была зимняя и летняя одежда, шкурки пушных зверей (песцов и волков) и крышка чума. В нартах без настила находились большой медный котел, чайник и другие кухонные принадлежности. Жерди чума привозили только на другой день, когда чум отца невесты снимался со стойбища, так как они составляли часть жердей из чума отца, и для того, чтобы взять их, потребовалось бы специально перестраивать чум. Отец и мать невесты ехали сзади.

Невесту вводили в чум отца жениха свекровь, как только она входила туда, свекор и свекровь бросали в огонь кусочки жира и просили духа-хозяина огня наделить молодых счастьем. Невесту усаживали в глубине чума на половине жениха. Жених садился рядом с ней. Затем все присутствующие выходили на улицу и осматривали содержимое грузовых нарт. Если находили, что оно по стоимости не соответствовало калыму, то отец жениха требовал доплаты. Однако из-за этого свадьба не расстраивалась. Отец жениха убивал оленя и угощал собравшихся мясом. Здесь новобрачные проводили первую ночь. Отец и мать невесты получали в подарок песцовую шкурку или оленя и сейчас же после угощения уезжали. Гости также разъезжались, при этом каждый старался увезти с собой для счастья кусочек мяса.

По описанию П.И.Третьякова, у авамских нганасанов [жених и невеста] первую брачную ночь проводили в особом чуме, установленном невестою. "На другой день молодая жена подает мужу новую пару платья, лук, стрелы и, смазав его голову оленьим жиром,

34

¹³ Имеется в виду мешок из шкуры оленя, в который обычно вкладывают ноги при езде на нарте зимой. – Ред.

расчесывает волосы и вплетает в них стеклярус с бляхами. Новобрачный тотчас же отправляется на охоту и, если не убьет дикого оленя, то для угощения родных закапывает (удушает. - А.П.) домашнего. За целомудренную дочь родители получают от зятя подарки [1869, 402-403].

В старину жена считалась полной собственностью мужа, и многоженцы имели право за определенную плату уступать на время посторонним своих жен, не считаясь с их желанием. Кроме того, П.И.Третьяков сообщает, что "иногда самоед выменивает себе жену на родную сестру или племянницу". А.Ф.Миддендорф приводит еще более интересный случай. "Второй сын Око, следовательно сын очень богатого человека, женился на дочери старшины Натуранты, т.е. на аристократке. За нее отец Око отдал свою дочь, т.е. сестру жениха, служившую Натуранте до тех пор, пока он выдал ее замуж ради своей пользы" [1878, 682]. По сведениям П.И.Третьякова, "самоед может бросить свою жену, если она бесплодна или развратна, и, сделав это, требует возвращения уплаченного им за нее калыма или отданной взамен родственницы. Раздорам в этом случае не бывает конца" [1869, 403].

Действительно, по моим наблюдениям, до самого недавнего времени браки расторгались довольно легко, причем уважительным считалось бесплодие или измена жены. Муж мог требовать взамен оставленной жены [себе] в жены ее младшую сестру или племянницу. Если такая сделка не осуществлялась, калым возвращался обратно.

В семье нганасанов полным хозяином считался отец, женщина занимала самое бесправное и тяжелое положение, с ее мнением никто не считался. Как нечистое существо, она подвергалась различным унижительным запретам. При шитье своей обуви она как нечистая не могла употреблять ниток из сухожилий дикого оленя и заменяла их сухожилиями домашнего. Ей запрещалось есть голову и язык дикого оленя, спать на его шкуре, наступать на [оленью] кровь, если она пропилась на землю. В этом последнем случае думали, что перестанет верно бить ружье. По этой же причине [женщины] не могли дотрагиваться до ружья и других охотничьих снаряжений.

7 ноября 1937 года мой сосед Конгсуптие повез меня на охоту на диких оленей сетями. Мы поехали к чуму не напрямик, а объездом, так, чтобы ехавшая сзади нас женщина - жена Конгсуптие - не перерезала дороги между чумом и местом предполагаемой охоты, так как это принесло бы неудачу. Если места, где мы накануне повили гусей сетями, приходились по пути нашего кочевания, то мужчинам разрешалось проезжать по ним, а женщины со своими аргишами должны были обходить их, чтобы не отпугнуть гусей, иначе гуси в будущем году не будут линять на этих местах. Пойманную рыбу не несут прямо в чум, ее кладут на землю за вереницами санок, стоящих перед чумами, чтобы между чумами и рыбой не прошла женщина, иначе рыба перестанет ловиться. Этот запрет имеет силу до тех пор, пока рыбу не очистят от чешуи, на том же месте, где ее сложили. Считается грехом проходить внутри чума за спиной женщины. Если болят глаза, говорят, что человек невзначай коснулся

35

менструальных выделений¹⁴. Женщина, перешагнув через какой-либо предмет, оскверняет его. Так, если случайно между ее ногами пробежит щенок, его берут за шиворот и для "очищения" держат некоторое время над дымом очага. Если на земле лежит растянутый олений аркан, то женщина, чтобы пройти дальше, поднимает его и перебрасывает через голову.

Плетенки из тальника, меховой или дощатый настил чума считаются нечистыми, поскольку по ним ходят женщины. Мало того, считается нечистой вся

¹⁴ Нганасаны думают, что всякая нечистота приводит к слепоте.

женская одежда. Продавая мне для коллекции мужскую одежду, нганасаны ставили условием, чтобы я обязательно при укладке клал ее сверху женской одежды, чтобы не осквернить ее. Долган Подуо совершенно неожиданно получил ценный подарок - новый нарядный совик сына нганасана Уранника. Произошло это только потому, что совик сделался "нечистым" от того, что случайно, когда он лежал на земле, через него проехали женщины. Если женщина отправится в гости и после ее отъезда между нею и чумом пройдет чужой аргиш, она (особенно если беременна) при возвращении домой даже на другой день не пересекает след этого аргиша и часто вынуждена бывает, чтобы обойти его, проехать более десятка километров. На речных переправах во время летних кочевок женщину как нечистую не сажали в ветку [легкую лодку]: чтобы перевезти ее, связывали параллельно на некотором расстоянии друг от друга две ветки и соединяли их досками из настила чума, на который и сажали женщину. Иногда женщину перевозят и прямо в ветке, но лишь после того, как перевезут всех мужчин и все "чистые" вещи домашнего обихода. После этого ветку "для очищения" вытаскивают на берег и окуривают собачьей шерстью.

Мужчины считают для себя предосудительным исполнять женские работы и только при недостатке людей помогают женщинам устанавливать чум или выщипывать перья, если упромышлено много гусей и они могут испортиться. В мою бытность у вадеевских нганасанов у старика Бульчу находился на иждивении пожилой внебрачный сын сестры - сирота, которого заставляли выполнять все мелкие домашние работы, не исключая и женских. Вместе с женщинами он собирал хворост для топлива, потрошил гусей и т.д. Это вызывало недовольство соседей, говорили, что Бульчу унижает этим своего племянника. Я, ввиду своего незнания обычаев, совершенно неумышленно обидел одного почтенного старца, попросив его сплести для меня циновку из хвороста. Оказалось, что этим могут заниматься лишь женщины.

Несмотря на такое приниженное положение женщины, нельзя сказать, чтобы к ним относились плохо, ссоры между супругами случаются очень редко. А.Ф.Миддендорф говорит, что в его время "как нечто неслыханное рассказывали, что Око колотит жену свою, да преимущественно из ревности" [1878, 683].

Если женщина у нганасанов считается нечистой, то с наступлением беременности она подвергается еще новым специальным запретам. В последние месяцы беременности она не может никуда отлучаться от своего чума и никому не разрешается проходить между ней и ее мужем. Муж спит отдельно от жены. Часть запретов имеет охранительное значение. Так, беременной запрещено есть зайцев, чтобы ребенок не стал пучеглазым и косым, мясо уродливого теленка, чтобы ребенок не родился уродом. Думая, что удачные роды зависят от духа-хозяина луны, молятся луне по утрам и вечерам и, кланяясь, говорят ей: "Помоги нам, от тебя зависят благополучные роды". Бабку приглашает лично муж беременной и во время пребывания ее всячески ухаживает за ней. Роды происходят в том же чуме, где живет семья¹⁵. Перед самыми родами муж устанавливает вертикально внутри чума около лежанки жены колышек, привязывая его наклонно за верхний конец к одной из жердей чума. Чтобы роженице было теплее, на месте против ее лежанки с наружной стороны нюка сгребают завалину из снега. Затем наносят снег внутрь чума и утрамбовывают его в виде ложа на месте, где будут роды, настилают сверху отрепья из старых оленьих шкур. Иногда на некотором расстоянии вокруг такого ложа устраивают низкую насыпь из снега в виде ограды. Это делается для того, чтобы к обслуживающей ее бабке не могла перейти нечистота роженицы. Если родовые потуги начинаются на улице, роженицу вводят в чум не через обычный вход, а через отверстие от нюка, вынутого с левой половины чума. Мужчины обходят как нечистое то место внутри чума, где начались потуги.

Во время родов раньше из чума выходили только одни неженатые мужчины, теперь выходят все, за исключением женщин. Чтобы роды происходили легко, у роженицы снимают все кольца и серьги. Для этого же бабка спрашивает у незамужних рожениц имена любовников. При трудных родах муж подходил к нартам домашних святынь и просил их помочь роженице, часто он дарил им при этом оленя. Если случался шаман, его заставляли камлать в соседнем чуме, так как чум роженицы являлся для него нечистым.

Женщина рождает стоя на коленях, держась руками за колышек. Бабка при этом не оказывает ей никакой помощи. При появлении ребенка на свет бабка оmyвает его водою изо рта и окуливает для "очищения" собачьей шерстью. По сообщению П.И.Третьякова, "младенца катают по снегу, для того, говорит самоед, что после лучше будет терпеть стужу" [1869, 402]. В семьях, строго придерживающихся старых обычаев, роженица в течение трех дней держит ребенка у себя за пазухой, никому его не отдавая. Уход бабки за роженицей заключается исключительно в подаче ей пищи. Пища эта подается в старой негодной посуде, которую не жалко потом бросить как нечистую. Когда нужно кормить роженицу, бабка ставит

37

посуду с едой на конец длинной доски и издали протягивает ее, боясь оскверниться. Несмотря на эти меры предосторожности, бабка все же считается нечистой и не может иметь дело с огнем. После родов натазники женщины как нечистые распарывались, и шили из них натазники девочкам. С этого времени и пояс мужа роженицы как нечистый отдавался носить девочкам.

Рождение ребенка независимо от пола - большая радость в семье нганасана. Если новорожденный похож на кого-либо из умерших родственников, говорят, что вновь уродился тот родственник. Если же новорожденный походил не на

¹⁵ Иногда ставят отдельный чум. – Ред.

родственников, а на кого-либо постороннего и кто-либо замечал это, его обрывали: "Зачем будет похож на него, ведь он не родственник". Если ребенок был очень похож на отца или на мать, сильно огорчались, думали, что этот из родителей должен умереть: "Он родился, чтобы заменить его", - говорили. Иногда при рождении ребенка устраивают угощение, специально убивая оленя. Это делают, чтобы люди, поевшие мяса, благожелательно думали о новорожденном, что приносит ему счастье.

Детская деревянная зыбка нганасанов имеет вид овального короба со стенками из выгнутой доски и несколько приподнятым передним концом для полусидячего положения ребенка¹⁶. Стенки зыбки раскрашены поперечными черными и красными линиями. В изголовье устроен обруч¹⁷, поддерживаемый обычно ремешком, иногда цепочкой. К зыбке привешены различные подвески - медные пуговицы, бляхи, цепочки и бусы, у мальчика с правой стороны - изображение лучка, с левой - ножичка в ножнах, чтобы он стал впоследствии хорошим охотником. Трубки для стока мочи в зыбке нет.

Через три дня после родов происходит первый обряд очищения. На сковороду с горячими углями кладут жир дикого оленя (жир домашнего считается нечистым), собачью шерсть или рыбью кожу, и все живущие в доме роженицы держат над дымом свои руки. Тщательнее всех окуривается роженица, ребенок и бабка, причем первая бросает всю одежду, которая была на ней во время родов. Бабка получает за свои труды половину всей шкуры оленя, или половину шкуры с брюшной его части (эта белая шкура идет в основном на одежду), или два камуса, и впоследствии она всегда пользуется большим уважением в семье. Когда у младенца отпадает пуповина, переезжают на новое стойбище и оставляют на старом месте все нечистое: одежду роженицы, полосу нюка и жерди чума, находившиеся над ложем роженицы, посуду, из которой ее кормили, послед. Если рождался мальчик, то тут же оставляли маленький лучок. Все это закрывали досками или дерном. Особенно хорошо прикрывают послед, думая, что роженица перестанет рожать, если к нему прикоснутся "клыкастые" (волки, песцы, медведи). Перед тем как

38

откочевать на новое стойбище, тщательно окуривают весь чум, все находившиеся в нем вещи, все грузовые нарты. Делают это так, чтобы ветром не отогнало дым к соседним чумам, так как вместе с дымом переходит и "нечистота" роженицы. Поэтому чумы, где находятся беременные, располагают на краю стойбища с подветренной стороны. Перед тем как тронуться в путь, уже уложив все пожитки на нарты и запрягши оленей, удушают одного оленя и одну собаку и кладут их поперек дороги. Через них переезжают все нарты аргиша. Но даже и после обряда очищения роженица в течение трех месяцев не может переходить через дорогу нарт с семейными святынями и присутствовать на шаманских кампаниях. Но запреты не распространяются на охотников, живущих с роженицей в одном чуме.

После родов первородящей приносят в дар луне важенку, безразлично, какой масти, отмечая ее особой тамгой под левой лопаткой. Вечером с появлением луны муж роженицы повит арканом предназначенного оленя, пятнает его и, показывая оленя луне, говорит: "Вот ради того, что ты благополучно дала разрешиться, отдаю тебе (оленя). И в следующие годы посылай счастливые роды". Этого оленя не запрягают и не убивают.

Маленьких детей укладывают в меховые "конвертики", разукрашенные черными и красными полосами (из графита и охры) и шитьем из подшейного волоса

¹⁶ Такая люлька более характерна для вадеевских нганасан. У авамских более распространены плоские люльки ненецкого типа. — Ред.

¹⁷ Имеется в виду металлическая дужка каптыси. — Ред.

оленья. На дно колыбели в качестве гигроскопического материала кладут ягель, реже труху из гнилого дерева. Дети в гигиеническом отношении находятся гораздо в худшем положении, чем взрослые. Их никогда не моют, и в результате они покрыты корой грязи. Голые ползают они по чуму, усеянному собачьими экскрементами и другими нечистотами. Испражнения ребенка только слегка соскребаются с одежды, и тем же ножом, что употребляют при еде. Все это, конечно, служит одной из причин детской смертности. В результате выживают только самые здоровые. И действительно, приходится удивляться исключительной выносливости нганасанских детей. В морозы до 40-50° дети, почти голые, ползают по полу неотопливаемого чума, часто выходят на улицу, босыми бегают по снегу. Нганасаны не спешат давать им имена, часто случается, что дети до 3-4 лет не имеют имен. Нередко беременная приходит на шаманское камлание и просит шамана "посмотреть", какого пола будет ребенок, и наделить его счастливым именем. В других случаях значение имен связано с каким-либо событием. Например, мужское имя Нгоробие значит "радостный". При его рождении случилось радостное событие. Отец застрелил четырех диких оленей и нашел околевшего волка. Нүадяку - "хребетный". Когда он родился, стояли стойбищем у подножия Северо-Восточного хребта (отрогов Бырранга). В его присутствии младшие по летам никогда не произносят слова нүай, "горный хребет", а заменяют его равнозначным бэрэнэ. Некоторые нганасаны узнают у долган, какой христианский святой приходится на день рождения ребенка, ему и дают имя этого святого. Так, например, среди некрещеных нганасанов можно встретить имена Иван или Василий. Уранник Окуо

39

рассказал о своем имени следующее: "У моих родителей до меня умерло пять братьев и сестер. Когда я родился, позвали со станка Лабаз знаменитую шаманку и попросили ее камлат. Она для очищения всю нашу семью пропустила через рамку из дерева (по-долгански сычыпкан) и дала мне собачью кличку "Уранник". Но родители, у которых умирают дети, дают новорожденным клички и без участия шамана. Это должно ввести в заблуждение злых духов, поедавших детей. Эти духи не трогают детей, имеющих собачьи клички, думая, что они собаки. Иногда шаман говорит: "Я увидел сон, родился мальчик (или девочка), и чтобы он был у вас счастливым, должны будете наделить его таким-то именем".

Большое значение, которое придается именам, видно из следующего. Сам человек не может называть свое имя, а на вопрос, как его зовут, отвечает: "Не знаю". Не могут произносить своего имени и младшие по возрасту. Это право имеют только старшие. Некоторые из нганасан, общающиеся с русскими, чтобы не называть свое имя, что приходится делать часто, например, при выдаче разных расписок, присваивают себе второе имя, произносить которое не считается грехом. Так, вадеевский нганасан Нгиндиптие носил второе имя - Балда, таймырский Мунсуруку - Иван.

Ребенок мыслился как бы невидимо связанным с родителями, поэтому, чтобы не отделять его от родителей, запрещается всем проходить между ребенком и его родителями, также между его колыбелью и родителями. Запрещается ставить рядом две колыбели с детьми. Мне говорили по этому поводу: "Дети все равно, что птички, нельзя класть рядом две колыбели с детьми. Дети, лежа рядом, переговариваются: "Наша мать плохо к нам относится, улетим, превратившись в птицу", - и умирают". Если ребенок бывает плаксивым, ему под голову, кладут заячью шкурку. Детей кормят пищей взрослых, но основным питанием до трех лет служит материнское молоко. Наиболее распространены из игрушек оленье зубы, изображающие оленей. С помощью их и "санок", сделанных из кусочков дерева, устраиваются на полу длинные "аргиши". Из других игрушек заслуживают упоминания следующие. Игрушка типа бильбоке, состоящая из палочки и 21 дощечки, нанизанных [через]

отверстия на веревку. Иногда к палочке привязывают череп зайца. Вертушка, напоминающая нагнетательное сверло. Состоит она из вертикальной палочки с крестообразными лопастями и лучка с сухожильной тетивой для вращения. Волчок с деревянным кругом. Жужжалки - деревянные пластинки, надетые своими двумя отверстиями на сухожильную веревку. У авамских нганасанов делаются деревянные изображения птиц на колесиках. Летом на улице дети устраивают из камней целые "аргиши" и строят себе чумики из палок и старых негодных нюков. Подростки возятся с телятами, надевая на них наголовники, держа в одной руке поводок, в другой хорей, дергают телят за поводок и, ударяя хореем, приучают к езде.

С малых лет детей приучают к работе, столь необходимой для будущей жизни. Непривычно смотреть на малышей, раскуривающих громадные трубки не хуже взрослых, орудующих при этом ножом,

40

делая свои незатейливые игрушки. Родители, любя детей, требуют, однако, от них беспрекословного подчинения. За проступки несовершеннолетних отвечают родители или опекуны. Неотъемлемой собственностью детей независимо от пола являются олени или вещи, подаренные им родственниками или знакомыми.

Дети, прижитые матерью до замужества, остаются у ее родителей и уравниваются в наследственных правах с родными детьми. Внебрачные дети только тогда переходят в семью мужа, когда у матери их нет родителей, чаще они остаются у родственников матери по отцовской линии. Молочная мать считается в такой же родственной связи с вскормленным ребенком, как родная. Дети, когда вырастут, дарят своей кормилице оленя или одежду. Молочные братья и сестры не могут вступить в брак. Иметь детей вдовам не предосудительно.

Размер наследства определяется произвольно отцом. После смерти отца имущество его переходит к младшему сыну, ему же достаются семейные святыни. Это объясняется тем, что старшие сыновья еще при жизни отца завели самостоятельное хозяйство, следовательно, получили свою долю раньше. Обычно младшему сыну достается больше наследства, чем остальным, и он иногда делится с ними. Дочери, как правило, никакого наследства не получают. Незамужних сестер после смерти отца наделяет приданым младший брат. Иногда бывает, что отец завещает свое богатство, минуя младшего сына, внуку.

После смерти мужа жена распоряжается оставшимся после него имуществом, но это ни в какой степени не изменяет наследственных прав младшего сына. При отсутствии сыновей наследство переходит к ближайшим родственникам по отцовской линии. Опекуном малолетних остается один из ближайших родственников по отцу. Никакого вознаграждения за опекунство он не получает. Бездетные часто берут на воспитание детей из чужого рода, но только с разрешения своих родственников по отцовской линии. Когда такого воспитанника приводят к себе в первый раз, обращаются к духу огня с просьбой продлить ему жизнь и бросают в огонь кусочки жира дикого оленя. Отдавая детей на воспитание, берут за это оленя или одежду. Если берущие на воспитание бедны, это вознаграждение уплачивается позднее, когда воспитанник подрастает. Воспитанник считается полноправным членом семьи и рода. Но если он впоследствии пожелает вернуться в свой род, половина полученного им наследства остается за родом, воспитавшим его. Если воспитанный сын старше родного, приемный отец относится к нему как к старшему родному. Однако приемному сыну не запрещено жениться на приемной сестре.

Глава вторая¹⁸

V. КОСМОГОНИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

При изучении космогонии нганасанов нетрудно заметить наличие двух резко отличающихся по своим сюжетам мифов о мироздании. В одних преданиях фигурирует птица - мотив широко распространенный в Сибири и на севере Америки. В преданиях второго рода - олень. Это обстоятельство, можно думать, указывает на присутствие в этническом составе нганасанов двух основных элементов, послуживших основой для возникновения единой нганасанской народности. Сказания первого рода более распространены. Ниже следует одно из них, записанное мною у таймырских нганасанов.

"В старину вода доходила до неба. На ней лежала гагара. Кто-то сказал: "Ну, гагара, пропали мы, как станем людьми, век обитая в воде? Ты хорошо плаваешь и можешь нырять. Наверное, под водой есть земля, вытащи ее. Вот мы тогда наверху воды на земле проживать станем. И птицы, и звери где на воде своих детенышей держать станут? Вот если бы они стали жить на земле, тогда бы себе товарищей произвести могли". Гагара на это сказала: "Я не решаюсь, боюсь, сама пропаду, как достану?". "Плохо, если ты боишься, плохо, - сказал голос. - Ты, каменушка, нырял, может быть, принесешь твердую для ступни ноги землю. Ты, гагара, боишься, зачем ты боишься? Как ты думаешь, где же наши соседи будут жить, когда нас много будет?". Говорит на это каменушка: "Я землю как-нибудь, может, и найду, но я на гагару рассердилась. Когда мы станем жить спокойно на земле, ты (гагара), однако, получишь наказание". Каменушка нырнула. Три дня ее не было, на четвертый день вечером голова ее показалась, и она выплыла. Как увидели, каменушка держала во рту травинки, ягель и другие растения. "Вот распределим, - сказали, - землю сделаем". Стали (голоса) хвалить каменушку: "Теперь станем судить гагару. Ты, гагара, отказалась принести землю только из-за лени. Если бы только одна вода была, было бы не ладно, ты это знала и могла принести землю, но поленилась. Мы тебя наказываем. Ты отныне, прилетая сверху, садись только на воду, гнезда себе устраивай

42

только на мокром месте. Если ты снесешь яйца на сухом месте, должна будешь, не сумев подняться, сидя на яйцах же, пропасть. Отвели тебе место для носки яиц около воды. Ты только от воды и будешь жить. Ты, самое большее, два яйца снесешь. Ты, каменушка, должна жить спокойно, должна находиться на сухом месте. Пусть у тебя будет много птенцов за то, что принесла землю. Вот наша земля без солнца замерзла бы, кто будет создавать солнце? Замерзнет земля, и мы все умрем. Делаящий землю сделал ее, кто-то должен сделать солнце". Создали солнце. "Хозяин солнца, хотя ты и хозяин, но вот гром тоже должен помочь солнцу согреть землю". Создали гром. Так солнце и гром имеют один корень. "Если будет одно солнце, вся растительность сгорит. Чтобы этого не случилось, пусть гром будет с дождем", - сказали. С этого времени, как создалась земля, люди стали появляться из земли. Наверху нуо¹⁹ есть, людей уродивший. Он подумал: "Как я один буду, хорошо бы как-нибудь людей создать. Чтобы люди размножались, надо создать месяц. От этого месяца беременные женщины должны знать время родов". Так говоря, месяц создал он. Вот почему каждая женщина по месяцам высчитывает время родов" (Нёрё Нгуомдя).

¹⁸ Основная литература: Попов, 1936, 48-53; 1976; Роров, 1963; Долгих, 1951; 1960; 1961; 1968; 1976, 20-26, 39-58 и др.; Симченко, 1968; 1976, 239-278 и др.; Грачева, 1975; 1977; 1983; 1984; Gracheva, 1981; Сказки, 1980. – Ред.

¹⁹ В рукописи (№ 36) «kufuŋu» - очевидно, куху нуо шкура нгуо. – Ред.

К сказаниям второго рода относится следующее, также таймырских нганасанов.

"Земли не было, был один лед без растительности. Там стоял один ледяной чум. В нем жил один мужчина. Он был совершенно белым. Не имел ни одного друга. Он подумал: "Худо мне без друга. Была, говорят, женщина, дающая людям глаза, туда бы пойти". Он откуда-то знал о ее существовании. Вот пошел к ней, и когда пришел, увидел, что она не одна, при ней был ребенок. Чей ребенок? Это, оказывается, был сын этого белого человека. Он сказал ей: "Посоветуй мне, как жить в таком ледяном месте, пришел взять к себе для помощи мальчика". - "Возьми. Что с ним приключится?", - сказала она и, вынув из-за спины, потянула что-то. Это оказалось маленькой веточкой тальника с одним листочком. Это и было, оказывается, ребенком белого человека и ее. Мужчина, унес веточку к чуму, воткнул ее в лед и каждый день наблюдал за ней. Листочек вырос, стал величиной с ладонь. Пришла сюда болезнь, увидела. Зачем она в покое оставит? Уселась на листик. Листик не выдержал, и болезнь свалилась. "Очевидно, я не могу усесться на этом листке, - сказала она. - Лучше совсем уйду, напустив сюда много всяких гадов". Так и сделала. Утром белый человек увидел на листке много червей. "Кто это испортил? Пойду за советом к своей женщине", - сказал он. Женщина спросила его: "Зачем ты пришел?". - "Вот я унес нашего ребенка, чтобы произросла земля, и воткнул его в лед. Кто-то пришел, нагадил, помочился и ушел. Если бы был караульный, этого бы не было. Дай мне еще одного ребенка", - попросил белый человек. Женщина ему не давала ребенка, долго отказывала и только потом сказала: "Ну что делать, надо вырастить на земле. Ну что же делать?". И, вынув из кармана оленьчика, отдала его. Оленьчик был безрогий. Мужчина принес оленьчика, положил его около того места, где росло растение, и сказал: "Если ты мое дитя, стереги здесь, никого не подпускай к растению. Пусть земля обрастет". Оленьчик улегся на середине земли. Приходят всякие черви и гады, у оленя все время уходит на борьбу с ними. Что сделает оленьчик? Он ведь безрогий. "Пойду-ка я к своему отцу и выпрошу себе рога", - сказал он и пришел к белому человеку. "Меня одолели черви и гады, одним лбом ничего не могу поделаться, дайте мне рога", - сказал он. На это отец ответил: "Вот беда, наверное, землю испортят, не только трава появилась, но и песок показался". Взял и вынул из одного кармана мамонтовый клык, из другого каменную скалу и сказал: "Приставь их к своей голове". Оленьчик приставил их, и к голове его приросли два рога, один из мамонтовой кости, другой из камня. Когда оленьчик вернулся к растению, там уже собралось много разных червей и гадов; он стал бодать их и всех перебил. Когда после этого оленьчик оглянулся, чум его отца исчез. Убив всех червей и гадов, оленьчик улегся. Полежал, вспомнил: "Ведь рога мои из камня и кости, надо бы их облегчить, пусть с них сойдет кожа". Потряс головой, и упавшая с одного рога кожа превратилась в южный хребет (хребет Миддендорфа. - А.П.); с другого - в северный хребет (хребет Бырранга. - А.П.). Часть кожи с Мамонтова рога превратилась в живых мамонтов, в землю ушла, часть кожи с каменного рога, превратившись в железо, в медь, в другие металлы, в землю вросла. Докуда олень будет лежать? Продрал рога, рога стали легче. Южный рог был каменным, северный - из Мамонтова клыка. Северный рог хотя и сбросил кожу, но все продолжал расти, пуская разветвления. Южный рог хотя и сбросил кожу, но все продолжал расти, пуская разветвления. Когда росли рога, пришел белый человек и, увидев, что сын его вырос, сказал: "Северный рог очень вырос, когда-нибудь пусть он будет очень холодным, когда ветер ударит с севера. Пусть одно разветвление северного рога станет северным красным облаком, другое разветвление, среднее, пусть станет северным сиянием. Разветвление южного рога пусть станет грозовым облаком, среднее разветвление - снеговым облаком". Вот мы живем на спине этого оленя. Спина его век не должна быть голой, снег южного рога и покрывает спину. Белый старик - это Сырэээ нуо - белое божество. Мать растения и оленьчика - Немы нуо - божество, дающее нам глаза" (Сылиптие Турдагин).

Другой вариант этого сказания записан Б.О.Долгих на р.Волчьей у Салопте Турдагина... [далее см.: Долгих, 1976, 39-44]. Словом "дьявол" нганасаны называют каждого духа, независимо от того, злой он или добрый. [Такой обычай они] заимствовали от русских, последние всех иноземных духов называют дьяволами...²⁰

Многу записано у таймырских нганасанов следующее сказание о создании человека.

44

"Сначала ни земли, ни людей, ни растительности не было, был только один голый лед. Месяц упал на этот лед и превратился в женщину, которая своими ладонями прилипала ко льду. Женщина эта сказала: "Вот лед поймал меня за руки и за ноги, и я стала от него беременной". Женщина родила мальчика, и тогда ноги и руки у нее отлипли. После этого женщина поднялась на небо и снова превратилась в месяц. Ребенок остался без матери, смотреть за ним было некому, но в том месте, где лежал он, лед растаял и образовал нечто вроде гнезда. Поднялась пурга, и занесла, укутала ребенка снегом со всех сторон, как бы паркой. Ребенок стал Оспой (Мерурэ²¹, мужчина). Без отца, без матери вырос Оспа, поэтому шаман не может одолеть его своими духами. Оспа с большим трудом вылез из-под снега на лед и стал плакаться: "Вокруг меня все пусто, нет у меня ни отца, ни матери, кто меня зачал и кто меня уродил? Кто будет смотреть за мной?". И снова залез в свое гнездо. Вырос парень, стал большим, голым: нет ни парки, ни другой одежды. Ударил пурга, ознобила все тело, кругом оно распухло, а это защитило его от холода, вроде парки. Стал пробовать свои сипы, стал пробовать ходить. Далеко пошел по льду. Нашел на льду траву, под ней отверстие. Наклонился, чтобы посмотреть, и увидел внизу лежащего человека. Оспа спросил: "Кто ты такой?". Голос ответил: "Вот девять ледяных пластов над землей. Я есть бубулянка девки земли. А ты кто?". - "Я бубулянка²² девки месяца". Тогда бубулянка девки земли сказал: "Ты тоже брошенный, жалкий бубулянка", - и вылез на лед. Стали бубулянки меряться ростом. У бубулянки земли голова оказалась ниже, чем у бубулянки месяца. Начали меряться силой. Земли бубулянка начал трясти тушей, как олень, и сразу превратился в белого оленьего пороza. Месяца бубулянка начал трясти тушей, как олень, и сразу превратился в черного оленьего пороza. Стали быки бодаться. Бубулянка месяца одолел бубулянку земли. У белого пороza силы мало, бубулянка земли превратился в голод. Придет он, станет народ помирать с голоду. Оспа сказал бубулянке земли: "Голод, ты смотри, у тебя ведь сипы немного. Раз у тебя сипы немного, не трогай ты землю, надели и мне долю. У меня сила большая. Когда придем, оба станем очищать землю. Ты здесь живи, в своем старом гнезде, а я тоже буду жить у себя в гнезде". Разошлись и стали оба бубулянки жить в ледяных гнездах, как в зыбках. Оба, время от времени, плакали и кричали: "Нет у нас ни отца, ни матери, некому приласкать, накормить нас". Живут так оба бубулянки до сих пор, временами опустошая землю. Захотел нгуо сверху опуститься вниз погостевать. Упал он через ледяное отверстие, через девять ледяных пластов на землю. Слюбился, поигрался с девкой земли. Стала девка земли беременной и сказала

45

нгуо: "Я не буду рожать на земле, подними меня наверх". Нгуо поднял ее своими восемью крыльями и вынес на поверхность льда. Там девка родила растительность, которой покрыла поверхность льда. Поэтому всякое растение вверх и вниз тянется, потому что вверху находится отец, внизу - мать. После этого девка земли родила еще

²⁰ Комментарий А.А. Попова при изложении «сказания». – Ред.

²¹ В рукописи (№ 36) «Мегуре» мерурэ – букв. 'твоя болячка'. – Ред.

²² Бубулянка – внебрачный ребенок, от русского слова «бобылка», «бобыль».

семь человек и сказала каждому из них: "Ты надевай такую-то парку и будь долганом, ты надевай такую-то парку и будь самоедом", - и так сказала по-разному. Таким образом и появились разные народы. После этого нгуо опустился опять на землю, сделал девку воды и сошелся с ней, и она родила рыбу. Этой рыбой после и стали питаться люди. Когда появилась рыба, нгуо сказал: "Чем же, ребята, будут ловить рыбу?". Пошел к матери русских, икона-девке, попросил у нее нитку и дал ее людям. Опять пришло время девке земли родить. Родила она самоеда шамана и русского лекаря. Поэтому и шаман, и лекарь происходят от одной матери" (Иван Горнок)²³.

По воззрениям нганасанов, существуют три мира: верхний, земля и нижний, подземный. Верхний мир, по одним сказаниям, разделяется на три яруса, по другим - на девять. Хотя там и светит солнце, но дуют очень холодные ветры. Наши солнце и звезды, говорят, оттуда кажутся отверстиями. Происхождение этих отверстий объясняют так. В старину, говорят, состязались в стрельбе из лука два богатыря. Один выпускал стрелы, стоя на небе, другой - находясь на земле. От выстрелов последнего и образовались отверстия на небесном своде. Впрочем, звезды иногда считают и большими озерами. В верхнем мире, говорят, много скал и утесов, покрытых грубой растительностью. От этого у тамошних жителей-охотников очень быстро изнашивается их меховая одежда, приходится часто заменять ее, на один день только хватает ее. Всякой дичи очень много, особенно диких оленей и рыб. Рыбы так много, что ее прямо руками достают из проруби. Рыбины такие большие, что одной рыбой может прокормиться целая семья в продолжение года. В старину знаменитые шаманы доходили до девятого неба, камлая в течение трех дней. Живут в верхнем мире и доброжелательные, и злые божества и духи.

Более подробно описывает со слов нганасанов верхний мир П.И.Третьяков [1869, 414]. В нижнем мире - низкие яруса. Там наше солнце превращается в луну, наша луна - в солнце. В нижнем мире живут большей частью недоброжелательные духи растительности и духи богатства. В нижний мир отправляются умершие. У земли, по описанию П.И.Третьякова, такое же подразделение, как и у неба [1869, 415].

Многу записано следующее интересное сказание о путешествии по нижнему и верхнему миру.

"В старину случился страшный голод, люди поели все, даже не оставили ремневых вязок. Жили в то время два шамана. Вот сказали

46

они: "На что мы назвались шаманами, народ наш погибает, давайте попытаемся спасти их". И вот один из них сказал другому: "Ты, камлая, отправляйся в верхний мир и испрашивай еду у нгуо, я же буду камлать хозяину земли, просить у него рыбу".

Оба шамана стали камлать: один верхнему миру, другой - нижнему. Камлали они три дня. Шаман, камлавший верхнему миру, сказал: "Мне самому с семьей нужно подняться на небо. Меня зовут туда, и я сумею достать еду для своих людей". У этого шамана был оставлен в живых единственный олень, которого он заставлял дышать на себя в случае болезни и на котором возил свои шаманские принадлежности. Он запряг этого оленя, посадил на нарту за собой двух сыновей-подростков и сам стал управлять оленем, подвязавшись вокруг пояса концом вожжи. Олень вместе с нартой на виду у всех стал подниматься на небо. Удалившись от земли на некоторое расстояние, олень и нарта остановились. Тогда шаман крикнул жене: "Что у вас имеется нечистое, что не пускает нас дальше?". Жена ответила:

²³ Иван Горнок (Моносеку Турдагин) был известным шаманом авамских нганасан. – Ред.

"Есть шуба (лыхарэ) соседки". "Выбросьте", - сказал шаман. Шубу выбросили на землю. После этого олень стал подниматься вверх и скоро потерялся из виду.

Шаман, камлавший вниз, сказал, чтобы его ожидали весной, поставив в стороне чум из чистых нюков и развесив внутри его всех шайтанов, и деревянных, и каменных. После этого шамана в костюме опустили в прорубь. Вот наступила весна, появилось на льду отверстие. Люди стали подходить к нему и наблюдать, не покажется ли что-либо. И вот однажды ночью жена шамана услышала во сне голос мужа: "Вставайте, чистите рыбу". Она проснулась и разбудила всех. Пошли на берег и увидели там три рыбы. И так в течение трех дней, приходя по утрам на берег, находили там по три рыбы, чем и питались. Вот на четвертый день в особом чуме, поставленном по указанию шамана, все висевшие внутри шайтаны заговорили, подпевая неизвестно откуда появившемуся шаману. Когда шаман кончил петь и возвратился в свой чум, люди увидели на голове его клык мамонта - подарок хозяина земли. Шаман рассказал, что он задержался потому, что полученную от духа рыбу распределял по всем рекам и озерам. После возвращения шамана в изобилии появилась рыба, люди стали сытыми и начали с избытком заготавливать себе впрок юколу и варку.

Однажды шаман, нырявший в воду, вспомнил: "Почему ничего не слышно о шамане, улетевшем на небо?". Вскоре после этого люди увидели на небе двух юношей - сыновей улетевшего шамана, едущих на оленях. Слышно было, как они разговаривали между собой: "Живем мы отлично, питаемся исключительно мясом диких оленей, и одежды достаточно. Только леса здесь очень плохие, скоро стираются наши одежды". В это время стоящий в толпе сын другого шамана пожалел их: "Спустить что ли их, может быть, упадут сюда, если пустить в них стрелу из лука". Услышав это, небесные ездоки стали невидимыми и с того времени не появлялись. Шаман,

47

имевший на голове мамонтовый клык, был сильным шаманом. Шаман Дюхадие был очень большим шаманом; вот он имел с одной стороны хвостатого предка (от волка), с другой - [имел] предком этого рогатого шамана" (Уранник Окуо).

Коу - солнце - исполнитель воли высшего божества - создателя вселенной Нилыта' нуо. Солнце ездит на одной важенке вокруг земли, говоря: "Детей своих стану обогревать". От дыхания его олень исходит на землю тепло. Когда олень отпускают на отдых, тогда наступает полярная ночь. Лучи солнца являются нитями, спускающимися вниз. Посредством их духи-хозяева растений общаются с солнцем и испрашивают у него разрешения на рост нового растения. На севере, как нигде, человек должен чувствовать благожелательное влияние солнечного тепла; неудивительно поэтому, что солнце пользуется у нганасанов большим почитанием. Празднество Чистого чума, которому придается большое значение, совершается после полярной ночи, когда покажется солнце. Впервые увидев солнце после полярной ночи, кланяются ему, здороваются; осенью, прощаясь с солнцем, также кланяются ему. Многие семьи после полярной ночи и перед ней приносят в жертву солнцу белого оленя. Перед этим на его шерсти над лопаткой вырезают изображение солнца. Шкуру с неотделенной головой и копытами вешают на дерево. Мясо этого оленя должно быть съедено в течение одного дня, при этом ни одна кость не может быть разрублена. Желудок и тщательно собранные кости кладут под висящую шкуру. К солнцу обращаются с мольбой при различных бедствиях и болезнях и тоже приносят в жертву белых оленей. Кроме того, посвящают ему и живых оленей. Их отмечают особой тамгой, в виде солнца, и отпускают на волю. Олень, посвященный солнцу, должен быть лучшим упряжным оленем - передовиком.

Китезэ - луна представляет собой висящий круг²⁴, на котором обитает Тисяро ['помогающий'] - дух, помогающий роженице. О существовании лунных пятен рассказывают следующее.

"В старину жили два знаменитых шамана. Один из них стал хвастать, что поднимется на небо и спустит солнце, другой - что поднимется на небо и спустит луну. Оба они поднялись на небо. Шаман, отправившийся к солнцу, сгорел по дороге. Шаман, отправившийся к луне, был притянут ею и прилип к ней. Вот почему на луне и стоит шаман с бубном". Другое сказание. "Был один шаман. Он увидел однажды под луной что-то светлое. "Что это, как будто два месяца, - сказал он. - Что за диво, дайте мне костюм и бубен, пойду бодаться с этим светлым". Стал камлать и у всех на виду исчез. После этого на луне оказался человек с бубном в руке. Так шаман прилип к луне за свою дерзость". Нуо хютэ - Млечный путь означает в переводе "небесный спинной хребет", он же нуо мэзэ - "небесный караван". По П.И.Третьякову, некоторые называют Млечный путь неводом.

48

Из звезд и созвездий известны нганасанам следующие. Полярная звезда - Нуо чехо - "небесный гвоздь". Небесный свод в виде опрокинутой чаши висит над землей. Держится он на этом гвозде и, как на оси, вращается вокруг него. Венера, Толыэ хотэдие - "воровка-звезда". "В старину люди убили лося, сняли с него шкуру и оставили на месте половину туши. Ночью один человек и волк решили украсть эту половину туши и, случайно придя одновременно, встретились около нее. Разве двое смогут украсть? Человек и волк повздорили. Волк сказал человеку: "Смотри, у тебя уже заранее лицо покраснело от стыда. Если так, то ты прилипни к небу и превратись в красную звезду. Прилипни ты к краю неба, и будешь ты, находясь там, стыдясь звезд и людей, все время мигать". Затем волк сказал: "Я буду только ночью есть оленей, поэтому не буду знать стыда". Так появилась звезда (Венера)". Созвездие Малой Медведицы называется Сяйба хотэдие - "семь звезд". По одним сказаниям, когда появилась земля, были созданы семь народностей, души их вознеслись на небо. Семь звезд созвездия представляют собой отверстия, через которые проникли эти души на небо. По другим сказаниям, это охотники, ловящие диких оленей сетями. Впереди важенка с теленком, сзади - притаившиеся охотники. Плеяды называются дүнизанку - охотниками на диких оленей с сетями. Говорят, что они ловят сетями души умерших людей и убитых оленей. Гром Кодүа", говорят, случается от того, что по небу летает какая-то маленькая железная птичка. П.И.Третьяков говорит: "Громовые раскаты объясняются полетом дьявола "кайе", который, имея подобие утки, состоит из железа. От чихания его является дождь" [1869, 415].

Дополнением ко всему этому служит следующее сказание, записанное А.П.Лекаренко у нганасана Сундаптие Чунанчар.

"Сперва жили вместе бог и сатана в одном чуме. Вот раз сатана родил пузырь. Бог спрашивает его: "Какой такой это пузырь?". Сатана говорит: "Не знаю". Тогда пузырь этот разорвался, и вот оттуда вышел гром. Гром ушел жить на другой край земли. Живет в чуме из железа. Тут же река есть, берега обрывистые, чисто яма. Яр на нем есть, чистый из железа. Сам гром-то - птица, точно такая же, как утка. Крылья у ней из железа. Зиму всю гром сидит в своем чуме. Когда же приходит лето, он летает над тундрой поверху".

Нганасаны думают, что денду" - северное сияние - это отражение в небе морских волн, бывающих во время хода рыб. Котара"а - пурга происходит от того, что хозяин пурги Козу нуо - седой старик, раскрывает свои ноздри, которые обыкновенно держит зажатыми, и начинает дуть. Живет он наверху первого неба.

²⁴ Так во всех рукописях. В «Тавгийцах» - плот. – Ред.

Дарят ему оленя, которого отмечают специальной тамгой. Чтобы остановить пургу, втыкают в снег палочку с ниткой с нанизанными вшами, говоря: "Пусть станет так тепло, что ни одна вошь не замерзнет".

Тейлор и Спенсер, которым обязана своим законченным выражением теория анимизма, причину возникновения его находили, как известно, в сознательном размышлении первобытного человека об окружающем его мире. Позднейшие исследователи стали оспаривать это мнение Тейлора и Спенсера. Одни из них, как например Боас, видели эту причину в подсознательном мышлении первобытного человека, другие, как например Вундт, в его необузданном воображении. Как справедливо отметил Штернберг, первобытный анимизм живет не одним воображением и бессознательным мышлением. Каждому из нас, соприкасавшихся в полевой обстановке с представителями народностей, стоящих на более низкой стадии культурного развития, приходилось удивляться их пытливому и острому уму, тонкой наблюдательности, смелым попыткам по-своему логично объяснить причину возникновения каждого явления природы. Другое дело, конечно, что, не имея при этом в своем распоряжении такого могучего орудия, как наше положительное знание, они неизбежно приходили к порочным умозаключениям, являвшимся причиной возникновения стройной по-своему, но основанной на ложных предпосылках системы мировоззрения.

Чрезвычайно ярким примером сознательного отношения первобытного человека к окружающему миру служит в первую очередь его отношение, к животным. Близко сталкиваясь с животными, он точно подмечает у них наличие тех же, по его мнению, сознательных и разумных действий, которые присущи ему самому. Он находит у них свои собственные человеческие чувства и свойства и не видит грани, отделяющей его самого от животных. Животное потому и существует, что обладает тем жизненным началом, которое культурное человечество привыкло называть душой, навязывая свое понимание этой души примитивному человеку. Это жизненное начало отделено от тела и способно существовать и после физической смерти самого животного. Вот почему нганасаны, чтобы избежать мести жизненного начала животного, спешат, убив дикого оленя, вырезать у него и бросить глаза или закапывают в землю голову убитого медведя. Это же заставляет их убивать на могиле умершего его оленей, чтобы жизненное начало их заменило ему в загробном мире ездовых животных.

Грань между человеком и животным настолько стирается, что некоторые животные почитаются превращенными людьми или даже предками людей. Подтверждением этого воззрения служат, например, следующие сказания нганасанов о медведе.

"В старину жила девочка-сирота, все ее обижали. Наконец люди, с которыми она жила, откочевали, оставив ее одну на стойбище. Девочка поднялась на гору и стала плакать. Это увидел дух-хозяин земли и спросил: "Отчего плачешь?". И когда девочка рассказала, сказал ей, что он одинаково любит всех людей и животных и что люди поступили с ней очень плохо. И если так, он сам будет защитником ее. И сделал ее женой, превратив в медведя. Вот откуда появились медведи" (Черие Купчик).

50

По другому сказанию, таймырские нганасаны произошли от медведя.

"Черный медведь, говорят, вырос из-под земли. Ходил он один и подумал: "Как я буду размножаться?". Лег, вынул одно свое ребро, приложил его к себе и заснул. Ребро превратилось в медведицу" Первым родился от медведя волк, за ним - домашний олень. Тогда медведь подумал: "А кто же станет пасти оленей?". И родил человека - самоеда. От него и произошли таймырские самоеды".

Знаменитый шаман авамских нганасанов Дюхадие происходил от волка. "Стал приходить в одно стадо волк и поедать оленей. Ничего не могли поделаться. Был у них известный шаман. Он сказал: "Я, однако, поймаю волка. Волк, как и все животные, имеет ведь свою мать"²⁵. И стал камлат в продолжение трех дней, и сказал потом: "Волка я внедрил в свою жену, вот скоро увидите, какой у меня родится ребенок". Через некоторое время родился хвостатый ребенок, дед Дюхадие. Он был знаменитым шаманом и до конца своей жизни ходил с волчьим хвостом".

Некоторые из животных, по верованиям нганасанов, при желании могут принимать образ человека. "Жил когда-то богатый юрак с работниками. Каждую ночь стал приходить волк и похищать его оленей. Долго терпел юрак и наконец сказал своим пастухам: "Вы, должно быть, плохо сторожите, в эту ночь я сам поеду к оленям". Когда потемнело, юрак вместе со своим сыном поехал к стаду. Подъехав близко, они увидели, что олени пугаются. И увидели, что причиной этой был человек в совике. Юрак подошел к нему и сказал: "Здравствуй!". На это человек ответил: "Е... м... здорово! Что ты, не доверяя своим пастухам, приезжаешь сам, жалея для меня своих оленей. Я еще тебя самого съем". Юраки сильно испугались, быстро уселись на нарту и пустили оленей бегом. Человек побежал за ними и стянул с нарты сына юрака, сидевшего за спиной отца, схватив его за одетый на шею свернутый кольцом аркан. Мы часто, когда едем к стаду, имеем обыкновение надевать себе так на шею аркан. Юрак так испугался, что, не останавливаясь, еще сильнее погнал своих оленей. Когда же утром он поехал узнать о судьбе своего сына, нашел только один его желудок и рядом на снегу волчьи следы. Вот почему мы считаем грехом жалеть своих оленей для волка" (Уранник Окуо).

О животных нельзя говорить что-либо дурное: они слышат об этом, даже находясь на далеком расстоянии. У Джатобие волк зарезал четырех оленей. Тогда мой хозяин сказал, что это случилось потому, что Джатобие плохо отзывался о волке. Ни один охотник, собираясь идти на промысел, не скажет: "Я иду на охоту", а говорит: "Иду в гости", чтобы не услышали животные. Животные настолько разумны, что свободно понимают речь человека и с ними можно говорить так же, как с людьми. Очень живо передают это рассказы одного охотника - вадеевского нганасана.

51

"Много лет тому назад моя семья жила вместе с семьей Уранника. И вот однажды к нам пришли три белых медведя. Я вышел из чума и закричал им: "Давайте драться, приходите сюда". Затем я вызвал Уранника. Тот вышел ко мне с заряженным ружьем. И мы вместе пошли навстречу медведям, крича: "Зачем от нас убегаете, приходите сюда, подеритесь с нами". И погнались за ними". "Однажды, когда я жил без соседей, только своим чумом вместе с женой и сыновьями, утром пришел белый медведь и, погнавшись за щенком, ударил его лапой. Я закричал ему: "Постой, погоди, дай приготовиться", - и спокойно вошел в чум, чтобы выйти с ружьем. Медведь послушался, подождал, когда я выйду. Он стоял и ел подвешенную на нартах юколу и, увидев меня, пошел навстречу. Я уложил его выстрелом". "В другой раз я отправился к своему стаду. Вижу, гоняется за оленями белый медведь. Я закричал ему: "Зачем ты гоняешься за беззащитными оленями? Они-то чем виноваты? Скорее, чем они, должен быть я виноват. Я не боюсь тебя, иди бороться со мной". Медведь побежал ко мне навстречу, и я убил его" (Тыймы Нгойбу).

В некоторых случаях и животные приобретают дар слова. Но это случается не к добру. "В старину жил один человек, у него была собака. Семья эта отправилась на поколку, сам же он остался стеречь оленей. Через некоторое время собака одна прибежала к хозяину. Человек стал приставать к ней с вопросами. "Что, много ли

²⁵ Т.е. шаман, подойдя к матери волка, пожалеет ее и получит разрешение наказать волка.

добыли диких оленей на поколке?". На это, конечно, собака молчала. Человек не отставал, все время ходил за ней, повторяя свой вопрос. Наконец, собака заговорила по-человечьи: "Ты спрашиваешь, много ли добычи? Да, добыли на твою смертную еду"²⁶. Через несколько дней после этого вымерла вся семья этого человека, и остался только один мальчик - подросток. Он прибежал к людям и рассказал об этом. У нас поэтому считается грехом приставать к собакам с разговорами. "Много не разговаривай с собаками", - унимаем мы детей" (Уранник Окуо).

Животное может проклясть человека. Вадеевские нганасаны в отличие от авамских и таймырских панически боятся стрелять в зайцев. Раненый заяц громко кричит - это он проклинает, и охотник, услышавший это проклятие, обречен на смерть. Животные обладают, подобно людям, чувством стыда. Перед тем как идти на охоту, Уранник попросил жену зашить дырочку натазника. Он сказал при этом: "Старые люди говорят, что нельзя охотиться на диких оленей, когда натазники дырявые, дикий олень видит голое тело, смущается и убегает". Также увидев зайца, кричат ему: "Нёму, хонииче нэтумыэ!" ("Заяц, показались твои штаны!"). Заяц, услышав это, стыдится, а так как у него нет длинного хвоста и прикрыть зад нечем, он повертывается назад. Воспользовавшись этим, охотник убивает его.

52

Насколько, по воззрениям нганасанов, сознательны животные в своих рассуждениях и поступках, видно из следующих рассказов.

"У зайца, хотя и длинные и острые зубы, но он ими не кусается, говорит: "Если я кусну, пожалуй, буду ответ держать. Пусть уж лучше едят меня". Поэтому зайцев и обижают все: и люди, и птицы, и звери". Вот каким образом объясняет первобытное мышление мирный нрав зайца.

"В старину, говорят, никогда не было снега, было вечное лето. Летом мышам невозможно было скрываться, и все другие птицы и звери истребляли их без передышки в течение целого года. Долго терпели мыши и взмолились: "Пусть будет наступать зима, чтобы мы, хотя бы на это время, бегая под снежным покровом, могли скрываться от зверей и птиц". С тех пор и стала наступать зима".

У нганасанов существует много запретов, связанных с понятием нечистого. Эти запреты также переносятся людьми на мир животных. Особенно не терпят нечистого дикие олени. Орудия, которыми убивают оленя, не должны быть осквернены. Нельзя, например, стрелять из ружья, которое было в руках женщины или на котором приседала женщина. Такое ружье требует "очищения", состоящего в следующем. В брюшной полости убитого дикого оленя делают разрез и через него, по направлению к солнцу, трижды протаскивают ружье. Или окуривают ружье жиром дикого оленя или янтарем, или ладаном²⁷, или также трижды протаскивают ружье под животом важенки домашнего оленя, похожего по масти на дикого. Чтобы уберечь от осквернения остатки дикого оленя, зимою их закапывают в снег, летом в землю, череп с рогами оставляют на старом стойбище. Дикий олень оскверняется и перестает попадаться охотнику, если на его кровь или другие останки наступит женщина, если кровь, суставы, череп, содержимое желудка станут есть собаки.

Песец чуждается, считает нечистым не своего охотника. Он чувствует, кто вынимает его из пасти²⁸, хозяин ее или посторонний. Если это делает посторонний, пасть от его прикосновения оскверняется и песцы перестают в нее попадаться. В этих случаях пасть для очищения обрызгивают кровью от ушей живого оленя. Песцы также не любят, чтобы их останки поедали собаки.

²⁶ Смертная еда – еда, потребляемая на похоронах.

²⁷ В этих случаях ладан достают у долган, которые имеют у себя для окуривания икон по праздникам. [Сейчас за ладан принимают небольшие кусочки таймырского янтаря, иногда употребляя его для очищения].

²⁸ Пасть – охотничья ловушка давящего типа. – Ред.

Считая некоторых животных сильнее себя, первобытный человек старается, убив их, перевести на себя их силу и смелость. Так, например, убив медведя, нганасанский охотник сейчас же съедает в сыром виде кусок его сердца, чтобы его собственное сердце не испытывало страха на следующей охоте на медведя. Для этого ему достаточно громко обратиться к своему сердцу со следующими словами: "Сердце, ты не должно бояться".

53

Среди животных встречаются иногда экземпляры необычного вида, поражающие человека своей внушительной внешностью или другими особенностями. Раз животные подобны людям, следовательно, и среди них должны быть выдающиеся особи - хозяева, шаманы и т.д. И вот, рассуждая таким образом, нганасаны видят в необычных животных хозяев, звериных шаманов. Так, якобы бывает "из медведей медведь", хозяин белых медведей. Имеет он необычайную величину, вся шерсть у него обледелела, и поэтому шкуру его никакая пуля не пробивает. На территории кочевания вадеевских нганасанов находится озеро Нэзэ турку – Шаман-озеро. Происхождение этого названия следующее. В старину на этом озере поймали пестрого гуся необыкновенной величины, не убили его и отпустили, решив, что это был гусиный шаман. С тех пор озеро и стало называться Шаман-озером.

Нганасаны так же, как к животным, относятся и к птицам. Но поскольку психическая жизнь птиц труднее поддается наблюдению, то и воззрения относительно них менее разработаны. Из птиц, пожалуй, наибольшим почитанием у нганасанов пользуется чайка. Увидев ее, дети, когда их отцы на охоте, кричат: "Сона́ сүмүзүрэ!" ("Чайка, дай нам пищу [дай им удачу]!"). Чаек не убивают - перестанет попадать ружье. Между тем чайки приносят нганасанам немало неприятностей: воруют рыбу из сетей и при этом запутывают их, разрывают и даже вытаскивают на берег; увидев охотника, подкрадывающегося к дикому оленю, поднимают крик и этим отгоняют добычу. С гагарой связывается состояние погоды: "Сорутуо конду!", "Кэкутуо конду!" ("Унеси дождь, унеси туман!"), - говорят, увидев гагару.

Вороны на севере - редкие гости, и появление их приносит несчастье. Так, если ворон сядет вблизи чума, думают, что скоро в этом чуме быть мертвецу. Увидев весною в первый раз гусей, нганасаны не стреляют в них, а здороваются, кланяясь им. Шаманы встречают первый прилет гусей специальным камланием. Точно так же и осенью, видя отлет последних гусей, прощаются с ними, желая им счастливого возвращения. Гуси, подобно людям и другим животным, также подвержены запретам от нечистого. Сеть для ловли гусей, если до нее дотронулась женщина, считается оскверненной. На гусиной охоте, устанавливая сети, стараются расположить стойбище подальше от места промысла, чтобы ветер не мог занести перьев к стойбищу; если на них наступит женщина, гуси перестанут попадать в сеть. На берегу озера, на котором упромыслили линных гусей, не выщипывают перьев, иначе на этом озере не будут в будущем году линять гуси. Весною перед сезоном охоты на гусей совершают очищение сетей: трижды протаскивают их сквозь ручку котла с кипящей водой и бросают при этом в огонь немного жира дикого оленя.

Еще менее мира пернатых доступен наблюдению человека мир рыб и насекомых, тем более что виды и тех и других на севере весьма немногочисленны. Это, вероятно, и является причиной недостаточности у нганасанов материалов для получения более полных

54

представлений об одухотворенности рыб и насекомых. Не следует варить рыбу в котле, в котором варили птицу, - рыба улетит, т.е. перестанет ловиться. Когда рыба попадает на крючок или костяную спицу, крючок - вынимают через жабры, а спицу -

через прорез живота, иначе рыба исчезнет. Исчезнет она и в том случае, если остатки ее станут топтать женщина.

С пауком связаны приметы удачи и счастья. Если паук протянет свою паутину поперек нарты, говорят, что он развешивает юколу - будет много рыбы. Если он ткёт паутину над дымоходом - к богатству и счастью, будет добыто много диких оленей. [Рассказывают, что] в старину жила одна нищая. Она вместе с малолетним сыном ходила побираться. Прежде чем войти в какой-либо чум, она примечала, есть ли сетки паутины над дымоходом. Заходила она только в те чумы, где была паутина, так как знала, что там люди живут в довольстве и, следовательно, могла рассчитывать на щедрую милостыню.

Поймав шмеля, отрывают ему голову и, насадив ее на конец палочки или стебелька травы, втыкают их в землю, говоря: "Хильчи, биэ хүтэ нану" тэзу!" ("Шмель, проси ветра у своей матери!").

Примитивный человек переносит свое анимистическое воззрение с мира животных и на мир растений. Каждое растение имеет внутри жизненное начало, которое представляется нганасанам особым самостоятельным существом в виде духа. Благодаря этому растение живет так же, как люди и животные. Мне говорили нганасаны: "Каждое дерево живет и дышит, так как внутри себя имеет духа. Вот почему мы и считаем грехом рубить дерево. Каждый раз перед тем, как срубить дерево, мы упрашиваем духа, находящегося внутри его, не сердиться на нас за то, что употребляем дерево для своих нужд. Мы, даже не шаманы, простолюдины, при всяких болезнях обращаемся с мольбой к растущим деревьям. Каждое дерево вырастает из земли с двойным предназначением. Одно предназначается для чистых цепей, т.е. для различных потребностей живого человека, другое для нечистых целей, для потребностей умирающих людей. Перед тем как рубить дерево для умершего, мы обращаемся к нему: "Мы не по своей воле вынуждены употреблять тебя на нечистое дело, не по своей воле предназначаем тебя плыть вместе с покойником по воде загробного мира, не сердись на нас".

Каждая незначительная былинка, каждое дерево имеет свой язык, правда, понятный только одним шаманам. Благодаря этому растения иногда бывают полезны шаманам своими указаниями, например в тех случаях, когда им приходится разыскивать человека, заблудившегося во время пути. Они тогда направляют на правильный след заблудившегося. Таймырский нганасан Сяку Нгуомдя увидел как-то дерево необычайного вида, с крестообразными ветвями, и решил, что у такого дерева должен быть внутри особенно сильный дух. И вот однажды, заболев, Сяку попросил его привести к этому дереву. Заставил убить собаку и кровью ее обмазал дерево, прося духа помочь ему. Поправившись от болезни, Сяку обтесал дерево с одной стороны топором и вырезал на стесе изображение человеческого

55

лица. Ежегодно проезжая мимо дерева, он убивал оленя и обмазывал кровью его это изображение. Этот случай показывает, как далеко идет человек в своих представлениях, он уже старается придать антропоморфный образ тому духу, который обитает в дереве.

В своем анимистическом воззрении человек идет еще дальше. Он не видит разницы между живыми существами и неодушевленными предметами природы. Надо полагать, что в основе возникновения такого сложного мировоззрения лежала не одна какая-нибудь определенная причина, а несколько, в некоторых случаях, возможно, такими причинами являлись события совершенно случайного характера. Но одной из них несомненно могла явиться констатация движения. Не зная законов природы, человек склонен был в каждом самостоятельном движении видеть

результат воздействия сознательного существа - обладателя жизненного начала, скрывавшегося внутри предмета.

Вода движется, волнуется, значит, она живая; поэтому нганасаны считают большим грехом бросать что-либо в озеро или реку. Особенно запрещено это делать по отношению к тем горным речкам и ручейкам, которыми изобилуют предгорья хребта Бырранга. Горные речки и ручейки, которые в обычное время легко проходимы вброд, с выпадением осадков в горах быстро разливаются и становятся тут же на глазах такими широкими, что задерживают иногда на продолжительное время переправу целых караванов. Когда таймырский нганасан Ысыа Куокара кочевал среди вадеевских нганасанов, семья его чуть не погибла в воде. Стойбище Ысыа было расположено на совершенно сухом берегу горной речки Муруптума. Ысыа еще до [восхода] солнца перешел вброд речку и отправился к стаду своих оленей. На стойбище оставались только одни старики и малолетние. Когда он через некоторое время вернулся, то увидел, что речка сильно разлилась, стойбище оказалось затопленным, домашние его бродили почти по пояс в воде, и вода стала уже подниматься выше сиденья нарт. Ысыа стал упрашивать Муруптума не губить его семью. Убив одного оленя и одну собаку, он бросил трупы их в речку. Вода сразу стала убывать, и стойбище вновь оказалось на сухом месте.

Нганасаны у некоторых явлений природы различают пол, относят их к мужскому или женскому полу. Так, северные облака, принимающие часто грозные очертания, приносящие холод, считаются облаками-самцами, а южные облака, более расплывчатых очертаний, связанные с наступлением тепла, считаются самками. Интересно отметить, что и предметы искусственные, сделанные руками самого человека, также считаются живыми. Откочевывая весной на север, нганасаны оставляют до осени на своих стойбищах вместе с зимними вещами громоздкие женские и грузовые нарты, они обходят их вокруг, ударяют палочкой и говорят: "Вы на нас не сердитесь, мы уходим не навсегда, оставляем вас на время, до осени, идем за жиром, чтобы привезти вам жира". Осенью, вернувшись, кладут в каждую нарту по куску жира дикого оленя, маленькому или большому в зависимости от результатов летней охоты.

56

Нельзя плыть над закинутыми сетями на ветке, внутри которой лежит сеть. Сеть, лежащая внутри ветки, приманивает к себе всю рыбу, а в закинутую сеть ни одна рыба не попадает. Нельзя оставить рядом или класть на одну нарту лопату для очистки снега и топор. "Я стану разгрести место для могилы умершего", - говорит лопата. "А я стану рубить деревья для умершего", - говорит топор. Такими разговорами они призывают злого духа, и тот "съедает" их хозяина (т.е. похищает его душу). Любопытно отметить, что такого рода одухотворение переносится и на предметы новейшего покупного происхождения, например на ружье. Оно иногда "стыдится" и тогда перестает попадать в цепь. Для того чтобы ружье перестало стыдиться, следует перед выстрелом заткнуть клочком шерсти дуло.

Из всего изложенного вполне понятно, что, по воззрениям нганасанов, все явления природы считаются результатом действия особых живых существ, особых духов, позднее божеств. Так, например, когда дух пурги Козу нуо раскрывает ноздри, которые всегда держит закрытыми, и начинает дуть - наступает пурга. Раскаты грома происходят от полетов птицы. Чихание ее вызывает дождь. Случаи удачи и неудачи приводят к представлениям о существовании особых, функционально ограниченных духов-хозяев отдельных видов животных, главным образом промысловых.

В первобытном обществе словом "хозяин" обозначался индивид, выделявшийся своими способностями, которые давали ему возможность выступать в качестве предводителя и вождя. В дальнейшем слово "хозяин" переносится на домохозяина, на родоначальника, в развитом патриархальном строе представлявшего собою

полновластного владыку. В этом последнем значении, перенесенном на духов, мы встречаемся с термином б̄арб̄э, - "хозяин" у нганасанов. Это явление вполне естественно для народности, у которой старейшины и домохозяева пользуются почти неограниченной властью. Дух-хозяин есть существо, распоряжающееся подвластными ему животными и растениями совершенно произвольно, так же как человек - своим скотом и имуществом.

Обеспеченное существование человека зависит от воли этих духов-хозяев, особенно от духов-хозяев промысловых зверей, птиц и рыб. Захотят они уделить [часть] из подвластных им животных, человек будет сыт, не захотят - будет голодать. В общем духи-хозяева животных относятся к людям доброжелательно. Но при невыполнении по отношению к ним известных правил поведения, диктуемых их индивидуальными особенностями, эти духи-хозяева становятся такими же беспощадными и жестокими, как и злые духи. Это обстоятельство заставляет первобытного человека держаться все время настороже. Как справедливо замечает Леви-Брюль, его зависимость от духов, это чувство страха "отнюдь не покрывает, как это можно было бы подумать, флером печали и тоски всю его (первобытного человека, - А.П.) повседневную жизнь. Напротив, жизнь среди постоянных опасностей, которую он ведет, не исключает у него ни беспечности, ни хорошего настроения" [Леви-Брюль, 1937, 13].

57

Боязнь перед духами-хозяевами, с одной стороны, с другой, - стремление найти во всем причину приводят часто к самым неожиданным заключениям. Я имел как-то неосторожность похвалить одного охотника. Он перестал убивать после этого диких оленей. В неудаче обвинили меня. Не следовало хвалить, дух-хозяин рассердился: "Если так хвалят охотника, обходи меня, я больше ничего не дам", - говорит он. С другой стороны, нельзя также выражать неудовольствие малой добычей, чтобы не рассердить духа-хозяина. 1936 год был на редкость "неурожайным" на песцов. Массовые зимние набеги песцов из тундры на юг зависят от миграции леммингов, являющихся основой питания песцов. Мало бывает леммингов, мало и песцов. Но охотники-нганасаны "неурожай" песцов объясняли по-своему. Они говорили, что неладно заключать с торговыми организациями договоры на добычу песка. Как только русские начали записывать песцов на бумагу, они стали исчезать, так как дух-хозяин песцов обиделся. "Мы считаем грехом, - говорили мне нганасаны, - что русские записывают в книги "божьих зверей" - песцов. Запишут их на бумагу, положат бумагу в сундук и запрут, вот песцов и не станет. Они начинают бояться, что их запирают в сундук, и дух-хозяин перестает их посылать". Когда при мне осенью 1937 г. приехал к вадеевским нганасанам представитель пушной фактории для заключения договоров с охотниками, они стали просить его: "Мы это считаем грехом. Мы все равно будем промышлять песцов и шкуру их сдавать на фактории, нельзя ли не писать на бумагу?".

Духов-хозяев промысловых животных, диких оленей и других зверей, птиц и рыб нганасаны стараются расположить к себе, даря им живых оленей, отмечая их, как и своих, Специальными тамгами (значками собственности, вырезаемыми зимою на шерсти левой лопатки). Причем олень духа-хозяина диких оленей отмечается изображением оленя, олень духа-хозяина песцов - изображением песка и т.д. Однако следует заметить, что при зарисовке на полевой работе тамг священных оленей нужно быть очень внимательным. Дело в том, что у вадеевских нганасанов мальчишки ловят оленей и, играя, ставят на них самые разнообразные тамги, не имеющие никакого значения. Духи знают об этом и отмеченных таким образом оленей не считают своими.

Духи-хозяева промысловых животных всегда стараются распределять равномерно добычу охотников. Никогда не бывает так, чтобы один охотник в один

сезон упромыслил много диких оленей, много песцов и много рыбы. Обязательно, если он добудет много диких оленей, то упромыслит мало песцов. Если добудет мало диких оленей, промыслит много другого дикого зверя. Удача во всем считается дурной приметой, думают, что это случается перед несчастьем для охотника.

Если духи-хозяева могут распоряжаться только одним видом животных, подвластных им, то духи и божества отдельных местностей, рек и озер распоряжаются всеми видами животных, птиц и рыб, водящихся на их территории и в их водах. Когда мы прибыли на весновку

58

в район р.Большая Балахня, наш сосед Джатобие убил сразу двух диких оленей и нашел еще одного, задранный волком. Волк, увидев охотника, убежал, оставив свою добычу. Услышав об этом, Уранник сказал мне: "Смотри, как хорошо встречает нас Балахня, подарками, Балахня меня любит, знает меня. Когда приедешь охотиться на новое место, никого не убьешь, потому что дух-хозяин местности тебя еще не знает. Я и сам вчера смог убить трех диких оленей только потому, что дух Балахни знает меня".

Летом охотники, поднимаясь на хребет Бырранга, обязательно оставляют на вершине пулю или пистон в подарок духу-хозяину хребта, чтобы добыть диких оленей. Весною, перед разливом Большой Балахни, представители родов вадеевских нганасанов оставляют на берегу голову и сердце специально убитого для этого оленя. Убивают при этом обязательно только жирного оленя; если убить тощего, Балахня даст мало рыбы. Когда я спросил, почему голову и сердце не бросают в воду, мне ответили: "Во время разлива сама Балахня возьмет. Получив эти части оленя, дух Балахни дает рыбу". Это жертвоприношение совершается через каждые три года. Если о нем забывают, дух-хозяин Балахни является во сне и напоминает.

Точно так же авамские и таймырские нганасаны весною, после ледохода, приносят оленя в жертву духу-хозяину озера или речки, около которых они проводят весну и лето. Особенно большое значение придается этому таймырскими нганасанами, так как у них основным летним занятием служит рыболовство... [далее см.: Попов, 1936, 50].

Чтобы дух-хозяин озера или реки, около которых живут продолжительное время, не обиделся, названия его не упоминают, а просто называют озером или речкой. Духи-хозяева местностей так же обидчивы, как духи-хозяева промысловых животных.

Уранник рассказывал мне следующее: "Это было давно. Мы вместе со стариком Балда ходили охотиться, убили много диких оленей. Балда сказал мне: "Мы теперь, убивая диких оленей, будем брать себе только их шкуры, а туши станем бросать на месте, так как они нам не нужны". После этих слов, когда Балда пошел охотиться, не стал убивать диких оленей, ружье его перестало попадать. Это случилось потому, что дух местности, в которой мы охотились, услышав его слова" обиделся. Балда стал просить меня одолжить ружье. Зачем я одолжу, раз он обидел духа, мое ружье, побывав в его руках, перестало бы попадать. В другой раз я и Бульчу поехали в тундру очень далеко разыскивать мамонтовые клыки. По дороге мы убили много диких оленей, а между тем нам нельзя было задерживаться, надо было ехать дальше на север. Мясо всех промысленных оленей мы бросили на дороге, говоря: "Ну, мы еще убьем диких оленей, будет чем кормиться" После этого наши ружья перестали попадать, и мы не только не убили ни одного дикого оленя, но даже вынуждены были из-за голода съесть несколько упряжных оленей и только после этого стали убивать диких оленей. Это случилось потому, что своей уверенностью мы обидели духа местности".

59

Во время промысла гусей происходит обряд испрашивания диких оленей и гусей. При этом делают куойка [~койка]. Срезают нижние концы гусиных перьев, наставляют их, вкладывая друг в друга так, чтобы получилась длинная трубочка; на верхнем конце ее оставляют перышко. Трубочку вставляют в землю. Вокруг нее втыкают кыбасити, - перышки, которые служат такими же подпевалами для койка, какие бывают у шаманов. Затем, обращаясь к койка, говорят: "Бабице тэзу"! Сумүзэри тэзу!" ("Дикого оленя дай! Счастье дай!"). Если палочка через некоторое время под влиянием солнечного тепла наклонится в сторону солнца - будет удача, будут дикие олени, мольба считается услышанной. Если койка упадет, удачи не будет. Подпевалы помогают койка просить у верхнего божества диких оленей. Перед койка не проходят. При откочевке койка оставляют на старом стойбище. Нганасаны так объясняли мне действие койка: "Это, - говорили они, - как бы телеграф, через него мы у верхних божеств испрашиваем счастье (здесь разумеется удача на диких оленей), и оно нисходит по палочке".

После духов-хозяев промысловых животных и отдельных местностей второе место по своему значению занимают духи-хозяева домашних животных - собак и особенно оленей. Они требуют, чтобы люди обращались с покровительствующими им животными гуманно. Так, у человека, который бьет оленя или собаку по голове, станет гнить лицо, у того, кто бьет по ногам, будут болеть ноги, и т.д. 27 мая 1937 г., когда я находился у вадеевских нганасанов, случилась пурга. Когда она прошла, оказалось, что все телята нового отела замерзли, засыпанные снегом. Хозяева оленей стали обвинять в происшедшем инструкторов районного исполнительного комитета и зоотехников, говоря: "Вот, в этом году они все время говорили нам: "Пасите оленей как следует, берегите их". Как можно так говорить? Есть дух, охраняющий оленей, человек же не в состоянии уберечь их. Вот дух-хозяин оленей, обидевшись, и поспал пургу".

В знак своего благоволения духи-хозяева домашних и диких животных посылают людям животных необычайного вида, приносящих счастье. У шамана Черие зимою уродился щенок совершенно белой масти с одним черным пятном вокруг левого глаза. Это было истолковано как предзнаменование счастья. Уранник убил летом дикого оленя белой масти²⁹, и это было истолковано точно так же. Однако с этим не следует смешивать рождение уродливых животных, они считаются порождением злых духов баруси и приносят только несчастье. Однажды, когда на новом стойбище стали устраивать чум, младший сын моего хозяина привез на нарте белого теленка с уродливыми светлыми глазами. Когда я подошел к нему, он стал уверять меня, что этот теленок баруси и его нужно бросить. Только мои наставления вынудили его оставить этого теленка.

Как мы видели, духи-хозяева в основном доброжелательны к людям. Этого нельзя сказать о других божествах и духах. Одна категория

60

их, доброжелательная, носит общее название нуо, другая, недоброжелательная, - баруси. Духов и божеств бесконечное множество. Весь мир населен ими. Многие из них не имеют даже названий. Многие не имеют и определенной внешности, и если пожелают показаться человеку, принимают любой образ. Всякое, казалось бы, даже совершенно естественное явление объясняется действием божеств и духов. Для иллюстрации приведу следующий пример.

В старину на одном озере нганасаны увидели клык, торчащий из-под льда. Стали его рубить. Когда рубили, "чудовище", которому принадлежал клык (очевидно, мамонт), шевельнулось, лед разломило и вырубавшие клык утонули. Оставшиеся решили, что чудовище было духом озера. После этого однажды зимою

²⁹ Летом белые дикие олени встречаются очень редко.

юраки ехали вдоль берега этого озера. Вдруг поднялась сильная пурга, ветром сдуло со льда весь снеговой покров, и все нарты с людьми и оленями понесло на середину озера, которая не замерзла. Людям грозила гибель. Юраки испугались и не знали, что предпринять. Нарты их были привязаны одна к другой, и с ними было много оленегонных собак. Тогда юрак, сидевший на передней нарте, схватил собаку, отрезал ей ножом переднюю ногу, и кровь залила лед. Полоз нарты примерз к луже крови, а за ней удержались на месте и все остальные нарты. Таким образом юраки переждали пургу и смогли вернуться благополучно назад³⁰. Эти происшествия были истолкованы как злонамеренное стремление духа-хозяина озера погубить людей. Нганасаны и юраки даже в настоящее время стараются подальше объезжать озеро и называют его озером баруси - злого духа.

Создателем вселенной считается Нилыты'а нуо (верхнее божество)³¹, обитающий в верхнем мире. Жену его зовут Нуо немы³². До этих божеств могут дойти только знаменитые шаманы. Коу – солнце - является сподручным Нилытыа нгуо, исполнителем его воли, сам Нилытыа нгуо не занимается устройством мира. Сподручный Нгуо немы - хозяин луны Тисяро³³, помогающий деторождению. Ему молятся перед родами и после них дарят ему оленя. На луне находятся и глаза рождающихся людей и животных, которые являются парциальными душами.

Духов-хозяев земли два. Один из них - доброжелательный седой старик Байкуо нуо – старик-божество. Каждая семья нганасанов имеет свою сопку, на которой, возвращаясь осенью на зимнее стойбище, приносит в жертву духу Байкуо нгуо оленя или собаку белой масти. Жертвоприношение это совершается путем удушения и

61

сопровождается шаманским камланием. Шкуру оленя с головой и копытами вешают на дерево, собаку вешают на дерево целиком. При этом просят о чем-либо духа и обещают в случае исполнения просьбы опять принести жертву в следующем году. Вторым хозяином земли считается недоброжелательный и злой Фаннида³⁴, живущий под дерном. Его называют иногда мужчиной, иногда женщиной. С раскрытой пастью он ожидает к себе умерших людей. Ему дарят оленя черной масти, отмеченного специальной тамгой.

Местности, особенно бросающиеся в глаза своим видом, например сопки, также имеют своих духов, часто очень популярных. К их числу относится дух Самоедской сопки, находящейся на пути кочевков вадеевских и таймырских (губских) нганасанов. Дух этой сопки пользуется большим почитанием не только нганасанов, но и долган. На вершине этой сопки нганасаны втыкают палочки с привязанными к ним "подарками", нитками с нанизанными на них лоскутками шерсти или материи. Во время моего пребывания у вадеевских нганасанов сосед Бульчу ездил на сопку приносить подарок, так как дочь его была больна. Когда я вернулся с Самоедской сопки, меня упрекнули в том, что я также не дал подарка духу-хозяину сопки.

Хозяином воды считается Бызы" нуо - воды божество. Ему посвящают оленя черной масти, над левой лопаткой которого вырезают тамгу в виде линий, изображающих волны.

Хозяином растительности является одинокий Туоттада [?]. Питается он землей и остатками пищи, попадающими на землю. Ему дарят оленя с тамгой, изображающей растение. Кроме того, имеются специальные духи - хозяин или

³⁰ Предание сейчас связывают с Собачьим озером в системе Пясиных озер. – Ред.

³¹ С нганас. нилыты'е нуо 'живой нгуо'. – Ред.

³² Nā – самонзвание нганасанов; Nuo nām в переводе «божество нганасанов» [Букв. Перевод нуо немы – 'небо (бог, дух) мать'. – Ред.].

³³ Тисяро – букв. 'помогающий/ая (при родах)'. – Ред.

³⁴ Очевидно, хуанизэ – 'могильный'. – Ред.

хозяйка деревьев Хорэ³⁵. От их воли зависит назначение дерева: для нужд ли живых людей [оно растет] или мертвых. Если Хора умиловить, то они могут предназначать меньше деревьев для нужд мертвых, а следовательно, способствовать уменьшению количества умирающих. Хора имеют важное значение на празднестве Чистого чума.

Едва ли не самыми популярными среди нганасанов считаются духи-хозяева огня - Хүдүэ хонкэ и его жена Дяли хоалэ, как наиболее благожелательные к людям. Они советники во всех трудных случаях жизни. Когда огонь необычайно потрескивает, говорят: "Огонь сказал". Если это случится во время сборов на охоту или в дальний путь, поездку откладывают, считая, что духи-хозяева огня предупредили, что она не будет удачной. Сказитель, рассказывавший мне сказку, отказался ее закончить, так как в это время "сказал огонь". "Сегодня нельзя, - сказал сказитель, - придется в другой раз закончить, огонь затрещал".

Все, что касается огня, считается чистым. Всякое осквернение очищается огнем. Так, если на какую-либо вещь невзначай сядет или наступит женщина, эту вещь держат некоторое время над огнем. Оценившаяся собака так же, как роженица, подвергается окуриванию

62

огнем. Больного заставляют дышать на огонь. При этом он обещает сделать себе при выздоровлении амулет. Для этого он берет весною веточку тальника, обугливает ее на огне и зашивает в маленькую сумочку из кожи, украшенную шитьем из подшейного оленьего волоса и бисера. Этот амулет, подобно нательному кресту, носится на шее. После этого выздоровевший дарит духам-хозяевам огня живого оленя, отмеченного специальной тамгой, изображающей лежащий на поленьях железный лист очага. При вторичном заболевании выздоровевший дышит на этого оленя. Если болен мужчина, то олень этот - бык, если женщина - важенка. Для духа огня удушают взрослого оленя или теленка, причем желудок его вместе с содержимым кладут на настил из палок за очагом против входа в чум. На желудок кладут мясо оленя, все это закрывают сверху шкурой. Голову оленя, которую не отделяют от шкуры, направляют при этом в сторону очага.

3 января 1937 г. мне пришлось быть очевидцем жертвоприношения щенка духам-хозяевам огня. Это произошло в семье одного таймырского нганасана. Дети хозяина болели корью. Отец взял щенка и задушил его ремешком, не выходя из чума. Затем разрезал ему живот, вырезал сердце, бросил его в огонь, и вторично просунув руку в живот, зачерпнул ладонью крови и налил ее на четыре угла железного очага. После этого приподнял лист очага и бросил под него мертвого щенка.

Способов узнавать будущее у нганасанов немного. У меня записано только три, и все они применяются с помощью огня. Таково, например, гадание при потере оленей, когда необходимо знать, в какую сторону они ушли и где искать их. Для этого берут тонкую палочку, заостряют ее конец, а середину настругивают. Воткнув палочку в землю, зажигают стружки. В какую сторону упадет конец палочки, в том направлении и скрылись олени. При этом просят хозяина огня помочь найти оленей. Если их найдут, одного из них отмечают тамгой духа-хозяина огня. Судят о будущей добыче по грудной кости птицы. Ставят эту кость на горячие угли, и если гребешок кости изогнется в сторону огня, то будет добыча. При этом гадающий кладет кость себе на голову. Если же гребешок изогнется в сторону, противоположную огню, то кость разламывают, бросают и как бы в утешенье себе говорят: "Разве это действительно что-либо будет означать?". В старину гадали с помощью лопаточной кости дикого оленя. Брали кость только от жирного оленя и

³⁵ Очевидно, хорэ – 'лицо'. – Ред.

ставили ее к огню. Кость от жара давала трещины. Продольные трещины предвещали счастливый исход, поперечные - неудачный. Нганасаны очень доверяли этому гаданию. Теперь они панически боятся прибегать к нему, предпочитая не знать о своем будущем.

Злые божества и духи, или баруси, ни к каким добрым делам не способны. Болезнь, смерть, вообще все нехорошее исходит от них. Человек может, хотя и не всегда, воздействовать на них при помощи шаманов - подкупами и угрозами, а также магическими действиями. Баруси, как и доброжелательных духов, бесчисленное множество. Некоторые из них любят селиться на старых чумовищах,

63

в заброшенных избах и глухих местах. У верховьев р.Лабаз стоит старинная русская изба, в ней жили, говорят, русские собаководы. Вот уже около десяти лет в избушке стало происходить что-то неладное. И теперь эту избу долганы и нганасаны стараются объезжать как можно дальше. Даже и днем около этой избушки якобы слышится громкий плач. Вот что рассказывал мне по этому поводу Уранник Окуо. "Однажды я во время кочевков остановился стойбищем около этой избы. Сам я, как всегда, утром поехал на охоту, семья осталась одна, и вот днем мои жена, дочь и сын услышали громкий плач. Я вернулся поздно вечером. Мы все провели беспокойную ночь и рано утром откочевали. Года четыре назад в зимнюю лунную ночь возвращались из гостей шесть нганасанов. Они остановились около этой избы, чтобы дать передохнуть оленям. Вдруг в избе послышался громкий плач. Люди быстро расселись по нартам и пустили оленей бегом. Голос продолжал следовать за ними, приближаясь к едущим, и только с отдалением их постепенно начал замирать. Тогда люди снова остановились, чтобы дать оленям передышку. Голос снова стал приближаться. Люди испугались и снова пустили своих оленей и, не отдыхая, доехали до долганского станка Горелое. Долганы потом рассказывали, что в следующую ночь на станке Горелое слышали голос плачущего ребенка. Это, должно быть, баруси искал нганасанов".

Из многочисленных баруси наиболее почитается Оспа, которую иногда представляют в виде мужчины, иногда в виде русской женщины. Мне кажется, что в этом последнем случае образ Оспы позднего происхождения и заимствован от соседей нганасанов - якутов и долган, которым она также представляется русской женщиной.

"Брат шамана Дюхадие тоже был шаманом. Он был горбатым и жил за Енисеем у хантайских самоедов. Пришла Оспа (мужчина). Шаман стал камлать и вступил с ним в переговоры, а потом сказал: "Болезнь говорит, что я пришел гостевать к вам и просит меня, чтобы я стал для него верховым оленем и переправил его через Енисей и Дудинку. Говорит, чтобы я надел только шапку и обувь, а шаманского костюма не надевал. Вместо костюма просит надеть ровдужную парку из шкуры дикого оленя. Если я, не умирая, благополучно переправлю болезнь, она никогда больше не придет к ним. Если же я по дороге умру, то не подходите ко мне близко и не хороните меня, чтобы не стали у вас умирать люди". Шаман оделся, как велела Оспа, на четвереньках прошел довольно большое расстояние и затем, став на ноги, прошел через Енисей по льду. И действительно, болезнь не тронула хантайских самоедов, среди которых жил брат Дюхадие, и перекинулась за Енисей" (Уранник Окуо).

Интересно отметить, как в мировоззрении нганасанов преломляется прививка оспы. Нганасаны говорили мне: "У нас вверху среди русских невидимо ходит Оспа. Там, говорят, бывают большие колдуны - русские доктора. Заметит русский доктор Оспу - ничего не скажет, раскроет толстые книги и сидит. Когда Оспа подойдет, он испугает ее криком, и она исчезает, оставив свой нож. Тогда русский доктор берет этот нож, чтобы Оспа не узнала, прячет его и,

64

как можно скорее, посылает сюда. Здесь русские этим ножом делают надрезы, и этих надрезанных людей Оспа не трогает". Далее мне объясняли, почему таких людей не трогает Оспа: оказывается, что русские доктора вырезывали ножом Оспы на людях тамги - знаки собственности Оспы, так же, как люди делают это на оленях. Оспа видит свою метку на руке человека и не трогает его, считая своей собственностью.

Братом Оспы является Хоани - дух голода. И Оспа и Хоани - сыновья нижнего (недоброжелательного) духа, который время от времени посылает их на землю. Хоани отгоняет от людей всех зверей и птиц; внимает он только, как говорят, столам и слезам потерпевших от смерти и болезни и посылает им больше удач в охоте и промыслах. Вот почему люди, у которых в семье случилась смерть или другая неудача, всегда больше добывают зверей, птиц и рыб.

Большинство баруси представляется в доступных восприятию человека образах только в шаманстве в связи с болезнями, когда они показываются шаманам в виде охотников за человеческими душами. В других случаях нганасаны хотя и знают об их существовании, но, боясь их, не задаются целью узнать их поближе. Нганасанов мало интересует, что они из себя представляют. Как нгуо - добрые божества и духи, так и баруси - злые духи - представлены в конкретных образах в шаманстве. Особенно интересный в этом отношении материал содержат записанные мною автобиографии шаманов и путешествия их во время праздника Чистого чума. Но мне кажется, что при использовании шаманских воззрений для характеристики народных верований о духах и божествах следует быть очень осторожными. В жизни шамана играют огромную роль его индивидуальные переживания, связанные с галлюцинациями, которые всегда носят сугубо личный характер. Не бывает случаев, чтобы воззрения одного шамана совпадали с воззрениями другого. Мало того, они часто даже противоречат установившимся веками народным воззрениям, хотя, конечно, не выходят за общие рамки анимизма. Эти противоречия между шаманскими и народными воззрениями особенно заметны в обществе, стоящем на более низкой стадии развития, как например у нганасанов, где образы духов и божеств еще окончательно не установились. С развитием общества эти противоречия уменьшаются. Так их, например, гораздо меньше в религии якутов или бурят. Поэтому для характеристики народных воззрений этих народностей можно пользоваться шаманским материалом с меньшей опасностью. Явление это заслуживает, по моему мнению, специального изучения. Вообще следует сказать, что ни в одной отрасли этнографии не встречается так много противоречий, ставящих так часто в тупик собирателя, как в религии. Но при вдумчивости исследователя в этом ничего нет странного. По этому поводу можно привести следующие полные глубокого смысла слова Штернберга. Возражая Дюркгейму против его критики анимистической теории, он говорит относительно противоречий в вопросе о душе: "И, наконец, маленькое противоречие, которое нарушает как будто правильность, логичность его мышления в некоторых вопросах, никогда не смущает

65

примитивного человека, и он часто путается в своих противоречиях. Ведь и мы, люди цивилизованные, люди воспитанные на научной мысли, полны противоречий и подчас столь же суеверны, как и простая деревенская баба. И среди нас, наверное, есть немало суеверных людей: пугает какой-нибудь скверный сон, пугает какое-нибудь мрачное предчувствие, плохая примета и т.д. Когда человек заболевает и врачи не могут его вылечить, тогда бегут и к знахарю, и к шаману, и к священнику. Наконец, даже нынешняя "положительная" религия, в сущности говоря, базируется на таких же нелогичных соображениях, как и религия примитивного человека". Далее совершенно справедливо Штернберг указывает, что "примитивный человек даже боится всякой критики своих религиозных установившихся убеждений, потому

что эти убеждения дают ему уверенность в жизни, и он боится сомнений. Стоит ему на момент заколебаться и приложить к ним строгую логику - и он погиб: он тогда теряет уверенность в своих действиях, веру в свое благополучие" [1936, 535].

Подводя общие итоги изложенным мною материалам, можно следующим образом охарактеризовать анимистическое мировоззрение нганасанов. Человек представляет собою только маленькую частицу многочисленного сонма живых существ, наполняющих весь окружающий его мир. Эти живые существа так же разумны и сознательны, как и люди. Но нганасанское общество находится еще на той стадии развития, когда эти живые существа, за немногими исключениями, не приняли еще определенного образа, они воспринимаются зрительно человеком в том виде, в каком пожелают показаться. В религиозных воззрениях нганасанов ограниченные функции духов-хозяев с развитием подвижных социальных организаций, более многочисленных родов и кочевых групп постепенно ступеньются и переходят в ведение существ более высшего порядка - нгуо, которые по существу остаются теми же хозяевами, но с более широкими функциями.

VII. ДОМАШНИЕ СВЯТЫНИ³⁶

Божества и духи-хозяева нганасанов, от которых зависят наиболее важные жизненные нужды не отдельных родов и семейств, а всей народности, известны под общим наименованием нгуо [~но]. Духи эти не имеют своего реального воплощения в виде каких-либо изображений из дерева, камня, металла или другого материала. И в мысленных представлениях нганасанов божества и духи высшего порядка часто не имеют определенного образа. Совершенно другое наблюдается относительно койка - родовых и семейных духов. У них всегда есть определенное материальное воплощение не только в зооморфном или антропоморфном искусственно сделанном образе,

66

но и в виде камней и других элементов природы, обработанных руками человека. Отсюда можно заключить, что нганасаны под названием койка разумеют всякие материальные воплощения второстепенных духов-хозяев³⁷, покровительствующих членам одного рода или семьи. Именно в таком смысле материального воплощения духа нганасаны называют и православную икону "русским койка". Поселок Хатанга они называют койка маду - "жилище, дом койка", так как там находится церковь.

Некоторые горы, скалы или большие камни также почитаются, как указывалось, за койка. В этих случаях признаком наличия здесь духа-хозяина является или необычный, бросающийся в глаза внешний их вид, или какое-либо необычайное событие, случившееся около них и приписываемое воздействию духа-хозяина этого места. В среднем течении р.Логата находится озеро. На берегу его расположены два стоячих камня, которые почитаются за койка. Люди боятся проходить между этими камнями, так как у них есть свойство узнавать "нечистых" людей и приносить им несчастья. Проезжая мимо, таймырские нганасаны обязательно приносят оленей в жертву этим койка. Предметы небольших размеров, какого бы они чудесного вида ни были, становятся койка, т.е. делаются одухотворенными и приобретают духов только в том случае, если последних вселит в них шаман. Для того чтобы сделать тот или иной предмет койка, необходимо испросить через шамана у общего духа-хозяина всех [койка] специально духа-хозяина [для этого койка]. Человек, нашедший камень или какой-либо другой предмет необычной формы, обращается за советом к шаману: "Может ли этот предмет стать моим койка?". Если шаман по известным ему одному признакам даст положительный ответ, совершается шаманский обряд одухотворения предмета для превращения его в койка.

По своему происхождению койка, как указывалось, бывают естественные, не обработанные руками человека, и искусственные. Естественные койка - большей частью камни какой-либо необыкновенной формы. Особенно почитают каменных койка вадеевские нганасаны. Объясняют они это следующим образом. Если сделать койка из дерева, дух-хозяин дерева требует взамен срубленного для этой цели дерева одного человека из родни хозяина койка, и тот умирает. Считая это большим грехом, нганасаны предпочитают заводить себе каменных койка, не требующих человеческой жизни. К естественным относятся и такие, например, предметы, как рог дикого оленя с необычайно уродливыми разветвлениями, шкура животного

³⁶ Раздел почти полностью, с иллюстрациями, опубликован как статья [Роров, 1959; 1963]. Ко времени публикации взгляды А.А. Попова на духов очевидно претерпели некоторые изменения, что отразилось и в тексте статьи. У А.А. Попова везде куойка. – Ред.

³⁷ В русском варианте статьи, хранящимся в библиотеке Сектора Сибири Института этнографии АН СССР (инв. № 369а), исправленном и подписанном А.А. Поповым 17.08.1956, слово «хозяев» зачеркнуто. – Ред.

непривычной масти, дерево причудливой формы и т.д. Попытка исчерпывающего перечня всех тех естественных предметов, которые могут стать койка, была бы тщетной. Причины появления новых койка носят всегда сугубо индивидуальный характер. К искусственным койка относятся созданные руками человека из дерева, кости

67

и металла. Деревянные и костяные койка представляют собою зоо- и антропоморфные скульптурные изображения различной величины. Железными койка часто служат металлические подвески шаманского одеяния, имеющие всевозможные формы - от животных до небесных светил. Обычно ими бывают подвески, завешанные умирающими шаманами своим родным и домашним в качестве охранителей их от различных болезней. Так как шаманские привески приобретают духов еще при жизни шамана, то над ними не производится обряд вселения духа.

По своим функциям койка бывают универсальными и узкоспециальными. К первым койка обращаются за помощью в самых различных случаях - при болезнях, при потере оленей, когда нужно отомстить врагу и т.д. Так, при болезни, выходя на улицу, становятся перед нартой, в которой находятся койка и, легонько ударяя по ней палкой, говорят: "Почему мы при наличии вас болеем, помогите нам". Однако койка помогают не бескорыстно, они получают за это подарки - бусы и различные безделушки, а в серьезных случаях - оленей, которых отмечают тамгами. Часто, исцелив больного, они "съедают" оленя, который таким образом пропадает вместо больного. Ураннык рассказывал мне: "Когда нынче заболела моя жена, я обратился с просьбой к своему койка. Жена моя поправилась, но за это на другой день волк зарезал оленя. Это съел койка за то, что поправил мою жену". Однако при сильных болезнях избегают обращаться к койка, так как они могут и не помочь, а дух сильной болезни может рассердиться и ухудшить положение больного. Универсальные койка бывают всевозможного вида, наиболее интересны из них металлические антропоморфные, состоящие из отдельных частей, распространенные также у юраков и энцев. Поскольку они связаны с понятиями о парциальных душах, описываются они дальше при характеристике воззрения нгансанов на душу. К узкоспециальным койка относятся приносящие удачу при охоте и рыболовстве, покровительствующие семье, домашнему очагу и т.д.

К охотничьим койка принадлежат привезенные мною в Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде два деревянных мужских изображения, одно из которых с ярко выраженными признаками пола, обитых железными и медными пластинками, кольчугой, предохраняющей от действия злых духов [Иванов, 1970, рис.87]. Рыболовные койка бывают железными [или из дерева], в виде рыбы, и хранятся в чехлах из снятых целиком рыбьих шкур. Перед тем как идти на промысел, промышленник ударяет палочкой по нарте, в которой лежат охотничьи и рыболовные койка, и просит послать богатую добычу. После удачного промысла охотники кормят койка, обмазывая их кровью или окуривая костным мозгом убитых диких оленей. Если этого не сделать, койка обижаются и не дают добычи. "В этом году Дютадие Нерго ничего не добыл, - говорили мне нгансаны, - в этом он виноват. Перед тем как идти на охоту, он просил своих койка дать ему добычу. И они дали, он убил двух диких оленей. Но после этого он не покормил своих койка и перестал убивать диких оленей". Не всегда охотничьи койка бывают

68

антропоморфными, иногда они представляют собою шкуру с головы дикого оленя с неотделенными рогами необычной формы.

Койка огня, по словам одних, делают из раздвоенного сучка дерева, в виде человека, по словам других - из шкуры с головы медведя. Койка огня хранятся внутри маленькой нарты, привязываемой сверху большой. У некоторых семей бывают койка-шаманы, представляющие собой кукол в шаманском костюме. К ним обращаются, когда хотят увидеть вещие сны. Койка-хозяйка чума делается из раздвоенного сучка в виде двухголового женского изображения в миниатюрной женской шубке, специально сшитой из шкурки дикого оленя. Экземпляр, привезенный мною в Музей антропологии и этнографии Академии наук в Ленинграде, имеет пояс с подвесками из бус и разных мелких пуговиц, представляющих собой приношения [Иванов, 1970, рис.88, 1]. Койка-хозяйка чума ставится на женском месте внутри чума, а все остальные койка вносят в чум очень редко. Поскольку койка-хозяйка чума женского пола, к ней относятся так же, как к женщине. Так, при свертывании чума изображение ее выносят последним, вместе с женскими вещами, которые, как известно, считаются "нечистыми". Выносят, свернув в женское одеяло, и кладут в "нечистую" нарту, где находятся женские принадлежности.

Некоторые койка пользуются исключительным почитанием, как например койка рода Нгойбуо, являющиеся в сущности святыней всех вадеевских нганасанов. Хранятся эти койка в семье Бульчу Нгойбуо, младшего из братьев. Это два камня, один из которых считается мужчиной, другой - женщиной. При мужском камне имеется пучок со стрелами, при женском - иголка, нитки и женская меховая сумочка с лоскутками. Кроме того, при них же наводится медведь в виде медвежьей шкуры. Оба койка хранятся в круглой коробочке, внутренняя стенка которой раскрашена поперечными черными и красными линиями. Старший браг Бульчу, Тыймы, рассказывал мне: "Наши койка тунгусского происхождения. Они появились тогда, когда небо и земля создавались, и ведут свое происхождение от тунгусов с "шитыми" лицами. Однажды я болел корью и вся моя семья лежала больная. Дело происходило днем. Мне наяву явился хозяин койка. Вошел старик тунгус и стал что-то говорить по-своему. Я ничего не понял. Тогда он сказал мне по-якутски: "Через три дня откочуйте, тогда будет хорошо". Как он исчез, я так и не заметил". Тот же Бульчу жаловался мне: "Несколько лет тому назад заболел на охоте Джатобие, поевши с голоду мяса больного оленя. Услыхав об этом, я разыскал его и привез еле живого к себе домой и стал за него просить своих койка, дав слово, что если Джатобие поправится, обязательно даст им хорошую важенку. Но Джатобие, поправившись, пожалел дать важенку. И когда я ему напомнил об этом, отказался. На другой день после этого волк съел ту самую важенку, которую я просил для койка. Так теперь люди не уважают койка. Мало того, и сам Джатобие едва не погиб. Он погнался за теленком этой важенки по льду. Лед оказался тонким, и Джатобие провалился, едва его вытащили арканом".

69

Мой хозяин Уранник сказал мне однажды: "Ты живешь в соседстве со знаменитыми койка рода Нгойбуо. Может быть, ты подарил бы им монетку". Но затем, немного погодя, прибавил: "Впрочем, ты монетку не давай. Ведь ты, как будто, заходил в тот чум, где находилась роженица. На днях ты был у Конгуптие, а его жена недавно родила. Монетки, наверное, в это время были у тебя в кармане, и роженица после твоего ухода топтала твои следы. Такие деньги поганые, они совсем не нужны койка. Лучше подари большую бумагу, будет тебе тогда счастье. Плохо, что ты не стреляешь из ружья, койка дали бы тебе много удачи. Когда ты пойдешь к чуму Бульчу, то хотя бы издали несколько раз поклонись в ту сторону, где стоит нарта койка, и скажи, чтобы койка наделили тебя счастьем. Когда будешь давать бумагу, сам ее не давай, передай через Бульчу". Когда племянник Бульчу молодой охотник Чиморё прострелил себе случайно руку, это объяснили тем, что он перед

этим, вернувшись с удачной охоты, не сделал подарка своим родовым койка, как это он делал всегда раньше. 12 мая 1937 г. Бульчу послал за шаманом. Зимой, когда все болели корью, обещали в случае благополучного выздоровления сделать [для] койка по прибытии на р.Балахня новую нарту. К сожалению, скрыли от меня обряд ее изготовления. И мне удалось только заснять шкуру убитого оленя вместе с запряженной новой нарткой [Попов, 1936, рис.39]. Я это сделал днем, когда мужчины уехали на охоту. Как и следовало ожидать, оставшиеся в чуме передали обо всем Бульчу. Вечером он пришел ко мне в чум и стал говорить: "Ты поступаешь неладно. Мы сильно боимся, что ты смотришь и берешь тень (снимаешь), как бы койка не рассердился и не случилось бы худо как нам, так и тебе".

Когда приблизились роды одной женщины из нашего стойбища, семья ее вместе с ней откочевала к другому стойбищу, чтобы не осквернить койка Нгойбуо. Следующий факт показывает, каким большим почитанием пользуются койка рода Нгойбуо среди других родов вадеевских нганасанов. В начале июня 1937 г. все стойбища торопились аргишить, чтобы перейти до весеннего разлива р.Балахня. Стойбище нганасана Мандюптие из рода Купчик ожидало целых три дня, пока не снимется с места задержавшееся наше стойбище, где находились койка рода Нгойбуо, чтобы не переходить пути и не обидеть этим койка. К ним часто обращались представители других родов, что очень не нравилось людям из рода Нгойбуо. Однажды они мне пожаловались: "Очень не нравится нам, что приходят к койка чужие люди, как Балда и Уранник из рода Окуо, и делают подарки нашим койка. Они этим похищают то счастье, которое предназначают нам койка рода Нгойбуо".

Когда весной крупные кочевые группы распадаются на более мелкие, то при разделении двух таких хозяйств, в одном из которых имеются более почитаемые койка, оба хозяйства откочевывают в противоположные стороны. При этом отделяющееся хозяйство действительно откочевывает на далекое расстояние, а другие, остающиеся на месте, только делают вид, что откочевывают в сторону,

70

в действительности, пройдя лишь около полукилометра или даже меньше, они становятся снова стойбищем. Это делается для того, чтобы почитаемые койка не подумали, что остающиеся хозяйства не следуют за ними, пренебрегая ими, а [поняли, что] не следуют [за ними] в силу необходимости откочевывать в другую сторону. Обычно избегают жить на одном стойбище две семьи, имеющие особо почитаемых койка, так как они не ладят между собой и это отражается на положении их владельцев.

Из приведенных мною примеров нетрудно увидеть, что в большинстве случаев то глубокое почитание, которым окружены некоторые койка, основано на страхе перед ними. И действительно, койка хотя и приносят людям много пользы, но делают это исключительно из корысти, ожидая за каждую, даже незначительную услугу вознаграждения. Помимо этого, каждый владелец койка все время вынужден думать, как бы чем-нибудь не обидеть их, так как они от этого становятся беспощадными и могут наказывать болезнью и даже смертью. У таймырского нганасана Тасады есть койка "волк". Это волчья шкура с неотделенной головой и когтями. Койка этот очень не любит детей и, если они дотронутся до его нарты, наказывает их смертью. Так, у таймырского нганасана Фонаранту Порбина был естественный каменный койка, напоминающий человеческую голову с выпуклыми глазами. И вот однажды, когда заболели его родные, Фонаранту стал упрашивать своего койка помочь им. Чтобы слова просящего дошли до койка, принято при этом легонько ударять его палочкой. Палочки не оказалось под рукой, Фонаранту стал ударять железным наконечником копья хорея и выбил ему глаз. После этого он сам ослеп на один глаз. В силу этих свойств койка из покровителей и помощников

становятся часто тяжелой обузой, так как если завелся койка, от него уже никак нельзя избавиться. Если койка выкинут, дух его все равно вернется и за такое непочтение "съест" своего владельца. Тот же нганасан Тасадя неоднократно жаловался, что, хотя его койка и приносит ему пользу, он рад бы от него избавиться, но боится сделать это. Следует сказать, что большим почтением пользуются только такие койка, относительно которых верят, что они при обращении к ним действительно оказывают ту или иную помощь. Но не все койка выполняют добросовестно свои функции, и в этих случаях открыто сетуют на них, швыряются ими и даже выбрасывают. Но обычно соседи, чтобы не случилось несчастья, снова кладут их на нарту. Мой хозяин Уранник имел обыкновение часто жаловаться на своих койка: "Мои койка никуда не годятся. Они совсем не помогают". Когда я ему говорил: "Зачем ты так плохо отзываешься. Вот твой сосед Бупьчу очень почитает своего койка", - он отвечал: "Нет, я не боюсь, мои койка ведь очень плохие". Но, несмотря на это, он все же осенью после удачной охоты счел нужным "покормить" своих койка. Взял ковш, положил туда горячих углей, бросил на них кусочки жира дикого оленя и поставил ковш на землю под нартой, в которой хранились койка.

71

У авамских нганасанов в отличии от вадеевских за койка смотрят исключительно женщины, мужчины заменяют их только во время болезни или беременности. У вадеевских нганасанов разрешают только не беременным женщинам запрягать оленей в нарты не особенно чтимых койка.

Хранят и возят койка в специальных нартах, большей частью трехкопильных, покрытых сверху шкурой дикого оленя. Верхняя крышка нарты в случае удачной охоты на диких оленей меняется ежегодно. Сделав новую нарту, сменяют и старую крышку из шкуры; при этом нганасаны считают грехом пользоваться самим старой крышкой и продают ее долганам или якутам, которые выделывают из нее оленьи лямки.

6 сентября 1937 г. Бульчу употребил на крышку нарты шкуру дикого оленя, подаренную ему Уранником. Вызвано это было тем обстоятельством, что у этого дикого оленя были необычайно причудливые рога, что и было истолковано как особое благоволение духа-хозяина охоты. Уранник, отдавая оленя Бульчу, не заметил особенности рогов и впоследствии очень раскаивался, думая, что этим дарением лишил себя благоволения духа охоты. Бульчу покрыл шкурой нарту койка, повесил спереди на нарту внутренний жир оленя, а затем положил его внутрь нарты. Голову оленя выставил в перевернутом положении перед нартой. В таком виде нарта находилась в продолжение семи дней.

У некоторых койка, как например у описанного выше койка рода Нгойбуо, у нарты хотя и три копыла, но с правой стороны на полозе имеется лишняя четвертая ножка. Ее наличие объясняли тем, что у знаменитого койка нарта должна быть особенной, отличной по своему виду от нарты обычных койка. Иногда полозья нарт делаются в виде рыбы, для этого задним концом их придается форма рыбьих голов и вколачиваются железные зубцы, изображающие плавники. Кроме того, у передних и задних концов полозьев приделываются железные зубчатые пластинки в виде гребешков для предохранения койка от нападения злых духов. Под сиденьем нарты подвешивается маленькое изображение долбленной лодочки, чтобы койка в случае необходимости мог переправиться через реку. Часто на конец нарты привязывают подарки: бусы, медные пуговицы, бляхи и другие безделушки. Внутри короба нарты делают подстилку из черной шкуры дикого оленя, на которую и кладут койка. Нарту койка меняют каждые три года, при этом старую бросают и перекладывают койка в новую. Перед этим переносом над новой нартой совершают особый обряд. Убивают оленя, шкуру его с головой и копытами вешают на дерево по направлению на восток, впрягают ее как живого оленя в новую нарту и оставляют ее стоять в продолжение

трех дней. В это время душа убитого оленя отправляется к солнцу, чтобы оно вместо этого оленя послало много новых оленей. Койка обмазывают кровью оленя. Этот обряд совершается весной, после полярной ночи. На стойбищах нарты койка располагают в самом конце вереницы саней. Это делают для того, чтобы женщины и иноземцы, говорящие на другом языке, например долганы,

72

якуты и русские, не могли проходить перед койка, так как это оскверняет их. В нарты койка кладут не только одних койка, но и "чистую" кладь: орудия охоты и рыболовства, мужскую одежду, мясо дикого оленя и рыбу. Разрешается также летом развешивать на этой нарте мясо диких оленей для вяления.

Запрягают в нарты койка специальных оленей, отмеченных на шерсти особыми тамгами. Под нарту койка женского пола запрягают важенюк. На оленях койка не ездят, их не убивают, мясо их не едят, когда они падают. У вадеевских нганасанов, однако, малооленные иногда запрягают и оленей койка, но только под "чистые" мужские нарты, на которые не кладут предметов женского обихода, причем надевают на них только "чистую" упряжь. Обычно это делают весной, когда упряжные олени отощают. Осенью при удачной охоте кладут в нарту койка жир и копченое мясо диких оленей и гусей. Мясо это и жир едят весной, в пору прилета гусей, на семейном пиршестве, специально устроенном на радостях, что люди смогли дожить до весны.

После смерти владельцев койка переходят по наследству младшему сыну. Старшие сыновья умершего в случае необходимости обратиться за помощью к койка приезжают к младшему брату, где находятся койка, или на время привозят их на свое стойбище, а затем возвращают обратно. При отсутствии наследников койка берут посторонние, так как, если их никто не возьмет, духи-хозяева койка все равно вернуться в виде болезни. Когда умирает владелец, некоторые койка плачут, жалея его. Оставшиеся родные делают новую парту, без боковых досок.

Койка нганасанов у соседних народностей - долган, якутов и тунгусов - считаются самыми сильными и внушают им страх. Если кто-либо обидит нганасана, он приезжает домой, раскрывает нарту и, приставив к ней койка, обмазывает их кровью специально убитого оленя. Затем он приподнимает кверху нарту и, взявшись руками за передок, жалуется на обидчика и просит наказать его. Или же вносит койка в чум и коптит ему лицо над огнем очага, говоря: "Пусть у моего врага так же сгорит лицо, как у тебя". Враг должен после этого умереть от язвы лица.

Из всего сказанного видно, что койка нганасанов в большинстве случаев (за исключением гор, скал и больших камней) представляют собой предметы, заключающие в себе духов, покровительствующих в том или ином отношении отдельной семье или роду. Поскольку от койка зависит благополучие семей и родов, они окружены особым почитанием, которым пользуются также у ближайших групп долган, якутов и эвенков. Это не должно нас удивлять, так как этнография дает много примеров, когда не только иноземные божества и духи, но и иноземные колдуны и шаманы считаются сильнее своих собственных. Заслуживает внимания наличие общего духа-хозяина всех койка, с разрешения которого шаман наделяет выбранные предметы отдельными духами-хозяевами. Это обстоятельство заставляет думать, что существует большая разница между божествами и духами высшего порядка и духами-хозяевами койка, составляющими

73

как бы особую категорию духов низшего порядка, менее сильных, чем первые. Уместен вопрос: можно ли считать нганасанских койка фетишами? Думаю, что ответ может быть только отрицательным, поскольку в настоящее время принято под

фетишами подразумевать почитание самих предметов, а не духов, воплощенных в них.

VIII. ДУША И СМЕРТЬ ПО ВОЗЗРЕНИЯМ НГАНАСАНОВ³⁸

У нганасанов душа человека, ведающая психическими функциями, носит название nilti³⁹. Она имеет образ птицы. Нилыта нгуо - верхнее божество - создало для каждого народа определенное количество мужских и женских душ, которые воплотились в людей... На празднестве Чистого чума, когда шаману приходится переправлять через "воду болезнь" души своих родичей (nilti), они переплывают вместе с шаманом, в кистях его костюма, приняв вид пены...

По воззрениям нганасанов, каждый сон имеет вещее значение, но не всегда может быть угадан. Для этого требуется особое искусство, которым более всего владеют, во-первых, шаманы, во-вторых, старики как люди, имеющие большой жизненный опыт. Для примера приведу толкование некоторых снов.

Окуо был во сне в обществе пьяных. Пили красное вино. Пить вино, особенно красное, - к плохому, к эпидемии. Отсюда заключили, что люди будут болеть дизентерией. Но Окуо не выпил своей доли, отставил ее в сторону и сказал, что выпьет после. Из этого сделали вывод, что болезнь должна миновать его семью.

[Во сне] шел Бульчу по озеру, лед оказался тонким, и он провалился в полынью до самого пояса и долго кричал, чтобы спасли его, так как задние нарты аргиша отъехали уже далеко. Бульчу с большим трудом выбрался на лед и увидел, что в его аргише провалились в воду две задних нарты, и женщины сбрасывали с них нюки на лед. Сказали, что будет эпидемия, что многие будут хворать.

Уранник видел во сне, что он наловил много рыбы, чиров. Отсюда он заключил, что убьет много диких оленей. Одна рыба улетела вверх, и он успел только ударить ее доской по хвосту. Так как до этого охота на диких оленей была неудачной, Уранник решил, что в виде этой рыбы улетела неудача.

Я лично видел сон, что покупал топленый жир дикого оленя и перекладывал его из рыбьего мешка в посуду. Мой хозяин истолковал этот сон как счастливый: "Жир к счастью, - сказал он. - Выпрастывал жир, это ты лечил от болезни наших людей". Мой хозяин во сне никак не мог переплавиться через большую реку. Он сказал, что будет пурга.

74

Если во сне в сеть попадетс кунжа, говорят, что пропадет олень. Бродить во сне по грязи или провалиться в воду - заболеть...

Кровь (кам) – это тоже душа... При охоте на диких оленей по необходимости приходится проливать кровь, и люди, которые много раз участвовали в поколках диких оленей, считаются людьми, пролившими много крови. По воззрениям нганасанов, у субъекта, пролившего кровь человека, темнеет лицо. Нганасаны прежде имели обыкновение поедать своих вшей. Это объясняли тем, что считали грехом проливать свою кровь, которая показывается при раздавливании вшей. Существуют запреты против осквернения крови... Менструальная кровь считается нечистой. Думают, что прикосновение к этой крови приводит к слепоте. Такое отношение к ней объясняется тем обстоятельством, что, по воззрениям нганасанов, из организма может извергаться только нечистая кровь...

Интересно также отметить, что у нганасанов одежда тесно связывается с жизнью человека... Кехипте во время драки оторвали султан от капюшона его совика, и он вскоре после этого умер. Нганасан Балда Окуо, поругавшись со своим соседом, взял нож, вышел на улицу и в нескольких местах проткнул насквозь его одежду, лежавшую на санках. Рассказывая об этом, нганасаны говорили мне: "Балда

³⁸ Раздел отчасти опубликован [Попов, 1936, 51-61; 1976, 31-43]. В настоящем издании сохранены неопубликованные места раздела и некоторые абзацы рукописи, уже опубликованные, но необходимые для смысловой связи. – Ред.

³⁹ нилти – букв. 'живой/ая'. – Ред.

тогда поступил очень скверно; по нашему воззрению, протыкать одежду человека ножом все равно, что убивать его душу. Это большой грех. Балда тогда едва откупился 150 рублями. Хотя этот сосед и остался жив, но все же после этого у него умер ребенок"...

[Нганасаны] избегают ходить к больному из того чума, в котором находится другой больной, - болезнь прибавляется, и больному делается хуже. Они всячески, не останавливаясь ни перед чем, стараются избавляться от духов болезней. У шамана Денгупте заболел отец. Шаман Коуча посоветовал ему отправить духа болезни в другие стойбища. Денгупте взял ящик, продырявил его сбоку и припряг к нему собаку. При этом он завязал ей глаза лоскутом красного сукна и подвязал к шее кисть из красного сукна. В ящик положил деревянное изображение человека и несколько сушек. Затем, заклиная, направил собаку в лесную сторону (на юг), задушил ее и после этого тотчас же откочевал. Шаман Дюхадие, услышав, что стали болеть долганы и от них заболел один нганасан, отправился на дорогу, ведущую к соседним стойбищам, и провел поперек ее крестообразную черту, затем от южной стороны креста он провел длинную линию в сторону соседей, чтобы по ней, как по дороге, дух болезни отправился к ним. Такое насылание болезней вызвало среди них большое недовольство как недоброжелательное к ним действие.

Однажды, когда все меры против духа чахотки были исчерпаны, умирающий шаман Иван Горнок попытался так обмануть его. Он до последних дней жизни верил, что его спасут шаманские духи. Когда ему стало совсем плохо, он попросил убить белого олененка и оставить его на стойбище в лежащем положении с головой, направленной к северу. Затем накинул на него свой шаманский костюм, надел на

75

голову шаманскую шапку, на задние ноги - обувь. После этого заставил откочевать родных вместе с ним как можно скорее. Сделано это было для того, чтобы дух болезни подумал, что домашние откочевали, бросив больного шамана на стойбище, и съели олененка, приняв его за шамана...

Такие болезни, как корь, грипп, воспаление легких, принимают у нганасанов большие размеры. Это объясняли мне следующим образом: "Вот мясо дикого оленя не имеет дурного запаха и вкуса, поэтому оно приятнее мяса домашних оленей. Наше мясо, подобно мясу диких оленей, не имеет дурного запаха и вкуса, поэтому нравится духам болезни, и нас умирает много. Другое дело русские, у них мясо с дурным запахом и вкусом, как у домашнего оленя, поэтому дух болезни мало их ест"...

Сознание бессилия, особенно перед такими болезнями, как оспа, наводило на нганасанов панический страх, и они часто убегали, покидая больных на произвол судьбы. После смерти нганасана Туодору осталась только одна маленькая девочка, все домашние вымерли. Соседи из чувства страха перед болезнью откочевали, бросив ее на произвол судьбы. Девочку случайно разыскал долганский шаман Джамай, привез к себе и спас таким образом от гибели. Шаман Дюхадие в молодости, зимою, во время первой эпидемии оспы, жил в одном чуме с многочисленной семьей соседа. Когда соседи эти заболели оспой, он, посоветовавшись с ними, снял покрывки со своей половины чума и, бросив больных на произвол судьбы, уехал вместе со своей матерью. На первой остановке мать умерла, и он, оставив труп, один спасся бегством...

И теперь еще можно найти в тундре обезлюдившие от эпидемии стойбища - целые чумы со многими грузовыми нартами. Из стойбища умерших угонялись только олени, все остальное оставлялось на месте. Чтобы угнать оленей, приезжали нарочно через несколько дней, ночью, и старались при этом как можно меньше шуметь. Стада, оставшиеся после умерших, пригоняли к своему стойбищу не сразу,

сначала уводили их в сторону и пасли там отдельно от своих оленей в продолжение одного-двух месяцев...

По воззрениям нганасанов, в прежнее время знаменитые шаманы могли воскрешать людей, совершая путешествия в загробный мир. Об этом говорит сказание, записанное Б.О.Долгих у нганасана Салопте Турдагина на р.Пайтурме, притоке Дудыпты... [далее см.: Долгих, 1976, 81-91].

В загробном мире умершие родственники живут в одном чуме, за исключением умерших на чужбине. Вот почему нганасаны так неохотно покидают свою родную землю. Нет большего несчастья для них, как смерть на чужой стороне. Если умершие были женаты, то после смерти живут отдельно от жен и женятся вторично обязательно на женщинах своего рода...

Глава третья⁴⁰

IX. ПРАЗДНЕСТВО ЧИСТОГО ЧУМА

После полярной ночи, когда солнце начинает подниматься над опушкой леса, примерно в первые дни февраля, происходит празднество Чистого чума, Мазуся. На этом празднике шаманы спрашивают у божеств и духов благополучие, счастье и удачу в промыслах наступающего года и узнают, будет ли он счастливым. Празднество Чистого чума устраивают только большой и средний шаман, имеющие сильных духов-помощников, могущих подниматься в верхний мир... [Здесь и далее см.: Попов, 1936, 61-83 с ил.]. На мой вопрос вадеевским нганасанам, почему у них в этом году не совершается празднество Чистого чума, мне сказали: "У нас все шаманы повымерли, остался только один старик Черие, но он не может камлать на празднестве Чистого чума - много у него умерло родных. Такой шаман не может принести счастья".

Население заранее оповещается о предстоящем празднике и съезжается в условленное место в нарядных, свадебных и смертных, одеждах. Празднество Чистого чума продолжается три, пять, семь или девять дней в зависимости от могущества шамана: чем он сильнее, тем продолжительнее празднество. Накануне празднества вырубаются жерди для "чистого чума". Участвуют в этом вместе с шаманом мужчины от всех нганасанских родов. Иногда принимает участие и жена шамана. Две жерди вырубаются более толстые, на конце одной из них делают изображения лица Хорэ - хозяина дерева, благожелательного путеводителя шамана во время камланий, когда ему приходится путешествовать по нижнему и верхнему миру...

По своим размерам "чистый чум" превосходит обыкновенный, так как он должен вмещать всех собравшихся.

К сожалению, оба описания двух празднеств Чистого чума, на которых мне удалось присутствовать, не вполне удовлетворительны. Язык шаманских заклинаний малопонятен даже самим нганасанам, и для толкования слов шамана необходим особый помощник - подпевало. Мне же, не владеющему в совершенстве языком, поневоле

77

приходилось обращаться к переводчику. Думаю, что я - последний из этнографов, которому удалось видеть празднество Чистого чума, поскольку шаманство быстро отмирает. Кстати, следует сказать, что оба знаменитых шамана - Дюхадие Костеркин и Иван Горнок, на камлании которых я присутствовал, в настоящее время уже умерли.

Празднество, происходившее в 1931 г. в урочище Туора Муос Суопката, по Хатангскому тракту, около станка Долганы, продолжалось семь дней, с участием одного из самых известных авамских шаманов Дюхадие Костеркина. Началось оно 25 января в час дня и закончилось вечером 31 января... Погода в это время стояла холодная, но без метелей, частых в эту пору. Выбрано было три олененка темной масти, и после их удушения шкуры оленят с головой, камусами и копытами были развешаны вокруг дымового отверстия чума. Из двух основных толстых жердей чума одна оканчивалась изображением Хора. Это был лопатообразно отесанный конец жерди, изображающий лицо с рельефно вырезанным лбом и носом, с овальными пластинками из желтой меди на месте глаз, с усами из шерсти и раздвоенной

⁴⁰ Основная литература: Иванов, 1954; 1970; Симченко, 1963, 168-169; 1968, 197-198, 204-210; 1976, 271, 275 и др.; Прокофьева, 1971, 15-17; Долгих, 1976, 25-26, 59-61, 81-109, 126-129, 308, 310 и др.; Dolgikh, 1978; Вдовин, 1981; Грачева, 1981; 1983, 126-146; Gračeva, 1978. – Ред.

бородой, также из оленьей шерсти. Интересно отметить, что Хора воспринимался шаманом Дюхадие как мужчина, тогда как Иван Горнок считал его женщиной...

После окончания празднества каждый из присутствующих отметил особой тамгой одного белого оленя из тех, на которых он приехал...

Второе празднество Чистого чума мне удалось увидеть в 1936 г. севернее станка Рассоха. Празднество происходило не совсем обычно: началось оно 25 декабря, т.е. до восхода солнца, в самые темные дни полярной ночи. Участник празднества шаман таймырских нганасанов Иван Горнок объяснил это тем, что он очень болен чахоткой и боится умереть, поэтому и поторопился. Празднество происходило очень секретно, и я смог попасть на него только 28 декабря вечером, пропустив два дня.

На верхнем конце чума было изображение лица Хора, на этот раз женщины. На этом изображении ниже подбородка - перекладина, прикрепленная с задней стороны жерди. На концах перекладки прикреплено по одному гусиному крылышку, а на самой перекладине - десять вырезанных из дерева изображений гусей, по пяти с каждой стороны. Заостренная верхушка головы и нос были обиты железным листом, по словам шамана, "чтобы дуреные⁴¹ боги нос рогом своим вредить не стали". Под подбородком приколотен кружочек из медной пластинки, сзади изображения лица Хора воткнута на конце длинной жерди голова олененка, шкура которого вместе с камусами и копытами, свешивалась внутрь чума. Лицо Хора было обращено на восток. На некотором расстоянии от "чистого чума", с правой стороны - на дерево, а с левой - на специальную перекладину было привешено по одной шкуре оленя с головой, камусами и копытами. С задней стороны "чистого чума" такая же шкура с головой, камусами и копытами была привешена к согнутому дереву, около которого

78

стояли две нарты с домашними святынями. Головы оленей также обращены на восток.

29 декабря. Утром шаман через некоторое время после камлания взял в каждую руку по щепочке, притянул к себе за голову больного корью и долго заклинал, обращаясь к щепкам: "Вы все-таки являетесь мокрой шкурой священных деревьев. Лечите больного своею теплотой, своим дыханием, не давите своей тяжестью" (дерево давит своей тяжестью умершего - А.П.). После этого шаман, так же как в первом случае празднования Чистого чума, образовал вместе с женщинами круг, и затем все мужчины скакали с поднятой рукой, испрашивая себе плодородие. После этого шаман уселся, распевая некоторое время под удары бубна, производимые одним из присутствующих, и время от времени ударяя палочкой по ближайшим жердям чума, обращаясь этим к их духам⁴². Затем он взял железную трость, длиною около метра, провел ею по своим бокам и, направив ее нижним концом в землю, стал втыкать острый ее конец в свой левый бок, пока трость не вышла насквозь через правый. Чтобы доказать присутствующим, что он действительно проколол себя насквозь, он заставил двоих из них дотронуться до концов трости. С воткнутой тростью шаман скакал некоторое время, затем вынул трость через левый бок, уселся на свое место и начал приходить в себя. Затем с правой стороны шамана расстелили на полу полосу нюка, на нее лег больной, страдающий сужением пищевода, и его закрыли другой половиной нюка. Принесли большую глыбу снега и положили ее около очага, перед местом шамана. Сидевший с правой стороны подпевало⁴³ стал сильно ударять в бубен. Шаман залез под нюк к больному, вылез оттуда через некоторое время, выплюнул гной на глыбу снега.

⁴¹ В смысле «злые», «недоброжелательные».

⁴² При камлании если хотят, чтобы слова шамана или обращающихся дошли до слуха духов предмета, последний ударяют палочкой.

⁴³ В рукописи (№ 37) – tuuptusi. – Ред.

Снова залез и стал опять блевать на снег, но на этот раз ничего не выблюнул. Его стали бить по спине, говоря: "Выблюнь, не ешь, опять в другой раз болеть будет". Однако шаман ничего не выблюнул. Он снова залез к больному и, выйдя от него, выблюнул на этот раз на снег очень много гноя. Закрывали шамана нюком потому, что духи шамана, излечивающие болезнь, очень боятся устремленных на них глаз многочисленных присутствующих и не могут "вынуть" из нутра больного болезнь. Подпевало ударил над шаманом в бубен. Принесли шкуру оленя, снятую с головой, камусами и копытами. Шаман взял глыбу снега, завернул ее в шкуру и заставил вынести ее и выбросить подальше.

После этого шаман встал и взял нож и медную пластинку. Нож приставил острием к животу и стал вгонять его в тело, ударяя медной пластинкой, до тех пор, пока лезвие не вошло по самую рукоять. Так проделал он дважды. Этим он обращался к духу-помощнику при камланиях, над болезнью, чтобы тот, вонзаясь в тело больного, вылечил бы его.

79

На шамана надели другую шапку и завязали ему глаза специальной ровдужной повязкой с нашитыми на месте глаз медными кольцами с синей бусинкой посередине и с колокольцами по концам около ушей. Желающие мужчины подходили к шаману, брали в руки железную трость и садились против него. Шаман, привязанный цепью за спину к жерди чума, направлялся к тому месту, где были подвешены на жердях изображения его духов, склонялся к ним и долго совершал заклинание. Возвращаясь назад, усиленно скакал перед огнем, ударяя в бубен и протягивая его вперед. Тогда мужчина, сидевший против него, несколько раз направлял трость острием в воздух. Этим он умерял пыл шамана, чтобы он не поднимался слишком быстро в верхний мир. При этом шаман угадывал, кто направлял на него трость. Угаданный подходил и, ударяя палочкой в бубен, давал знать его духу, что шаман не ошибся. Через некоторое время шаман сел отдохнуть. В это время приехал старый шаман Семюена Ярославин, взял бубен и, ударяя по нему и смотря на небо (так как шаман Горнок находился уже далеко от земли), стал заклинать, прося его постараться, чтобы праздник прошел благополучно.

30 декабря. Иван Горнок, сидя и ударяя в бубен, стал распевать, в то время как Семюена Ярославин стоял, опираясь на его железную трость. Затем Горнок поставил свой бубен вертикально на колени так, что между его склоненной фигурой и бубном осталось некоторое пространство. Привели большую девочку и заставили ее трижды пролезть через это пространство. После этого, как и накануне, шаман образовал с девятью женщинами круг и так же подсакивали мужчины с протянутой рукой. Долган Анисим Попов привез рубашку своего больного ребенка. Шаман взял рубашку и, держа перед собой, стал предсказывать: "Есть ли у вас олень с белыми глазами, важенка? Есть ли у твоей жены внутри нарты в сундуке красный платок?". Долган ответил утвердительно. Шаман: "Вы должны срубить толстый тальник, расщепить его у комля и обмазать кровью нарочно убитого белого олененка; через расщеп пропустить ребенка, затем, соединив расщеп, крепко связать его шкурой этого белого олененка и поставить на три дня тальник около чума". [Затем] шаман снова встал в круг вместе с девятью женщинами и мужчины скакали с поднятой рукой. После пляски шаман сел отдохнуть. Принесли простой лук и две стрелы, завязали ему глаза. Он встал, повернулся спиной и стал распевать. Когда он повернулся лицом, двое мужчин стали по сторонам входа, держа за края растянутую шкуру дикого оленя. Шаман выпустил в шкуру обе стрелы. Тогда сняли с него глазную повязку и женщины расстелили перед ним простреленную шкуру, высыпали на нее груды кусочков мерзлого и вяленого мяса и юколы. Шаман вернул каждой из них пустые сумки, положив туда по горсти мяса и юколы из груды. После этого подходили к шаману все присутствующие и получали от него по горсти мяса с

юколой. Когда были оделены все, на шкуре осталось немного кусочков мяса и юколы. Шаман поднял шкуру и подбросил ее вверх. Все стали ловить падающие кусочки мяса и юколы. На этом камлание закончилось.

80

31 декабря. Утром развели огонь беременная женщина с девушкой. Шаман объяснил, что девушка помогала разжигать огонь на счастье беременной. Эта беременная в противоположность остальным присутствующим была в обычной одежде, а не в праздничной из красного сукна, так как красный цвет считается для нее несчастливым. Во время камлания ничего особенного не было, только время от времени один из присутствующих вставал и мазал жиром дикого оленя четыре основные жерди "чистого чума".

1 января. Камлание происходило также без всяких особых церемоний, пляски женщин с шаманом и подсакивание мужчин с протянутыми руками происходили дважды. В первый раз принимали участие только женщины, во второй - только девушки. Потом взяли три длинные полосы материи и разорвали их на ленты такой длины, чтобы можно было несколько раз обвести "чистый чум".

2 января. Во время камлания по сторонам шамана сидели двое мужчин, один из которых подпевал ему, другой ударял в бубен. Жена шамана, сидя справа от входа, высекла огонь и бросила трут в очаг вместе с кусочком жира. По правую и левую сторону шамана посадили двух больных с повязанными головами. Затем положили на край железного листа очага три щепки. Шаман взял их в правую руку, повернулся к одному из больных, притянул его руками за голову и долго бормотал что-то про себя. Рядом с шаманом уселся человек со шкурой оленя. Шаман отнял руки от головы больного и положил щепки на пол. То же самое он проделал и с другим больным. Щепки завернули в шкуру и вынесли. Шаман взял шапку, надел ее на конец топорика лежавшего около него топора с целью узнать, присутствует ли на камлании "поганая" (менструирующая) женщина⁴⁴. Оказалось, что нет. В это время завизжал щенок. Шаман сильно испугался, вскрикнул и стал смотреть по сторонам и вверх, громко ударяя в бубен; все присутствующие закричали. Щенка выбросили за дверь. Шаман стал постепенно успокаиваться и, распевая, начал размахивать перед собой кистями рукавов. Собака своим визгом испугала "мамку"⁴⁵ деревьев. Под крики присутствующих "хоук!" шаман вытянул сначала левую руку, потом правую. Взял щепку и дважды помахал ею над головой. Так же как и в прошлые разы, плясали в кругу девять женщин и скакали мужчины.

3 января. Шаман, как и накануне, лечил больного щепкой. Если кто-либо входил в чум во время камлания, шамана поспешно закрывали бубном, чтобы до него не дошел "нечистый воздух". Опять танцевали девять женщин и скакали мужчины. Затем один из присутствующих молодых людей привязал к ровдужным кистям правого

81

рукава шаманского костюма железное кольцо, чтобы шаман предсказал ему судьбу. Шаман стал усиленно скакать под удары бубна, вдруг остановился и стал осматриваться кругом. Оказалось, что оторвалась одна кисть его костюма. Сел отдохнуть. Когда он снова начал камлать, принесли две длинные жерди. Шаману завязали глаза. Двое мужчин просунули обе жерди под мышки шаману и стали держать их горизонтально. Шаман повис на жердях и, размахивая руками, делал вид, что плывет по воде. При этом время от времени он сообщал о признаках людей,

⁴⁴ Иногда топор служит посредником шамана при сношениях с духами. В данном случае духи шапки передают топор о присутствии менструирующей женщины.

⁴⁵ Мамкой в одних случаях шаманы называют Оспу, в других, как это имеет место здесь, духов-хозяев женского пола.

души которых отстали. Присутствующие встречали его слова сочувственными возгласами. Жерди убрали, и шаман уселся. На этом кончилось празднество Чистого чума. Утром, когда сняли нюки с чума, остов его перевязали кругом лентой, которую сделали из материи.

После камлания шаман Горнок так описал свои путешествия во время празднества Чистого чума⁴⁶.

"Раньше шаманов было много, и народу было много. Нынче шаманов не стало, один я остался. Есть только плохие шаманы, они с духом деревьев подниматься (в верхний мир. – А.П.) не могут, один я теперь главным остался. Мелкие шаманы Чистый чум много дней справлять не могут. Гагары⁴⁷ опустились вниз, шайтаны⁴⁸ померли, пособия (помощи) стало мало. Много шаманов - много помощи. Шаманы умерли, шайтаны деревьев умерли, оттого (духи) к просьбам людей глухи стали. Как будто люди земли от немоги избавиться хотят. Один я шаман остался, да и то хворать стал. Просить меня стали, по дороге старых шаманов [идти], помирать хочет, наверное. Ко мне дьявол земли, чтобы я умер, две болезни послал, чтобы душу мою призвать. Одна болезнь - кровь вытягивающая болезнь, другая - кашель насылающая - чахотка. Как начальники, они пришли ко мне и стали уносить к дьяволу земли, оттого у меня кровь горлом идти стала, три года кашляю, чуть не умираю. Этим двум болезням я стал говорить: "Не пойду. Сначала стану править (оживлять) шайтана, дающего деревья. В эти дни не помру, пойду с вами потом, когда Чистый чум справлю. Хотя я и больной, во все же стану Чистый чум справлять. Смерти дьявол, пусти меня, такая уж нужда настала. Если ты меняпустишь, до края леса дойду и шайтанский⁴⁹ чум ("чистый чум") делать стану". В темное короткое время чум делал, чтобы продлить свою жизнь. 19 раз хворал, чуть не умер. Раз нужда, ну как не стану пробовать. Когда сидел и шаманил: "Да, верно, когда шаманы умирают, тогда шайтаны тоже умирают", - так сказал дьявол земли. Когда я, будучи шаманом, шаманил, моя мамка-дьявол⁵⁰ так говорила: "Оттого смерти стало много, что шаманы умерли. Шаманов много было, ледовок (погребений) меньше было. Сначала, когда земля создавалась, семь гагар поддерживали ноги земли. Семь гагар шайтанами были. Они держали ноги земли, и

82

шайтанские (койка) деревья живы были⁵¹, они были опорами земли. Когда шаманов не стало, много могил стало, ноги гагар стали подрезываться, земли дьявол стал грызть, от этого стали падать шайтаны деревья. Мы здесь сидим, верно они (деревья) тут и полегли".

"Ну, мамка деревьев⁵², вставай! Семи орд люди⁵³, если ты будешь лежать, как огонь разжигать станут? Вставай! Огня ведь мать ты. Огню еду - дрова даешь ведь ты. Всяких орд дети, будучи без огня, мерзнут, ругаются, вставай!". Мамка едва приподняла голову. Когда голова приподнялась, приподнялись и травы - шкура земли, покрывавшие голову. Так долго лежала, что (на голове) трава выросла. Оттого, что долго лежала, на голове глина оказалась. Вставши, подобно оленю, стала трясти головой. Когда так потрясла головой, трава и глина не отстали. При этом люди как будто огонь разжигать стали. "Знай, мамка, ты

⁴⁶ Записано по-русски со слов шамана.

⁴⁷ Гагары, поддерживающие землю.

⁴⁸ Под шайтанами шаман разумеет койка и мелких духов.

⁴⁹ Шайтанами местное русское население называет туземных духов. Заимствовав от русских, часто и долганы и нганасаны так же называют своих духов, особенно свои семейные святыни.

⁵⁰ Слово «дьявол» употребляется иногда нганасанами в значении божества и духа, независимо от того, доброжелательные они или недоброжелательные.

⁵¹ Шайтанские деревья – «чистые деревья», из которых можно делать изображения духов.

⁵² Мамка деревьев – хозяйка деревьев.

⁵³ Семи орд люди – семь народностей. Нганасаны думают, что земля населена семью народами.

все-таки встала, но стряхнуть с себя не можешь. Как я с тебя стряхну? "Давай советоваться, как мы будем стряхивать". Деревьев мамка так долго лежала, точно покойник, так же и язык ее молчал. Слов ее совсем не слышно. "Ну, мамка, я тебе сделанного в той земле, где иконы копят, из сосков грудей земли - травы спирту дам. Микола этот сосок земли травы делал наперво. Вот теперь, я думаю, когда ребята пьяные бывают, когда выпьют спирту, много говорить начинают. Вот так же много стала бы ты говорить, если бы этим спиртом рот тебе мазать стал". Когда я так сказал, мамка как будто позволила. Затем я этой голове (деревянного изображения Хора. - А.П.) стал молиться и рот ей спиртом намазал. Как намазал, мамка деревьев едва стала говорить. Мамка сказала: "Какой это спирт - земли сосок! Мой язык выправил". И вот, когда мамка свою говорку нашла, стал я говорить: "Ладно, совет дам. Оттого твой язык на замке стал, что шайтанский чум справляющие шаманы все умерли. Язык-то шаманских слов бог дает, этот язык дьявол стал есть, кусать, вот поэтому теперь ребята деревянного шайтана делают, новый шайтаний чум справляют. Когда шаманы поумирали, их язык умолк, и шайтанский чум замолчал. Вот почему мне жалко стало, и я умершей земли мамке язык правил, от земли соска спиртом мазал да язык нашел. Вот язык-то нашел и вздумал умирающие души поднять". - "Ну ладно, подымай. Ты сказал, что к тебе пришла нужда смерти. В эти дни тебе помирать не нужно, пусть дьявол земли тебя отпустит. Вот раз я дошла до темной поры, пусть в темную пору отпустит тебя. Вот тогда пусть будешь ты его должником". Такой совет дала. Вот теперь я чум-то и стану справлять. Вот я дошел до темной поры. Вот я поэтому шайтанский чум справлять стану. "Деревьев мамка, вставай! Ну, мамка, язык-то твой насили правил, почему кривой глаз держишь?". Мамка сказала: "Оттого, у меня глаз-то кривой стал, что шайтаний глаз, при всякой немоци держанный (используемый), помер. Вот глаз-то, который всякую болезнь удерживал, мой острый глаз земли дьявол съел. Другой глаз потому сохранился, что нынче ты последний шаман еще остался. Ты один будто остался, глядящий на болезнь, ты один, как будто голова всего, остался живой. Слыхал ли ты, парень? Хорошо ли ты слыхал?". - "Слыхал, ты верно сказала. Ну что, куда мы пойдем? Мамка, я тебя подниму. Вот твоя голова, твоя туша (тело), когда мертвая была, занесена землей. Как это можно отряхнуть?". - "Ну что, парень, однако, тебе нужно быть за

83

мною. Я думаю так, что кровью пяти телят мазать ты станешь эту траву, эту глину. Тогда я начисто встряхивать стану, тогда туше легче станет, тогда и о дороге будем говорить". Я пяти телят кровью мазал, мамка встряхнулась, чистой стала.

"Ну ладно, летать надо", - подумала мамка, да один шаг сделала на двух ногах гагары, у ног же пяти гагар только один комель (основание) остался, не удержаться. Одной ногой вперед шагнул, задняя нога застряла. "Моя задняя нога гагары оттого задевает, что очень распухла, поднять ее не могу". - "Вот что, мамка, я, парень, спрашивал - почему задняя нога тяжелая стала, отчего стала задевать? Вот опухоль-то покажи мне. Если покажешь, тогда и ребята огонь хорошо разводить станут, хорошо станут". Вот на это мамка говорит: "Что задевает, то найдешь или нет, попробуй".

Вот бог, который мне совет дает, который сделал меня шаманом, [так] говорил:

"Сперва лед был, травы никакой не было, один чистый лед был. В ту пору земли мамка льда девкой была. Ну вот земли мамка, когда зад-то свой вверх показала, тут отец земли, бог, это видел и сверху порозовать⁵⁴ упал. Ну, как порозовал-то, земля-девка-дьявоп беременная стала, родила деревьев мамку, чтобы огонь доставать ребятам. Земли мамка гагару родила, тогда густо деревья выросли, оленя корм появился. Тогда все ребята стали жить, рождаться. Рыбу стал давать воды хозяин, земли соском - ягелем олени дикие стали кормиться.

⁵⁴ Вступил в половое общение.

На земле их (рыбу и оленей) люди стали есть, все равно, что соском земли стали кормиться. Почему теперь земля стала родить для топки дерева, тальник - для летнего топлива? Для того чтобы все люди разжигали огонь и размножались. Деревя отец - верхний бог души посылает. Земли мамка стала есть эти души. Земли дьявол, поедающий детские души, уродил мать шайтанских деревьев, предназначенных для нужд умирающих. Мамка, поедающая души людей, схватила гагар за горло, поэтому дьявол стал поедать души людей. Оттого стало много тратиться деревьев для нужд умирающих. Поэтому огонь стали жечь наполовину, оттого только половину огня стали насыпать в рот земли⁵⁵. Вот верхний бог заставляет огонь жечь полностью, чтобы люди живы остались. Мать деревьев дает деревья для нужд умирающих, в то же время и для шайтанского чума, и для шаманских бубнов. Когда бог, создающий души, порозовал, уродились люди самоедской, долганской, тунгусской, русской орды. Вот он создает и шаманов и бубен шаманский дает. Оттого я шага не могла сделать, что заднюю ногу мою земли хозяйка зубами держит, а не оттого, что ноги распухли. Мамка земли свое сытое брюхо поднять не может, так как половина деревьев идет на могилу людей". Вот когда это сказала, мамы деревьев нога тоньше стала. Вот когда пяти телят кровью обмазал, умирающих деревья исчезли. Теперь говорит: "Пойдем, я тебе дорогу покажу. Вот мы зайдем в рот земли дьявола, поедающего детей, и спустимся вниз. Вот семь гагар было пожрано. Это пожирающий земли дьявол съел. Вот мы пойдем в брюшину (в желудок. - А.П.) земли дьявола, вот мы там будем собирать куски языков съеденных им гагар. Вот новый язык выправим. Вместо одного глаза парные глаза просить станем. Ну, что, у тебя силы-то достанет ли? Ну, чем я смогу пособить? Давай, попробую, я тебя подниму. Теперь, вот, новый

84

чум. Вот на том месте, где он поставлен, в землю вниз отверстие проходит".

Вот в эту дыру, как человек, увязающий в глине, мамка деревьев вниз стала падать и падать. Шибко низко упала, только увидел голову, туша (тело)-то такое же, как и лесина, стало у мамы. Вот я правил да лечил, да стала она с большую лесину. Оленьей кровью мазал да спиртом мазал, умирающую мамку правил. Вот тут землю далеко видать, как будто внизу земли оказались, как будто внутри земли утонули. В эту пору мамка сказала: "Ну, парень, давай отдыхать, полежим ночь".

Когда утро настало, мамку разбудил, сама не пробудилась. "Ну, мать, что ты так долго лежишь?". - "Спирт - земли сосок дал, оттого долго уснула", - "Ну, мамка, вставай! Мы долго здесь стоять не будем. Сзади нас два дьявола идут. Один дьявол чахотка-немошь, другой дьявол - кровотечения дьявол. Боюсь, как бы они не настигли, пойдем. Поэтому мы торопимся. Эти болезни опять будут меня есть". Тогда мамка сказала: "Ну, парень, не бойся. Пусть они попытаются съесть тебя. Я тогда тушу-то свою вытягивать стану. Ноги-то свои вниз протяну, там девять слоев льда есть. На самом нижнем слое гагара есть, в нее и упрусь ногами. Голову вверх поднимать стану. Вверху там девять богов есть. На самый дальний край, где есть бог, моя голова попадет. Вот когда чахотка-немошь, кровотечения немошь рот раскрывать станут, чтобы прикончить твою душу, тогда моя голова, мои ноги так будут далеки, что раскрытый до конца рот до них не дойдет". - "Вставай, земли мамка. Где ты мою гагару родила⁵⁶, мамка, тут у новой гагары ногу править, лечить стану. В то место, мамка, мы пойдем, той мамы, которая шайтанские деревья поедает, зубы ее выполаскивать станем, тогда будет чисто. Когда по этой дороге идти станем, острых немощей много найдем, дурных немощей, беда, много будет внизу земли". - "Вот когда по этим местам пойдем, не бойся, я тебя хранить буду, или девять или семь дней будем идти по дороге, в это время хворать не будешь. Хорошим словам моим следовать

⁵⁵ Речь идет о злом духе земли, раскрывающем свою пасть, чтобы поглотить людей. Когда разжигается огонь, горячие угля идут ему в пасть и этим предохранять людей от него.

⁵⁶ Моя гагара - дух-помощник шамана.

будешь, легче будет тебе. Не ладно будешь делать, не ладно будешь говорить, - хворать будешь, в течение девяти дней не ладно Тебе будет. Давай прямо, как подпевало, хорошенько повторяй за мной слова, смотри не запутайся. Вот если не запутаешься⁵⁷, день облегчения дам тебе. Если не ладно будешь делать, не ладный день тебе дам".

Вот затем головою вниз в землю нырнули. Это рот земли, куда после смерти душа уходит. Вот мы в рот этой, могилы изготовляющей, земли - деревьев мамки вошли, вниз спустились. Очень темное место, зари нету. "Ну, верно оттого темно, что мы попали в самую брюшину земли. На этой земле нет травы, все камни. Это не камни. Сперва земля ровной была. Потом, когда стали помирать люди, шаманы, земли мамки рот зубами чавкал (жевал) людей, шаманов головы, кости рук и ног чавкал, вот они превратились в крошки. Ты думаешь, камень, это не камень, это деревьев дьявола жвачки. Кости, кожа человека упали сюда, вот это и есть то место".

Ну ладно, до конца этой земли дошли. Дальше пошли, до ледяной сопки со сквозной дырой дошли. Ну, тут я опять спросил: "Ну, деревьев мать, до какой местности дошли?". - "Я не знаю, знаешь ли ты или нет. Лед - это голова голодной немощи. Сквозная дыра - это рот. До этого места дошли. Почему это [она] все голову поднимает, рот открывает? Ты, парень, не знаешь. Когда голова земли дьявола кусала, чавкала рождающихся детей,

85

шаманов, шайтанов, это чавканье дошло до слуха этого бога, и он пробудился. "Кто меня более, какой немощи зубы чавкают, пай-то мне будет или нет? Мне останется или вовсе кончится? Если ты всю землю опустошишь, тогда я к тебе драться приду. Если ты меня боишься, земли людей оставь, это мне в пай будет". Земли дьявол отвечает: "Но, дедушка, зачем ты разбудился? Я ведь молю тебя. Совсем людей земли кончать думала, да бери, ешь головы. Вот у охотников, живущих на краю земли, головы бери, чавкай, вот людей края земли всех кончай". Так говоря, земли дьявол дедушке голода кланялся. "У остальных людей головы брать немного подождать надо, пусть живут"". Такой совет дедушке давала шайтанских деревьев мать и кланялась. Дедушка: "Спасибо, - сказал, - в некоторых местах чумища оставила". Вот теперь до этой земли дошли. Вот наш-то дьявол, потихоньку, дальше и дальше от дедушки идет. Вот так по голой ледяной земле идем. Вот когда подняли головы вверх, увидели, что мы к под низом нового чума сидящему человеку в гости пришли. Вот наши люди теперь болеют, к этой немощи в гости пришли. Он не сидел здесь на земле, он сидел на середине дальнего шеста нового чума. Мы сказали немощи: "Какой тебе подарок нужен?". Он говорит: "Мне особенно-то подарка не нужно. Ведь я только работник. У меня есть хозяин. Хозяин посылал меня смотреть землю: "Есть там люди или нет, посмотри. Как только найдешь людей, пятнай их"⁵⁸, - так говорил хозяин. - Если впереди меня голодная немощь придет, наверное всю землю опустошать станет, мне пая не оставит. И вот, сколько людей не найдешь до прихода голодной немощи, пятнай тело, пятнай ухо. Когда голодная немощь придет, пятнанных брать не станет". Оттого всякой орды самоедов пятнал. Поэтому подарка не нужно, крови оленя, крови собаки не нужно. Если думаешь поставить новый чум, этот чум будет век стоять. Вот я думаю в этом чуме жить. Вот когда ты перестанешь камлать, нюки снимешь, тогда, наверное, с четырех сторон четыре ветра дуть станут. Как я тогда спать стану? Ветры, наверное, дуть станут. Если очень мне хочешь дать подарок, я тебе посоветую, какой подарок дать, - русский ситец. Им ты обмотай чум, когда нюки снимешь. Тогда четыре ветра дуть не станут. Смотри, у меня парки-то нет. Когда куском ситца чум обматывать станешь, на моем теле эта заплатка как бы паркой будет. Вот больше мне подарка не нужно. Если так сделаешь, ни одного человека не возьмешь,

⁵⁷ Подпевало – шаманский помощник, повторяющий за ним заклинания на камланиях [нганас. туоптуси].

⁵⁸ То есть отмечай тамгами, знаками собственности, так же, как и оленей.

пусть все заболевают, всех оставим живыми". - "Ну, что, бабушка, может, еще какая неладная говорка будет?". - "Нет, говорки-то только. Вот ты нынче свое дело делаешь, я в эту пору в гости пришла, и ты будешь моим хозяином". - "Вот, бабушка, когда у тебя слов только, не делай ничего худого людям моей стороны". На это бабушка говорит: "К вам ведь я в гости пришла. Вот если бы ты ко мне пришел лечить больного, я бы тебе шею свернула. Вот если бы ты лечил больного, я сердитой была бы. Я думала, что бубен зарычал ради больного, нынче ты новый чум справляешь, свою веру выполняешь, этим ты мне не мешаешь. Оттого мои слова мирные. Вот ты долго стоял здесь, теперь следуй своей дорогой".

Вот после этих слов бабушки дальше пошли. Все по голому льду идем. Вот до края ледяной земли дошли. Вот мы пришли к верховьям семи ручьев. "Ну, что, деревьев мамка, до какой земли дошли?". На это мамка деревьев говорит: "Парень, вот что, земли мамка, когда в начале корни всякой травы, тальника рождала, мочу свою пускала семью ручьями. Вот это семь кишек, где рождаются души людей всяких, семи орд, русских, юраков, остяков и других.

86

Вот теперь, когда каждый человек из этих семи орд рождается, душа его здесь создается". Вот там, где семь этих ручейков соединялись в одно широкое устье, на самой середине выросло три лесины из одного комля, до этого места дошли.

"Ну, мамка, до какого места дошли?". Она говорит: "Три немощи нашли. Одна крайняя лесина начало болезни - (тестикупы) пухнут, средняя лесина начало болезни - брюхо пухнет, третья лесина, самая малая, начало болезни, когда моча сама идет". Вот теперь, до этих трех дедушек дойдя, стали кланяться и говорить: "Дедушка, вы почему вышли, детей и так мало, и так-то нерожающих женщин много, и так-то непроезжих парней много". Они говорят: "Мы не виноваты. На вашей земле два брата с сестрой вступили в общение. На том месте, где они сошлись, три дерева немощи выросли". - "Дедушка, зачем ты говоришь, что ребята тебя разбудили. Ребята не виноваты, они тебя не будили. Вот потому пошли болезни, что ты двух братьев разбудил от сна и внушил им вступить в общение с сестрой. Они не виноваты, ты в этом виноват. Вот поэтому девки стали хворать и у них детей не стало. Оттого много людей без детей сидят, женщины бездетные стали. В другой раз этого не делай".

Три немощи дьявола прошли, стали плавать на самой середине воды. "Деревьев мамка, куда мы следуем, мы ведь замерзнем". - "Вот, парень, вы говорили, что немошь нас поела. Мы следуем по воде, которая смыкает, полоскает грязь со рта этой немощи. Я шайтаных деревьев мать, меня она тоже кусала. Вот себя умываю этой водой, вот поэтому по ней плыву". Вот плыли, плыли, вода узкой стала, между двумя мысами. У концов этих мысов с обеих сторон песок оказался. Жарко, печет солнце, на лице сухо стало. Ветер стал дуть на этот песок, как пурга стала. Ничего не видать, туман поднялся. Очень темно стало. На одном мысу торчат целые олени рога, на другом - посередине обломанные. На этом месте мы остановились. Я стал спрашивать: "Деревьев мамка, до какого места дошли?". Мамка сказала: "Один мыс - это спина немощи вши дедушки. Другой мыс - это спина дедушки, делающего шайтанов и иконы. Почему эти мысы сошлись так близко? Вошки старик хочет на земле всех людей прикончить. Иконы отец, шайтана отец-бог этого дедушку вошки стережет, лежит. Ему жалко стало людей на земле. Иконы отец, шайтана отец, стал драться с дедушкой вошки. И вот рога поломал ему. Теперь силы у дедушки вошки только и стало. Вот теперь они лежат и отдыхают. Это не песок кружится, это от сердитой души их пар идет. И вот когда два таких больших бога отдыхают, тогда все же живут и долганская орда, и самодская орда. Все, дедушка, до вашего края, места дошли, вот кланяемся вам. Вот на нашей земле все люди кончились, пусто стало. Вот, найдя вас, кланяемся, лежите, не вставайте!".

Вот когда дошли до этого места, вечер настал, отдыхать стали.

Вот утром вставали, двух дедушек лицам кланялись: "Пустите нас, откройте широкую дорогу. Эта дорога узка, широкую дорогу дали бы, у ребят наших

широкая дорога была бы". Вот опять пошли дальше, вот река превратилась в большое озеро. Вот стали плыть по ней и к устью реки пришли. "Вот, мамка, на какое место мы попали?". - "Это ведь не река, это мы плывем по кишке земли мамки. Когда до конца ее дошли, озеро стало. Сначала на этом озере икона, шайтан (койка) жили, потом отсюда произошла русская орда, самоедская орда. Вот это озеро, на котором земли мать родила икону-шайтана, каменного шайтана. Вот есть то место, где, когда орды всяких народов просят шайтана, мамка родит их". Здесь, на самой середине озера, девять ледяных сопок есть. Вот идем туда. Вот на этом озере очень большие волны, закачали нас. Вот мы до краев ледяных сопок дошли, вода беда глубокая. У девяти сопок рога есть. "Ну, мамка, что это такое?". Говорит: "Земли

87

дьявола девяти братьев стариков чум это большое озеро носит". - "Почему их чум озеро носит?". - "Вот ты думаешь, это сопки. Нет, это не сопки. Это место, где спят девять братьев-стариков. Это не девять сопок, это животы их вверх лежат. Ты думал, на этих девяти сопках девять рогов. Это не рога, это дедушек кишки торчат на середине живота⁵⁹. Вот ты сейчас новый чум устраиваешь, добрый день просить стал. Вот если тебе для этого нужна дорога, у основания девяти кишок, разветвляясь, вниз идет отверстие. Вот тут и есть твоя дорога". Вот по этой дыре, спустившись с одного (сразу), ушли. Вот к концу девяти кишок дошли. У конца девяти кишок девять чумов стоят, в них девять баб сидят. - "Ну вот, парень, когда надо будет просить тебе добрый день, ты сюда придешь. Здесь очень мудреная земля. Здесь девять мамок есть". - "Ну, мамка, чем пособишь, доколь будет идти дорога? Когда лететь будем?". - "Нам-то ходить всего один день". - "Ну, ладно, пусть, даром, далеко один не пойду, ты впереди покажешь. Мамка, я ведь земли не знаю. Я ведь не шайтан, как будто бы только вчера родился, оттого ничего не знаю". Вот поднялись на самый верх брюха дедушки. По кишке спустились. Внизу кишка совсем узкой стала, насилу пролезли, пока добрались до самого нутра туши. Там мокро, там широко стало. К матери чума попали в гости. "А, мамка, чего ты мать?". - "Вот люди когда-то первый огонь достали. Вот этого огня я мамка". Вот тут есть у нее девять девок. Вот эти девки всяким рождающимся пищу дают. Людей кормящие, муку делающие, рыбу напайвающие водой, девять матерей. "С начала земли мамкой рожденные дети, чем будут питаться?", - говорят они. Этих оленей, этих собак земли мамка родила. Эти девки свои соски дают им сосать. Эти девки очень кормят, когда у них гостят. Я сказал им: "Вот, вы трое старшие, чему покровительствуете? Я теперь не первый раз устраиваю новый чум, много раз устраивал. Если бы чум этот не устраивал, людям не жилось бы хорошо". Вот на это говорят мамки: "Вот я войны немоощ. Вот ты три дня спал, пока до меня не дошел. Вот я трех ребят родила. Когда я родила самого старшего ребенка, стали угонять у самоедов и долган стада оленей. Вот они (самоеды и долганы), войны немоощи испугавшись, душу свою жалея, в случившийся неладный день сами оленей отдавали. Когда я среднего ребенка родила, у всяких богатых орд имевшиеся полные санки (богатства) войны немоощ отнимала. Боясь, чтобы остаться живыми, все отдавали. После старшего и среднего ребенка, которые отнимали оленей и богатство, младший родился, ставший войны немоощью, жизнь стал отнимать. Никогда до этого на земле крови не было, вот теперь кровь пролилась на земле, когда в три неладных дня эти ребята родились. От этого на земле неладно стало...". Вот это от того, что (она) в три неладных дня уродила. Наши люди так просто умирают, ведь жалко, самоед ведь тоже солнца желает. Вот поэтому мы счастливый день испрашиваем, дай нам счастливых дней, такие дни очень нехорошие. Болезней очень много, в такую пургу, в этаким мороз, в этакую темную пору донимают нас работами. В эти дни шибко худо, трудно. "Что, мамка? Прошу у тебя добрых дней и дошел до этой земли".

Вечер настал, доброго совета дожидая, улегся.

⁵⁹ Penis'ы

Вот старшая мамка сказала: "Ну, ладно, доколе ты живой, бери тальник мамки огня, рождающая женщина пусть этим тальником окуривается. Огонь не будет угасать, вечно будут огонь разводить люди земли. В рыболовную пору рыбная еда будет, рыбу мы прятать не будем". - "Спасибо, огонь дала еду дала. Каким плечом работать станем? Олени наши кончились. Поэтому ребята мало стали запрыгать оленей". - "Ну, ладно, оленя корм - ягель бери,

на копанище⁶⁰ этот мох бросай. Вот, бросишь, когда весной семь куч чумов близко сидеть станут, в пору отела телят. Тогда телята будут родиться. Вот в это время уродится теленок с четырьмя кривыми ногами. Потом ты, следуя обратно по дороге, откуда появилась душа теленка, придешь ко мне, тогда счастье будет, счастье дам тебе".

Не знаю, действительно ли уродится такой теленок. Если у кого-нибудь уродится такой теленок, пусть он даже и далеко живет, пусть придет ко мне, шаманить буду. И вот к копанищу, от которого послан теленок, дорогу гонять стану, к мамке нижней стороны пойду. Тогда говорили мне, что она даст оленье счастье. Если тот человек, у которого родился теленок, станет говорить: "Далеко не пойду (к шаману)", - тогда олени станут кончаться, так говорит мамка, и вот, если я не последую ее словам, впереди все муки будут. И вот мамка как будто три жизни (обеспечение) подарила: оленя душу, огня разжигание, рыбью еду.

Вот найдя в этом чуме добрую говорку, не вернулся, с одного (сразу), дошел дальше. Вот когда сзади плавали по большому озеру девяти дедушек, увидели рядом три устья рек. "Ну, деревьев мамка, которую дорогу держать станем?". - "Самой нижней реки устье держать станем. Что это за земля, знаешь ли ты?". Я говорю: "Не знаю". - "Вот земли мамка животом вверх лежит. Вот мы по кишкам мамки земли последовали. Вот на большом озере три устья видели. Вот сначала попали в горло, затем в брюшину, затем дальше брюшину прошли. Самая средняя река - это кишка, которая делит брюхо посередине надвое. По этой кишке не станем гонять (следовать), по другой, крайней кишке гонять станем. Вот по ней в спине кровь течет, и там, где она кончается, сердце есть. Вот сзади сердца есть чум. Там немощь есть. Земли мамка сердце в этом чуме держит. Вот когда ее сердце царапать станут, война будет, и кому-то станет охота воевать. Вот надо пойти туда и спрашивать, будет ли война. Туда пойдем". Вот пришли. "Ну, дедушка, будет ли худой день? Я тебя спрашиваю. Тихий день дашь ли? Мы пришли на это место". Дедушка говорит: "Парень, мирно будет, худо не будет. Вот иконы отец, шайтана отец будто у меня четыре ноги связал, поэтому мирно будет. Со связанными ногами как буду бодать сердце мамки земли?". Мамка деревьев сказала: "У меня больше дела нет, худого года не будет, войны не будет, спасибо, спасибо".

Когда к этому дурному дедушке пришли, дедушка закрыл дверь, отпускать не хочет, говорит: "Дверь-то сами открывайте".

Когда шаман тело свое прокалывал, этим как будто дверь открывал. Вот через эту проколотую дыру вышли и пошли дальше по дыхательному горлу. Вот дошли до основания языка мамки земли. Там как будто чум стоит. Зашли туда, одна русская баба сидит. "Ты какая русская баба?". - "Разве вы меня не знаете? Я - мать-икона крещеных, шаманов мать. Вот когда ребята станут делать новых шаманов или новых шайтанов, я дам им железные шкуры - парку. Оттого я мать железа, оттого я мать русской иконы. Вот наверху есть самоедский бог. Я от него рожаю, он - мой мужик. Почему же мой мужик наверх поднялся? Вот он с немощью войны подрался, силы у него не хватило, и он убежал. Вот теперь я стала работницей немощи войны. Что он велит делать, то и делаю. Он говорит: "Ты ведь живешь у основания языка мамки земли. Вот основание языка ты и царапай". И вот когда я царапаю, у русских много разных затей появляется. Много леса рубят, из-за этого деревья шайтана померли". Срубая шайтанов

⁶⁰ Копанище – оленье стойбище [место, где олени добывают корм из-под снега].

деревья, этим стали они часто открывать рот земли, оттого много самоедов стало умирать и девять ртов

89

мамки земли много людей стали проглатывать. В старину самоед, сам свою жизнь охраняя, в меру топки огня рубил деревья и было мало умирающих. Вот поэтому нынче стало много умирающих. Все шаманы умерли, осталась одна моя голова. Пока я пойду в одно место лечить больного, болезнь в другом месте станет кончать людей. Какая же польза будет?

Четвертый, день прошел. Вот пошли по языку мамки земли, подошли к тому месту, где рот открывается. На самой середине языка жидкость, как сопли, собралась. И вот когда за вечерело, ударила непогода, ветер поднял землю. Мой дьявол, испугавшись, спрятался. И спросил: "Ну, мать, до какой земли дошли?". Мамка сказала: "Вот когда здесь тихая погода, всяких орд умерших людей кладут сюда в землю. И вот когда умирающие бывают жирными, земли мамка разжевывает этих жирных людей, жир их тает, в виде жидкой сопли по языку стекает. Когда становится ветреная погода, вода эта уносит душу. Вот до какого места дошли". Когда так говорила мамка, погода затихла. Вот по этой воде поплыли, вышли из рта мамки земли. Идя дальше, дошли до такого места, где нет ни одного высокого хребта, на такую равнину - лед, на такую лайду вышли. Я спросил: "Что это за земли?". - Мамка деревьев сказала: "Почему эта земля с самого начала лайдой будет? Сначала, когда людей мало умирало, на ней был горный хребет. Когда люди земли стали много умирать, высокий хребет изрыли на могилы, поэтому эта земля и стала равниной. Вот до какой стороны дошли".

Когда пошли дальше, посередине этой лайды три сопки показались. Одна, крайняя сопка, из белого льда, средняя - пестрая, и третья с краю - из голой черной земли. Дойдя близко к ней, увидели, что это не сопки. Ледяная сопка оказалась лбом головной немощи. Вот когда до них (сопок) дошли, мамка деревьев спросила: "Трое дедушек, почему вы глядите туда?". Трое дедушек ответили (шаману): "Совсем новую одежду ты надел, совсем как новое шайтанское дерево. Оттого глядим, что думали - все шаманы кончились. Еще один есть, оказывается. Глядим - это новая лопоть (одежда) надета, новые тяжи⁶¹ надеты, это нам очень не любо". На это я сказал: "Ну, дедушка, ведь я один остался. Что, разве я мешаю? Нате, возьмите мою голову, все равно я единственный остался. Как будем жить, если на земле пусто окажется? Разве вам не жалко? Совсем мало стало детей, в будущем так жить нельзя, орды совсем мало стало. Если я виноват, возьмите мою голову. Если же я не виноват, как вы посмеете взять мою голову. Я никому не мешаю. Вы сами, хозяева, хотите землю опустошить. Если землю жалеете, этого не делайте".

Вот мой дьявол стал высматривать, совсем ничего нет, совсем нет диких оленей. Вот мамка деревьев сказала: "Вот голова дикого оленя показалась. Но ты не думай, что это настоящий дикий олень, это земли - морошка, на одной ноге держится. Это не наш дикий олень, это дедушки голода олень. Если он даст нам его, и мы станем добывать, людям дадим есть, люди от голода помирать станут". Вот, оставив этого дикого оленя, отправились дальше. Вот опять дикого оленя увидели. Мамка деревьев сказала: "Дикий олень, думаешь, это не дикий держится на стебельке травы. Это ведь олень дедушки вошки. Если его добывать будешь, у всех людей станут пухнуть животы. Это бык дедушки вошки. Это он, обманывая нас, дает. Его промыслять не надо, худой дикий олень". Отправились дальше. Вот нашли на одном стебельке бадуй (бадьян? - объяснение самого шамана. - А.П.). Мать деревьев сказала: "Ну ладно, вот теперь нашли. Вот это и есть олень мамки еды - ягеля, тальниковых верхушек и травы. Вот теперь стреляй из лука в самую середину. Вот попадешь стрелой в самую середину его, тогда еды, промысла много

90

⁶¹ Тяжи – меховая обувь.

будет. Вот до какого места дошли. Давай теперь завяжем тебе глаза. Вот теперь, если ты с завязанными глазами мимо середины бадую пропустишь стрелу, тогда наши люди голодать станут". Вот тогда мне глаза завязали, шайтаньими глазами стал видеть. Я лук натягивал, два раза выстрелил. Люди, находившиеся внутри чума, сказали: "Вот ты какой, с завязанными глазами как будто зрячий попал". Пустил эти стрелы и дикого добыл. В этот день весь чум угощался, кормился и я, отдохнул, полежал.

Настало утро, значит мы (в этом году) много диких оленей станем есть. Опять отправились дальше, и вот мы как будто живым людям на два года счастья спустили для добычи песцов, диких оленей, рыбы - поэтому я и стрелял. Вот пошли дальше. Опять две сопки показались. Вот дошли до этих, совсем близко у воды. Над этими двумя сопками спустились семь кишок с месяца. Мы, однако, будем от нечистой земли вверх подниматься. Мы испрашивали у наших дедушек и мамок нижнего мира, теперь у верхнего мира отцов и мамок будем испрашивать. Вот у мамки месяца семь кишок. Одна крайняя кишка остяцкую орду родит, еще кишка русскую орду родит, еще кишка юраков родит, еще кишка самоедов родит, еще кишка долганов родит. Вот эти семь кишок родят семь орд земли. Вот потому у семи орд земли разные парки. Вот по кишке месяца вверх стали подниматься. Вот, поднявшись, попали туда, откуда расходятся эти семь кишок. Ну вот, у основания трех кишок увидели без парки, без бакарей голого мужчину, который сидя как будто выдергивал шерсть белой важенки и сдувал вниз на землю. "Мать дерева, кто это такой?", - спросил я. - "Это немощь, препятствующая благополучным родам. Вот и у долган, и у русских, и у самоедов женщина становится беременной, потом рождается ребенок, но скоро умирает. Вот эта немощь, в виде пушинки шерсти пускает вниз эти несчастные дни, в которые суждено рождаться этим умирающим детям. Если бы этой немощи не было, народу было бы больше. Вот мы теперь вдоль кишки месяца станем идти". Вот отправились дальше. Вот мы должны узнать, что это за дорога. Вот дальше есть мамка, и гусям, и всяким существам, и людям рождающимся глаза дающая девяти месяцев мать. Настоящую душу земли мамка родит, хранит. Вот глаза создаются мамкой сверху. По нашей вере, глаза дает месяц, душу земли мамка родит. Вот нас рождающий мужик-бог настоящих-то две жены имеет. Большая-то жена - мамка земли, маленькая-то жена - месяца мамка. Вот поэтому и самоед, и долган, и русский исчисляют время беременности по месяцам. Без мамки месяца глаза не будут рождаться, без мамки-земли душа не будет рождаться. Вот когда две мамки вместе рожают, рождаются люди. Вот потом на новорожденного падают глаза. В день родов месяц пускает мочу. Вот эта моча является мочой месяцевой кишки (говорят, что эта вода при неблагополучных родах роженицы бывает). Вот когда мы по этой воде плыли, она на семь отдельных русел разветвилась. Вот посередине этой воды мы встретили глыбы весеннего льда, это, будто, дом ледяного бога. "Ну, мамка деревьев, до какой страны мы дошли?". На это мамка деревьев сказала: "Вот, мы разве не находили духа неблагополучных родов? Вот он сзади нас остался. Вот в этот дом приводит дорога к немощи уроды ребенка. Вот это мешает благополучным родам. Если бы этот лед разломать, не рождались бы дьявольские (уроды) дети". Теперь немного дальше пошли и стали лежать, отдыхать. Когда я держал путь вверх, я ведь запрягал крылатого дьявола. Когда утром отправились, впереди нас пролегла дорога большой немощи. "Ну, мамка, что это такое?". - "Ты разве не знаешь?". - "Как я буду знать, я же простого человека сын". - "Вот там, ниже, когда по кишке нижней мамки ходили, нашли посередине воды три лесины с одним комлем. Позади этих трех больших немощей, позади мамки, рождающей глаза, пороз лежал. Этот пороз-маньчик, излавливающий души долган, у которых брюхо и (тестикулы) пухнут.

Вот теперь перед глазами две дороги лежат. На одной из них, когда вот этот олень-пороз рогами будет бодать солнце, тогда наступит сон, и брат будет говорить сестре: "Давай вместе поспим". Вот этого греха пороз. Вот когда от этих

брата и сестры дети родятся, тогда у них брюхо станет пухнуть, умирать станут. Вот если бы такого греха не было, много детей было бы, много здоровых было бы. Оттого и промысел отдалился".

Вот теперь дальше отправились. По дороге нашли два ледяных ящика. Что это такое, мамка?". - "Это не плохое. Это глаза, которые посылает мамка месяца. Этих глаз два ящика". На нижней (северной) стороне очень тощий олень-нетель стоит, вдаль глядит. "Что это такое? Как будто это важенка из одних костей состоит. Почему это конец (вагины) под ее копчиком шевелится, суживается и расширяется? Я боюсь, что это такое?". Мамка на это сказала: "Это немощь нерожаящих женщин и оленей-нетелей. Она стремится к случке, но напрасно. Поэтому-то и шевелится ее (вагина). Вот эта немощь пот-мокроту у женщины вытягивает. Оттого женщины становятся тощими и перестают рожать".

Вот теперь мы опять легли спать.

Вот дальше пошли, дошли до того места, где показалась верхушка чума. Кругом дымохода семь месяцев нарисовано. Вот когда пошли ближе, и чум показался. Вокруг чума будто семь месяцев стоят. Вход-то в чум насилу нашли. Покрышка-то входа оказалась сделанной из шкур лиц четырех немощей, сшитых вместе. Вот от середины двери пятном глядят эти лица. "Ну, мамка, до какой страны дошли?". Мамка сказала: "Как, ты не знаешь? Это души шаманских глаз мамки. Вот это девяти месяцев мамка, девять месяцев старухины девки. Вот поэтому люди девять месяцев считают. Теперь - дверь из шкур рож четырех немощей: эти рожи старухины четыре мужика. Один мужик - немощь снежной слепоты, другой мужик - немощь одноглазия, третий мужик - немощь близорукости, четвертый мужик - немощь глазных болезней. Вот от них и происходят слепые, одноглазые, близорукие, больные глазами новорожденные. Вот мамка месяца новорожденному ровно два глаза посылает. Один из мужиков по пути оба глаза выкрадывает, оттого слепые рождаются; другой мужик один глаз выкрадывает, оттого одноглазые рождаются; другой мужик половину глаза крадет, оттого узкоглазые (близорукие) рождаются, другой мужик остроту зрения крадет, оттого с больными глазами рождаются". Вот поэтому теперь мало людей, имеющих хорошие глаза. Вот эти дьяволы и воруют у всех орд глаза. Оттого бедных стало много. Как будут ходить, промыслять люди с плохими глазами? Сидят они на месте. Зачем слепых много стало? Вот почему я и шаманю, прошу: "Дай, мамка, людям хорошие глаза". Вот, дойдя до чума, открывши вход, вошли. Вот мамка глаз оказалась видом как маленькая девочка. На лбу у ней оказалось солнце, на груди семь месяцев. Вот она сказала: "Аа, какие это гости пришли, что вам надо?". Мы сказали: "Вот мы погаными стали, хотим получить шайтаньи глаза. Глаза у нас ослабли от плача, дьявол земли нас испортил, оттого как бы ослепли, другие глаза нам нужны". - "Ну, ладно, как много гостей прибыло. Много гостей не нужно, у меня и так есть три бабы, из которых одна ночью огонь разжигает. У меня ведь два чума. В другом чуме живет шайтанов, докторов делающий бог. Добрый или нехороший совет после дам. Деревьев мамка и ты, парень, ночуйте там. Две бабы пусть с вами ночуют. Одна из них - гусю, рыбе, червяку глаза дающая мамка, в те месяцы, когда несутся птицы и рыба мечет икру. Другая мамка - глаза домашнему и дикому оленю дающая, песцу дающая мамка". Вот теперь мы через отверстие, находящееся за очагом внизу нюка, вышли. Нюк второго чума очень близко сошелся. Вошли туда, там оказался один маленький мальчик. Заночевали, погостили в этом чуме. Этот мальчик (есть), говорят, - икону шайтана рожающий бог. Его старший брат, говорят, шамана доктора отец. Вот утро настало;

пошли обратно в первый чум. Мамка стала говорить: "Много глаз стало помирать, родить погано стало. Земля снова корм траву для оленей, для промысла станет родить, потому что об этом мамка деревьев просит. Вот когда снова уйдете из моего чума во второй чум, там будут подарки. Вас доктора отец, Миколы-иконы отец, вместо меня, одарит". Вот мы снова вошли во второй чум.

Вот парнишка шайтана отец сказал нам: "Откуда пришли гости, что нужно?". - "Земля стала погибать, надо помочь. Надо, чтобы хорошие дни наступили, за этим пришли. Дни наступили плохие, оленей стало мало, промысла стало меньше. Многие люди болеть стали, слепыми стали - вот из-за этих мук пришли сюда. Зачем нас забросили, кто нас будет опекать? Отца ищем, мать ищем. У нас сил не хватает, земли дьявол души шаманов поедает. Поэтому мы и просим тебя. Вот теперь нам нужно добрых дней, худые дни бросить надо. Вот нужно нам хорошие дни, чтобы рождались дети. Нет у нас сил поправлять больных, нет у нас сил слепые глаза поправлять. Вот когда тебя нашли, мы и говорим тебе: "Отец, дай нам силу"". На это получили ответ: "Вот потом, когда придешь, камлая над больными, мало будет умирающих. Если бы дал тебе большую силу поправлять всех больных, дьявол земли каждый день с тобою дрался бы. Поэтому наделяю тебя средней силой. Я тебе будущие дни даю, до седых волос станешь жить. Большой нужды испытывать не будешь, в меру будешь жить".

Вот теперь внизу под очагом дыра в земле оказалась. "Ну, мать деревьев, вот дыра эта показалась, как наша дорога. Хорошая или худая дорога, я ведь не знаю". - "Вот эта дыра, - вот когда ради самоедских людей ты станешь шаманить, прежде чем просить у болезни, станешь спрашивать себе силу через эту дыру, станешь кричать: "Отец, мамка, дай силу!". Вот по этой дыре на тебя будет сходить сила".

Вот теперь вместе с мамкой деревьев стали возвращаться в поганую землю: по отверстию провалились вниз. И вот уселись рядом около двух ям-рек: "Мамка, до какой земли мы дошли?". - "Мы попали на неладную землю. Вот одна яма-река - это яма, которую рубят топором и в которую кладут мертвых, это пожирающий земли рог. Другая яма-река - зубы земли, поедающие деревья. Вот эти оба рта проглатывают умирающих. Вот эти два рта земли мы нашли здесь. Ну вот, прямо пойдем, будем гонять по руслам двух ямных рек". Вот гоняли, гоняли по ним вниз, теперь темная пора наступила. И вот когда мы следовали по руслам рек, упал туман. Теперь мы под гору, под высокий яр попали. Теперь туман рассеиваться стал. Сильно широкой стала вода. Река разделилась на два русла, по одному руслу мы стали спускаться и дошли до того места, где эти русла снова сошлись. Вот за рекой показалась вдали узкая, как веревка, полоска земли. Эта земля оказалась длинным песчаным мысом. На самой середине этого песчаного яра, у самого края воды стоял очень большой чум. "Мать деревьев, что это такое? До какой страны дошли, не знаешь ли?". - "Вот эта вода, по которой уплывают в брюхо земли покойники. Вот теперь за рекой, на том берегу, восемь чумов видно. В этих чумах земли дьяволы для поколки и промысла сидят. Вот когда будем проплывать мимо них, если они тебя заколют, недобрые дни будут впереди, если не заколют, хорошие дни будут". - "Ну, мамка, я что-то боюсь".

Вот поплыли дальше, увидели по дороге на том берегу три (нагруженных) санки, - видимо, будут умирать трое людей: два старика, один ребенок. Вот плыли, плыли, где мы укроемся, чумы совсем приблизились. Под горой оказалось очень много диких оленей, сверх меры много их закололи, считать перестал, так много закололи, что даже руки заболели. Однако на берегу толпы людей между собой дерутся: "Ну, мамка, что это такое? Почему так много диких?". - "Один табун - Дюхадие дьяволы, второй табун - шамана Джама дьяволы и третий табун - шамана Доголонга дьяволы. Эти три

93

шамана⁶² умерли, и их диких мы добывали. Вот эти люди из-за раннего пороза дикого дерутся". Вот совсем близко под гору подошли, дьяволов рога стали видны, кучами они плавали. Вот когда мы на ветке сидели, густо, как комары, люди на ветках обступили нас. "Ну, теперь как будем их обманывать?", - спросил я. Мамка деревьев сказала: "Вот как мы поступим. Крылатый дьявол наш пусть сзади ветки станет летать, отвлекать станет и взмахами своего крыла окружающих ветку дьяволов отбрасывать станет, а ветка по свободной воде

⁶² Джамай и Донголонг – долганские шаманы [Дюхадие – шаман авамских нганасан]

вперед и вперед идти будет". Вот мы по дороге благополучно дошли, на сухое место вышли и с одного (не останавливаясь) пошли, не боясь (дьяволов). Вот сначала на этой земле как будто зима была, затем лето настало. Куда ни попало, в разные стороны быстрые ручейки протекли, везде озера, озера и озера. Все озера талые, кругом тишина. Вот из-за множества рыб в них вода волнуется. Когда до этих мест дошли, деревьев мамка меня трижды закружила и остановила. Затем она отряхнулась, подобно оленю, и сказала: "Ну, парень, теперь стой". Я сказал: "Ну, мамка, я не знаю, где мы остановились. Люди меня станут спрашивать". - "Ты так говори: "Вот в страну, в которой родился, божескую страну возвратился я. До уродившей меня матери земли дошел я. Вот тут, на мысу, на беременном ее животе стоим". Вот это место, где долган, русский, самоед - стали огонь разжигать. Пусть они продолжают огонь разжигать. Теперь так же, как я, тут живи. Живи на земле, там, где место поколок, все же я тебе удачи оседлого промысла не дам". - "Вот спасибо". Вот теперь огонь охранять, отдыхать буду, лежать буду. Вот до дому в девять дней дошли все-таки, не плутая. И все."

В то время как в "чистом чуме" происходит камлание, молодежь большую часть времени проводит на открытом воздухе в плясках, заходя в чум только в наиболее важные моменты камлания... [далее см.: Попов, 1936, 79-83]. Мне рассказывали, что однажды в празднестве Чистого чума мужчины чуть не убили дочь нганасана Хонтачие, отнимая ее друг у друга, и дело дошло даже до суда...

Празднество Чистого чума настолько интересно и так тесно связано с древнейшими формами брака и семьи, что требует подробного специального изучения на месте. Предлагаемые материалы - только результаты единичных наблюдений и не дают поэтому исчерпывающего описания.

Х. ШАМАНСТВО

В шаманстве, как мы уже говорили, как ни в какой другой области религии, имеют сильное влияние индивидуальные переживания, которые затемняют, вуалируют общие черты первобытного мышления. Еще трудами старых исследователей выяснено, что шаманами становятся в результате долголетних мучительных, психических и физических заболеваний, сопровождаемых галлюцинациями⁶³. От этих

94

галлюцинаций, "видений", которые, естественно, не могут быть одинаковыми, зависят и характер шаманского призвания, и разнообразие шаманских функций и ритуальных действий. Приводимые ниже автобиографии шаманов не только дают возможность ознакомиться с фактами становления, представляющими исключительный интерес для специалистов-психиатров, но и раскрывают подробно мировоззрение каждого шамана, всегда носящее индивидуальный отпечаток. Несмотря на общую основу мировоззрения, каждый шаман вносит в это мировоззрение свое индивидуальное толкование, он по-своему объясняет причины различных явлений природы. Хотя в общем его мировоззрение, конечно, анимистическое, но отличается от установившихся веками взглядов сородичей, иногда даже противоречит им. В этом нет ничего удивительного: люди, не получившие шаманского дара, живут теми воззрениями, которые передаются им от предков, шаманы же в основном базируются на своих видениях. Это не значит, что они не вводят в свой пантеон общепринятых божеств и духов, но образы их часто воспринимаются шаманами в ином виде. Эти соображения должны заставить каждого исследователя пользоваться очень осторожно сообщениями шаманов для общей характеристики основ религиозного воззрения народностей.

Такое краткое введение кажется мне необходимым перед изложением материалов по шаманству нганасанов.

Нэзэ⁶⁴ - шаманы являются представителями своей народности перед всеми нгуо и баруси. Шаманами могли стать не все, а только те, среди предков которых были шаманы; активная роль в избранничестве принадлежала духам умерших предков-шаманов. По сообщению П.И.Третьякова, после смерти шамана сын его, желая наследовать власть отца над духами, делал из дерева подобие руки отца, и этот символ власти переходил у шаманов по наследству [1869, 425].

Случаи добровольного получения шаманского дара, по собственному желанию, у нганасанов мне неизвестны. Правда, встречались иногда шаманы, не пользующиеся никаким авторитетом, которых за глаза прямо называли обманщиками и к которым обращались за помощью только в тех случаях, если вблизи не оказывалось другого шамана. Про них говорили, что они сами "напросились стать шаманами". Но даже и эти шаманы никогда сами не говорили, что они получили дар по своему желанию. С одним таким шаманом мне пришлось встретиться у вадеевских нганасанов и даже удалось присутствовать на его камлании. В качестве зрителей находился при этом старый шаман Черие. Он во время камлания держался очень развязно и временами не стеснялся даже делать насмешливые замечания. После камлания он в моем присутствии всячески критиковал шамана, называл его "нестоющим".

95

⁶³ Вопрос о здоровье шамана до сих пор является спорным. Большинство современных отечественных и зарубежных этнографов склонны рассматривать шамана как психически здорового человека. – Ред.

⁶⁴ В рукописи (№ 34) чернилами написано нэда (так в № 36), зачеркнутое карандашом же написано На. Вероятно, эта поправка не принадлежит А.А. Попову. – Ред.

Таким образом, по моим наблюдениям, у нганасанов, как и у других народностей Сибири, предполагается, что дар шаманства не приобретается по желанию. Сами духи избирают будущего шамана, иногда это делают они до появления его на свет, когда он еще во чреве матери. Так, знаменитого шамана Дюхадие избрали на пятом месяце беременности матери. Ребенок, получивший такое предопределение до появления на свет, обязательно рождается "в сорочке". Однако чтобы стать шаманом, даже и такой избранник духов должен пройти долгий, часто продолжающийся несколько лет, суровый и мучительный искуc. В это время он теряет рассудок, но только в глазах окружающих. На самом же деле в это время душа его⁶⁵ (нилти) совершает путешествие по разным дорогам верхнего и нижнего мира, обходит различных божеств и духов и получает от них разные дары; водят ее специальные духи-путеводители. Получая дары, шаман получает и право обращаться к духам и божествам-дарителям во всяких случаях жизни, с уверенностью, что просьбы его будут выполнены⁶⁶.

Во время своего искуcа будущий шаман совершенно перерождается. Специальные духи-кузнецы выковывают на огне кости призываемого и закаливают их, "чтобы кости стали железными", выковывают сердце - "чтобы стало смелым и мужественным". Наделяют особыми прозорливыми глазами, видящими божеств и духов, незримых обычным людям. Для того чтобы призываемый получил дар заклинания, "закаливают" ему голос, наделяют также чуткими ушами, способными слышать и понимать не только слова духов, но и разговоры животных и растений.

Свой дар будущие шаманы получают от самых различных божеств и духов - хозяев земли, воды, духа-оспы и других. Немалую роль в создании шаманов играют и особое божество, творящее шаманов, как называют его, "родоначальник шаманов", и духи-предки умершего шамана, являющиеся в основном наставниками и покровителями призываемых. Если среди прямых родственников призываемого были в прошлом представители другой народности, например юраков или эвенков, то в становлении шамана участвуют и духи умерших шаманов этой народности. Таких духов-покровителей шаманов имели, например, таймырский шаман Сериптие Ярославин и вадеевский - Черие. Черие, не зная ни слова по-эвенкийски, во время камлания, когда приходили к нему эвенкийские духи, начинал говорить по-эвенкийски. Вот что говорил мне Черие о своих эвенкийских духах.

96

"Мои предки по материнской линии происходят от тунгусов с "шитыми" (татуированными) лицами. Они имели шаманов. Их духи приходят и находят меня и делают шаманом. Затем от нижнего мира костюм и бубен получаю. Тогда новый чум сооружают, при этом принято камлать три, семь или восемь дней. Наверху есть божество, создающее шаманских духов. Сверху пришлые духи доброжелательными бывают, снизу пришлые духи недоброжелательными бывают. Добрых духов, чтобы они присматривали за недоброжелательными и не допускали шамана совершать нехорошие поступки, посылают. От доброго верхнего божества шаман имеет веревку. Если шаману предстоит совершить недоброе, его притягивают за веревку, не допуская до этого".

Прекрасной иллюстрацией шаманских призваний служат записанные мною автобиографии шаманов: таймырских Серептие Ярославина, Семюена Нгомджа и авамского Дюхадие Костеркина.

Привожу автобиографию Серептие Ярославина.

⁶⁵ В рукописи (№ 34) «душа его» зачеркнуто карандашом, поверх написано «в это время». – Ред.

⁶⁶ У энцев люди, предназначенные стать шаманами, также испытывали различные психические страдания, теряют рассудок. Они глотают горячие угли, иголки, медные кольца и другие предметы. Тогда призывают шамана и заставляют его камлать, чтобы он остановил духов, причиняющих страдания будущему шаману. После этого болезнь призываемого проходит, и он становится нормальным.

"Ночью я увидел сон. Должно быть, это про наши разговоры видел. Ночью, так же как я днем, пришел человек, прозрачный как стекло. Я все думаю, что это за человек? Наконец, я (только теперь) как будто начинаю разгадывать (кто это). Я спросил: "Кто ты? Ты, наверное, человек, обращенный в обе стороны: в одно время умираешь, в другое время воскресаешь. Ты, наверное, мать солнца и неба?". Когда я так сказал, человек не обиделся. "Я хочу есть", - говорит. - "Что ты хочешь есть, ночь ведь теперь. У меня ничего нет".

Тогда человек достал из-за пазухи горсть и выложил на стол. Там я нашел скорлупки высохших мух. Я после этого не подумал, что он укажет мне дорогу, Я думаю, что пища не должна показаться ночью. "Чтобы я мог с живым человеком разговаривать, дай мне разум. Я тебя давеча не разгадал, оказывается, ты большого грома разветвления хозяйка. Вот тогда расскажи мне про мое происхождение". Я ведь шаману от грома, гром мне даровал уста.

Мои духи от грома, тунгусского происхождения. Одна ветвь моего становления тунгусского происхождения. Есть железка с рогами, наподобие рогов лося, найденная в древности. Откуда же она могла произойти, слишком вычурная: не мог (такую вещь) человек руками сделать. Эту железку я не употребляю. Если я во сне поднимаю эту железку и кричу, тогда я надеюсь больного поправить..." [далее см.: Роров, 1963а; 1968].

У таймырского шамана Семюена Нгонджа [Семен Момде ~ Нгомде] записана следующая автобиография.

"Шаманы бывают разные. В старину в нашем роде по отцу был простой (не шаман) человек. Этот человек, подружившись с болезнью, отправился вместе с ней куда-то на край земли. Пришли они к трем чумам. Придя сюда, человек, не знаю, наяву или во сне, вошел в первый чум. Этот чум снаружи был совершенно белым. Сидел в нем человек с пестрым ледяным носом. Он сказал: "Ты иди дальше от меня, еще не пришел черед и не настало время, ко мне зайдешь на обратном пути, тогда я тебе все расскажу. Теперь выйди отсюда". Вышел и вошел во второй, средний чум. В нем лежал больной, все лицо и руки были в язвах. "Откуда?", - спросил он. - "Меня послал сюда сосед", - "Почему же я не знаю, что есть у меня сосед? - сказал больной. - Что ты ищешь, разожгите огонь". Кто-то разжег огонь. Поставил на него медный котел, повалили человека, сняли с него кожу, освежевали его тело, как тушу дикого оленя, и положили в котел варить. Больная оказалась женщиной. Она сказала: "Зачем я тебя варю? Ты в среднем мире жил настоящим человеком, и тело твое очень смрадное, варю, чтобы нечистота

97

твоя испарилась. Когда станешь шаманом, будешь уметь разыскивать пути болезней. Варю тебя потому, что если тебя попросят камлат, идя туда, не стыдился бы нечистоты своей. Чтобы очистить тебя от воды материнского рождения, варю тебя". Вот в котле, во время кипения, кости человека стали голосить, всяческими голосами птиц. Женщина сказала дотом: "Дайте (деревянное) корытце". Когда принесли, это оказалось не корытцем, а железной колыбелью. Старуха из котла выложила все мясо и все кости в колыбель и сказана: "О-о, оказывается, еще не готово, хорошо бы дать имя среднего духа - мое имя дать. Надо еще его куда-то послать". Пересчитав все кости, женщина сказала: "Оказывается, колыбель большая для него - это плохо. Надо, чтобы все его суставы дошли, чтобы ему стать шаманом, а то просто будет менериком⁶⁷. Меня называют пожирающей (людей) болезнью. Я, с одной стороны, действительно пожираю людей, с другой стороны, создаю шаманов". Вот он (человек) к кому попал. Вот этого человека запеленали и стали укачивать. Он плачет и думает: "Вот дух начала шаманства похитил,

⁶⁷ Менерик – истеричный (слово, распространенное по всему Северу Сибири).

сделал меня, оказывается, своим ребенком-приемышем, я есть хочу". Женщина дала ему пососать грудь, говоря: "Это у меня, голубчик, будет с уплатой. Когда станешь шаманом, после придешь ко мне, я тебя узнаю, и ты меня не бойся, больного человека поправлю". Кончив давать грудь, спросила: "Видишь ли эти чумы?". Человек увидел три чума. "Теперь ты отправляйся. Эти три чума, на которые три месячные луча в виде веревок падают, имеют свое происхождение от месяца. Если болезнь появится от месяца, ты и сам, наверное, найдешь эти чумы. Вот ночевал в двух чумах. Вот твое сердце, которое могло бояться, когда ты ночевал, заставили переделывать его, теперь ты перестанешь бояться. Иди в тот третий чум". Вошел, сидела там одна женщина. "Что это за гость, откуда ты? - спросила она. - Я не знаю, откуда ты, был ли ты у тех жителей?". Человек сказал: "Да". - "Если это так, хозяйка последнего чума Надяпта нгуо - младший дух. Чум ее очень жаркий. Что говорят в этом чуме?". - "Ничего не говорят, только "зайди" сказали". - "Если так, то должна буду над тобой поработать. Беденький мой, пришел ты ко мне, ведь каждый человек приходит ко мне, чтобы завершиться. Для этого, должно быть, и послали тебя, И после ты, наверное, будешь кого-либо о чем-либо просить. "Пусть она, возложив руку, сделает", - говоря, послали, наверное (ко мне). Хорошо, сделаю. Ну, хорошо, вот что я тебе скажу. У тебя сердце не доделано, его сделали только небоязливым, а до конца не сделали, как следует. Я тебе сделаю три сердца с одним основанием. Для чего я это сделаю? С этим одним сердцем с какой бы болезнью ни разговаривал, бояться не будешь, Я еще сделаю тебе семь сердец, ими будешь пользоваться при путях семи болезней, но всеми ими зараз пользоваться не будешь. Вот сделав тебе семь сердец, отправляю, иди, большой работы не было. Один чум послал тебя, сказал, что недостаточен ты, второй чум варил тебя, что я буду долго делать? Вот ныне ты будешь иметь глаза, видящие огонь, другие глаза, видящие духов. С этими глазами ты будешь камлать, отправляйся". Человек на это сказал: "Что зная, я пойду, как пришел сюда, тебя не знаю". Женщина ответила: "Если ты (думаешь): не найду дорогу - я тебя поведу". Повела и, приведя к одному месту, оставив одного, сказала: "Ну ты дальше пойдешь?". Человек ответил: "Нет, не знаю дорогу, наверное, пропаду". - "Ладно уж, я тебя оставлю одного, близко приведя". Повела дальше и оставила в одном месте. Человек подумал: "Как я дальше пойду?". Огляделся, оказывается, стоит один. Увидел дерево с тремя разветвлениями. Что это за дерево? У подножия его слышалось пение. Когда человек

98

прислушался, оказалось пение шаманским, он стал подражать ему. Затем сказал: "Зачем же я пою?". Остановился. Вот так в старину люди становились шаманами.

Из трех разветвлений дерева три человека вышли. Они сказали: "Ну, дружок, откуда и зачем пришел?". - "Слишком много путей, не знаю, как пойти? Все позабыл, где мать и где отец, вы меня как-нибудь до места моего доведите, чтобы я не умер". - "Ну, дружок, ты нас не знаешь, не узнаешь? Когда-нибудь у нас не бывал ли?". - "Нет, будто не бывал". - "В трех чумах разве не был? Те - наши постоянные чумы, а вот приходим сюда, чтобы встретить человека, которого хотим сделать шаманом. Ну, дружок, мы тебя не поведем. Разве ты на южной стороне ничего не видишь?". - "Нет". - "Мы видим, что, оказывается, очень размножились люди, много они хотят. Ты, уродившаяся на большом разветвлении дерева и ставшая большой болезнью, иди. Когда пойдем мы вдвоем, поведем его с собою, пусть один останется здесь сторожить". Человек сказал: "Ну, други, мне никакого совета не дали". - "Ты зачем пришел?". Я: "Чтобы дали мне разум, чтобы стать человеком, - стал просить и молить. - Если вы есть люди, пожирающие, меня не трогайте", - стал умолять. На это сказали (духи): "Вот, здесь мы тебя оставим ночевать, и так станем обучать. Таково бывает происхождение (шамана). Мы от одного человека уродившиеся женщины. Она (женщина) уродила нас, чтобы мы

внутри дерева жили. Вот нас ты и нашел. И твое происхождение не так далеко, близко. Мы, будучи духами, создающими шаманов, мы не пожираем людей, но люди нашего воздуха не выносят, человеком, приносящим наш воздух, ты будешь. Вот, здесь переночевав, пойдешь, мы тебе такой завет дадим: "Впоследствии ты будешь до тех пор жить, пока не станешь на ноги, опираясь на два посоха. Вот мы к показавшимся там вдали людям не пойдем, ты один иди по таким-то путям. Когда придешь (к себе), плохо не думай о нас, что ничего не сделали. По-хорошему к нам будешь обращаться, мы тебе станем помогать. Ну, иди"". - "Как я пойду, ничего не видя". - "Э, позабыли". Дали очки, но не металлические и не стеклянные, издали черные. Как наденешь их, приближается даль. Как наденешь, все места делаются видней, можно куда угодно идти. "Вот тебе очки, - сказали, - одалживаем. Они тебе не будут видны. Когда тебе плутать придется во время камлания, позови их, закричи, тогда они появятся. Вот эти очки возьми в одолжение. Может быть, ты будешь хвастаться, только и будешь говорить о них во время камлания. Если в обычное время будешь говорить о них, очень быстро тебя за голову повесят. Ты должен идти по тому пути, по которому указывают очки. Если по другому пути пойдешь, голову свою потеряешь".

Вот человек стал идти, впереди чум показался, он вытягивался и расширялся, не знал, наверное, кто его раздувал так. Человек постоял в раздумье, как ему быть: "Однако зайду, что поделаешь", - решил. Когда стал подходить, внутри чума раздалось распевание. Человек испугался, но все же вошел. Там некоторые люди, буйно сумасшедшие, лежали связанные, некоторые один другого кололи острыми предметами, резали, некоторые разрывали свое тело зубами. Никто не желал разговаривать с ним. Он подумал: "Все же нужно как-то попытаться. Если я от светлых духов имею предназначение, давай-ка их остановлю". Трижды на них дунул. Они перестали колоться, резаться и петь и сказали: "Ты, придя сюда, огонь развел, оказывается?". - "Я пришел от духов, создающих шамана". - "Ну, дружок, чего ради ты пришел? Если ты действительно пришел от духа, создающего шаманов, почему ты не покажешь знамения этого. Зачем в наш чум пришел, чего просить? Разве не желаешь получить чего-либо, чтобы в стороне солнца иметь с собой знамение от нас?". - "Когда у вас в глазах запестреет, тогда, наверное, с ума сходите.

99

Если хотите дать мне, я от каждого из вас по одному глазу унесу. Когда человек станет сходить с ума, чтобы стать шаманом, я буду лечить его этими глазами". - "Хорошо, мы тоже так думаем. Вот эти глаза, хотя ты и унесешь, вместе дадим тебе нож длиной с четверть". - "Зачем я нож унесу, плохо будет, если кто-либо колотьем заболеет и при этом нож будет - нехорошо. Хотя я хотел взять глаза, но бывает много лживых глаз, нож-то как унесу? После, когда я стану камлать и самокалываться в спину или в грудь, через отверстие души человека выпущу, как стану лечить? Лучше своим советом стану жить. Я, кажется, не переночевав, от вас не уйду, спать захотел. Я так не усну, может, как вы, с ума сойду. Как вы, никто мне не поможет. Свяжите меня. Если я вошел в чум духов начала сумасшествия, то завязки останутся на месте, если в обычный чум вошел, завязки отпадут". Через сколько-то времени проснулся, лежал связанным. "Вот я пойду, - сказал человек. - Если пойдете со мною, идите". - "Нет, не пойдем. Мы хотим дать вместо себя глаза. Ты не хотел брать, но возьми". - "Ну, ладно уж, дайте, я не хотел быть лживым шаманом. Ладно, ставши шаманом, я иногда буду ваш чум находить". Человек пошел дальше. Глазами увидел чум. Глаза его спросили: "Как далеко место по-твоему?". - "Далеко". - "Посмотри на этот чум, стоит он без солнца, мелькает - нюки (сделаны) из жести. Войдем в него", - сказали глаза, - "Не знаю, к добру или нет заставляют зайти?". Покрышка дымохода медная. Человек выглянул из чума и спросил: "Кто ты? Я про твое происхождение не знаю". - "Наверное, ты от духа, создающего шаманов. Что ты ищешь? Видимо, ты необычный

человек?". - "Э, бедняжка, и я от людей происхожу, так же, как и ты, мучившись, стала духом происхождения шаманов. Ну, разгадай меня". - "Зачем я стану разгадывать тебя, я и так тебя знаю. Ты, будучи обманного происхождения шаманкой, не сделав себе костюма, умерла. Я к тебе не зайду, пройду мимо". - "Я тебе, ради того что приходил, подарю кусочек жести". - "Что ты это? Может быть, это не стоящая вещь?". - "Нет, возьми, после, ставши шаманом, сделай себе (из него) козырек". - "Нет, не возьму, сияние добрых божеств очень сильно, будет больно от жести". - "Нет, возьми". - "Ну, ладно, раз даешь, возьму, унесу".

Вот человек пошел дальше, огляделся кругом. Рядом раздался голос: "Что ты видишь?". - "Я вижу, что далеко, далеко земля очень разукрасилась, все деревья и травы голоса. Хотя вы и (духи) хозяева глаз, зачем вы врете?". - "Нет, не врем, отсюда будет твое происхождение". Человек пошел по разукрашенной земле. Показался чум с нюками, с убранством из олова. Вошел туда, там сидела женщина с повязкой из олова на лбу. Как только разжигали огонь, олово (растопляясь) протекало. Она сказала: "Э, друг, возьми повязку". - "Нет, ты слабая (мягкая), ковка, как олово (божество), буду несильным". Вот таково начало нашего шаманства издавна, когда, камлая, отправляешься, обходить все эти места. Этот человек был Нгуомджа, а другой предок Нгалмыдаса. От них я имею свое происхождение. Человек, проживая обычным путем, не становится шаманом. Сам себе не верит, хотя и создают его шаманом. Шаман умирает, и все его бесчисленные духи приходят к тебе и находят тебя. Вот из этого чума три человека, выйдя, стали по берегу реки идти. Есть море, но мы туда не пойдем, пойдем в долгий путь. Река оказалась с семью руслами. Вот они трое стали спрашивать меня: "Что это такое?". Я не знал. Сказали: "Каждый большой шаман имеет семь начал. По этим началам спускаясь, найдешь начало болезни. Если (спустившись) по первому руслу не найдешь, найдешь по второму и так дальше". Вот люди нашли гусиные яйца, сказали: "Смотрите, мы только и заставляем его угадывать. Вылупятся птенцы, как бы они не убежали, примем меры. Сделаем запруды на воде". Хотят сюда загнать гусиных птенцов. "Давайте,

100

сделаем сети. Одну из мота⁶⁸, другую из волос. Давайте закинем сети". На берегу воткнули палки (для привязывания) спуска, "Давайте вселенной рыбу повить. Якуты и самоеды пусть отсюда снабжаются рыбой. Давайте, оставив их (сети), отправимся, обходя верховья вод". Разыскивали низовья рек: все они впади в семь озер. В каждом озере находилось по одному острову. На одном острове были маленькие казарки (нетика) [сятика?], некоторые из них сидели на гнездах, некоторые бродили по острову. На втором острове были каменушки, на третьем - лебеди и гуси и другие птицы. Все они или высидывали яйца, или бродили по островам. Я спросил: "Что это такое?". Один из спутников рассказал: "Это разные птицы. В старину когда-то вода по земле прошла. Были ли тогда люди, неизвестно. Видишь маленькую утку, она не сидела, она через семь слоев льда опустилась под землю-это и есть каменушка. Она нырнула в воду и вынырнула на другой остров. Как посмотрели, она несла в клюве разные травы. Все эти травы она разбрасывала по берегам озера, появились растения". Я думаю: "Со старины, значит, такой порядок. Нгуо Туро хозяйка, земли подпора. Когда по бубну человек, знающий начало мироздания, ударит, говоря про это, тогда глаза шамана проясняются и он видит дальше". Я думаю: "Однако я здесь заночую". Как я пригляделся, некоторые из гусей, птиц одноглазые, некоторые с отрезанными крыльями, некоторые хромы. "Почему так?", - спросил я. Ответили: "Умерших шаманов гуси, наверное, такие бывают. Это, наверное, вернувшиеся духи (умершего шамана). Вот один глаз, или одна нога, или одно крыло, придя к потомку,

⁶⁸ Мот – пряжа из конопли [мот или мота нганасаны называли нити из мешков, в которых прежде доставляли на Таймыр муку].

делает из него шамана". - "Я умру, наверное, и буду с такими же духами", - сказал. Мне (мои спутники) посоветовали: "Некоторые птицы целые, мы тебе дадим некоторых из них. Ты их пока не бери, после, ставши шаманом, будешь ими пользоваться". Я спросил: "Вот по островам лежат птицы, высиживая птенцов". Сказали: "На южной стороне лежащие птицы - это птицы, от которых ведет начало питание людей; на северной стороне лежащие птицы созданы для нужд шаманов, и самоедских, и долганских". Шаманские птицы стали уплывать к северу. Половина птиц была большими, половина - мелкими. Шаманы разные рождаются - большие шаманы больших птиц держат, средние шаманы - средней величины и малые (плохие) шаманы - малых. "Что нам делать? - советуются. - Как бы вместе с птицами проплыть", Я подумал: "Ну, я пропал". - "Ты проплывешь ли?", - спросили. - "Если научите, проплыву". Стали плыть, оглядываясь, спутники мои сзади вместе стали плыть. Маленькие птички все остались на островках. Так плыли мы вместе с птицами. Когда вышли на берег, меня спросили: "Чего начало нашли?". Я сказал: "Все эти места обошел. Когда буду шаманом, очевидно, по этим местам буду ходить. Все же меня плохо обучают, только (указывая) дороги смерти. Ну, друзья, дайте мне совет, ничего особенного не вижу, хорошо бы меня оставили". Впереди увидел высыхающее травянистое озеро. "Что это, не вернусь ли назад?", - подумал я. Сказали: "После, когда станешь шаманом, некоторые озера будут с водой, некоторые - без, и только тогда станешь шаманом, когда эти некоторые озера наполнятся водой". Так, помимо воли, тебя обучают, хотя бы и не хочешь. Вот я и думаю, отсюда я стал шаманом. Мои спутники сказали: "Мы должны расстаться. Давайте, все трое говорить по-птичьи; один - как большие гуси, другой - как средние гуси, третий - как малые гуси, один - как лебеди, и так по-разному, чтобы впоследствии наш человек стал подражать им". Стали по-разному гоготать. Кончив, сказали: "Когда станешь шаманом,

101

камлать станешь, вот тех птиц, которых видел, ты будешь так призывать. Когда перед тем, как камлать, усядешься, по-птичьи гогоча, тогда они придут к тебе, голоса их в тебя войдут. Если ты станешь шаманом, так будешь ты голосить. Все мы показывали тебе дороги. Если ты должен стать настоящим шаманом, должен не заблудиться. Если заблудишься, какой из тебя выйдет шаман?".

Вот стали они советовать: "Что будем делать? Оставим ли здесь человека или еще вперед поведем?". Один сказал на это: "Как мы его здесь оставим, пути его путанные будут. Здесь нет воды, как же он будет, предки его не такие были". Шли-шли вместе с ними. Один из спутников сказал: "Услыхали?". Я: "Не знаю, разве что говорил дух-хозяин, создающий шаманов". Я стал предсказывать: "Туда-то попался большой чир и дикий олень". - "Ладно, увидим, - сказали двое. - После, когда станешь шаманом, ты не думай, что это сети, дикий имеет одно происхождение, дикого оленя ловим веревкой, домашнего оленя - арканом, это ты назвал сетью для ловли диких оленей. Ты говоришь, что нитяная сеть, а это пуповина ребенка; рыба - это не рыба, она с икрой, это беременная женщина - это начало рождения людей". Когда показали ту веревку, оказалось, привязано много (оленьих) телят. На другой веревке, веревке солнца, все дети привязаны. Про это мы и говорим, когда камлаем - сиротливые двойники-дети. Это божество детей. На конце веревки важенка оленя привязана. "Кем она отелилась?", - спросили меня. "Очевидно, подражая этому, не обычным диким отелилась, (из его шкуры) что-либо (шаманское) заведу себе. Да, от этой важеньки всякого рода дикие олени телятся. Привязанная важенка - это не дикий олень, а дух-хозяин диких оленей. Впоследствии, когда нужно будет, эту важеньку буду спрашивать". - "Это верно, - сказали, - Мы от этого места только и будем идти, вопрошая, шаманские духи всегда с загадками бывают. Вот ты ходишь с ними, все пути показали тебе. Пути, лежащие впереди, сумеешь ли одолеть?". - "Не знаю. Вот когда на поколках диких оленей не бывает, камлая от нее (важеньки), испрашивай". - "Так, так, - говоря, они ударили себя по коленям. - Как мы на

пустом месте будем людьми? Пойдем на юг. Если мы его оставим здесь, наш человек не выберется". Один из спутников сказал: "Давайте его в какое-нибудь диковинное место приведем". Пришли к чуму. Чум стоял (наклонившись) наискось в северную сторону. На дымоходе его сидела гагара. Вошли в чум. Там оказалась другая большая гагара. "Что за диво, разве птица болеет?". - "Угадай", - сказали. Я: "Когда куда бы, камлая, ни пошел, на голове, на шапке буду иметь изображение гагары. Когда буду камлать, болезни ударят по голове, тогда с этой шапкой буду, поэтому-то и сидит на чуме гагара". В чуме оказалось, что не гагара сидела, а больной человек, с шапкой на голове с изображением гагары. Голова его была обвязана. Как только гагара, сидящая наверху чума, начинала гоготать, начинал кричать и стонать. Он сказал: "Вы, должно быть, земли, создающей шаманов, духи. Хотя вы и духи, но не надежные, хорошо ли сделаете своего человека шаманом? Этот, однако, парень - сирота. Откуда, дружок, пришел?". - "Не знаю, эти люди мои спутники". - "Да, теперь ты слепой, тебя водят". - "Нет, я тебя вижу". - "Как же ты меня не увидишь? Думают, что ты меня не найдешь, поэтому водят. Найдешь ли ты меня после? Найдя, не боясь, войдешь ли ко мне?". - "Войду, сюда-то дорога одна ведь". - "Вы, други, трое, как спутники, он молодой. Как свидетели слушайте. Если неладно скажу, поправьте (мы стояли около входа). Вот эти люди все стараются создать из тебя шамана, а ты все не веришь. Но как же иначе будет? Но все-таки ты будешь шаманом. Я всегда здесь буду. Никогда не обходи этот мой чум. Видишь, он на косогоре. В погоне за добрым божеством человека, отсюда сбегая, набирая силы, догонишь божество человека (душу)". - "Верно, -

102

сказали мои спутники. - Угадай". - "Вот, наверное, привели меня сюда, чтобы я, обладая хитростью, мог догонять болезнь. Я, следуя по пути стонов, вероятно, этим спасу болящего". - "Хорошо ты угадал, - сказали. - Ты не говори про себя, что ты большой шаман, будешь недолговечным. Говори: Я маленький шаман. Так обманывай". - "Дружок, я тебе ничего не дам". - "Почему же не дашь, уж очень хорошо и мирно разговариваешь. Хотя бы потому дай мне". - "Хорошо, я дам, - сказал. - Что хочешь, чтобы я дал?". Я: "Как я спутника не буду иметь? Дай мне гагару на дымоходе. Птица и хорошо ныряет, и быстро летает". - "Хорошо, - сказал. - Возьми. Если унесешь ее, стану учить тебя. После, когда станешь делать себе шапку, гагару головой вперед посади себе на шапку. Ее не будешь видеть. За ее голосом и вверх лети, и вниз ныряй, когда станешь камлать над больным". Взяв эту гагару, я заставил сделать ее изображение из железа. "Если человек заболит колотьем (в боку), будешь лечить изображением гагары. Дуя, с противоположной стороны (клюв) гагары приставив. Чем я дам знать (людям), что ты был у меня. Семь дней переночуй, поспи у меня". Я испугался. "Ну, пять дней поспи", - сказал. Это значит, что мы должны чистый чум делать пять дней - столько дней, сколько заставил спать. Некоторые спят семь, девять дней, делают чистый чум семь, девять дней. "Вот отсюда пойдешь, где угодно, будешь ходить. Если люди попросят, сразу не ходи, сначала постарайся увидеть сон. Ты камлай только тем, кто нуждается". - "Я уж не знаю, как это все запомню и выполню, однако, не выполню". - "Нет, ты все выполнишь, будут люди, которые станут учить тебя".

Вот опять втроем пошли. Приплыли к реке и вдоль нее пошли. Пришли к тому месту, где с обеих сторон стоячие, как стена, горы стали. С одной стороны реки (нашей) горы имели берег, с другой не имели берега. "Разгадай", - сказали. "С этого берега кормятся все дикие олени и живые существа". - "Про другую сторону не разгадывай, - сказали. - Это просто гора без берега, пойдем в сторону, там есть чум". Увидели весь обледелый чум. Вошли туда, там сидел один мужчина и одна женщина и ходил один голый ребенок. Нюки у чума из снега и льда. Огонь чуть мерцал. "Кто такие, откуда?", - спросили они. Я: "По установленным сиздавна путям, ходящим будь, говоря, меня двое водят. Однако вы, наверное, являетесь духами болезни". Внутри чума

находились разные железные, медные котлы и другая посуда, все наполненные гноем. Они заставили разгадывать меня, но я их как следует не слушал. Ребенок спросил: "Кто я такой?". - Я ответил: "Ты, наверное, головная боль?". - "Когда ты камлать станешь над болезнью, по этой дороге болезни иди". Старик со старухой спросили меня: "Кто мы такие, угадай". - "Старик - начало чахотки, старуха - начало кашля". - "Верно, - сказали. - После, если такая болезнь будет к вам приходить, придешь и скажешь, тогда поможем". Старик сказал: "У меня есть загадка. Я имею обыкновение задавать ее ребенку. Я сам весь гноем наполнен, не могу сказать, однако мой ребенок скажет". Ребенок, чтобы не сказать, под очаг (железный лист очага) залез и ответил: "Так бы и сказал заранее, что не можешь говорить, сразу бы указал на меня". На это старик сильно рассердился: "Я тебе разобью голову". Я сказал: "Голубчик, что ты меня боишься, иди, скажи мне на счастье". Выглядывая из-под очага, ребенок стал говорить: "Я - начало молодых шаманов, разве тебе старик хорошо укажет? У меня глаза острее. Ты старика и старуху не слушай, они, пожиратели, твои дороги путают. После ты ко мне приходи, я буду указывать тебе". Я спросил у него: "Живете вы в очень поганом чуме, нет у вас еды, в этих посудах много гноя. Перед моим приходом ты не убавишь ли его?". - "Ладно, ладно, я постараюсь как-нибудь убавить гной", - сказал ребенок. Спутники мои спросили: "Что ты получил в подарок?". - "Я пять дней получил", - сказал. Сам не знаю, почему это сказал.

103

Пошли дальше, где-то во впадине показался чум. Вокруг чума были топь и зыбь. "Что это такое? Ты заклинай", - сказали. Я стал заклинать, кругом все черви и черви. Я стал камлать, обращаясь к находящимся в чуме: "Если в будущем угодно будет стать мне шаманом, сделайте мне землю не топкой, чтобы я, не увязая по колени, зашел в чум и спросил там, что мне нужно". - "Верно, оказывается, ты шаман", - сказали мне спутники. Все трое стали между собой советоваться, но никто червей не убирает. Один из спутников моих спросил у другого: "У нас ведь были посохи?". Один из спутников откуда-то взял трость и отдал ее другому. Получивши, говоря: "Черви и гады, если боитесь трости, по обе стороны разойдитесь!", - ударил тростью по червям. Под порогом входа в чум осталось отверстие, все черви и гады вошли туда. Земля стала твердой, и я вместе со спутниками вошел в чум. Внутри сидели старик и старуха, дверь на противоположной стороне чума была раскрыта, и через нее виднелись два черных волнующихся озера. "Что это такое", - подумал я. Около озер в виде сплаванного леса лежали спинные кости людей, под ними кости собак. Волны перекачивались через них. Старик сказал: "Да, должны были прийти люди отмеченные. Я так и думал". Оба, и старик и старуха, были очень хворые, хотя не лежали, а сидели. "Кто это третий?", - спросили они. - "Мы привели откуда-то сироту, все же мы его заставили походить и разузнать про свое происхождение". - "Привели сироту, - говорят. - Видимо, он будет с тамгой, подобно оленю. Если бы вы были неотмеченными людьми, не вошли бы. Я тоже могу создавать шаманов, поэтому должны были прийти. Что же я вам скажу: вы люди-тени. Сироте скажу: ты никогда без предупреждения не входи в чум. Однако вы мне что-либо расскажите". Я все надеюсь на спутников, что они что-то скажут. "Разгадайте, что это за два озера?". По одной стороне входа выливается смола и, превращаясь в кровь, стекает в озеро. Один из спутников ударил по двери и сказал: "Здесь кости умерших шаманов превращаются в болезни. Пожалуй, хорошо у тебя просить при кровотечении, ты, однако, кровотечения дух-хозяин. Около другого озера кости обычных умерших людей". - "Если его сделаете шаманом, сирота пусть по этой дороге сюда приходит, я укажу начало болезни", - сказал старик. Человек, имеющий палку, сказал: "Ну, дедушка и бабушка, из вашего живота кровь пьется, мы боимся, подвязались бы". Попытались завязать, но сказали: "До каких пор мы будем завязывать". На это спутники сказали: "После, когда придет этот сирота, ставши шаманом, если завяжете себе, он сумеет остановить кровотечение

больных". - "Хорошо", - сказали старик и старуха, подвязались и спросили: "Сколько же дней мы будем держать животы подвязанными?". Спутники сказали: "Хотя бы семь лет". - "Семь лет много будет, - сказали. - Пусть шесть лет будет. Вот мы на шесть лет подвязались". Я спросил: "Бабушка и дедушка, как я стану человеком?". - "Э, ведь, укравши тебя, в нижнем мире сделаем шаманом. Я должен был тебя научить: но ты туда пошел". На это я сказал: "В какое бы время я ни пришел, будете ли верить мне?". - "Как тебе не поверить, раз к нам заходил". - "Хорошо". Старик и старуха сказали: "Мы в чуме слышали звуки, некоторые шаманы мимо нас проходят. Я им не верю, вот ты зашел, будь же созданным для всяких целей". Палочка ударяет в бубен. Эта палочка делается из дерева, возвращенного этими стариком и старухой. У них опять умоляешь дать это дерево. Это они и есть духи-хозяева очага. Вот и будешь камлать, сидя на их очаге. Если они дадут, скажу: "Пусть от такого-то дерева взяв ветку, ударную палочку сделает". Во время камлания скажут, ударяя: "Вот в такой-то чум отправляйся (лечить)". Если шаман плохой, то не пойдет туда, тогда брось, не ударяй (по бубну). Шаманы должны просить указать духов-хозяев чума. Старик сказал: "Отсюда дорога пойдет. Правая дорога - южная, дорога болезней, северная дорога -

104

живого шамана дорога. Ты, голубчик, по северной дороге следуй". - "Надо уходить, наверное, он обманет", - стали опасаться мои спутники. "Пусть моими подарками шесть солнц будет", - сказал. Взяв их, пошли.

Меня повели по южной дороге, старик обманул, оказывается. Вот идя втроем, пришли на мыс, вклинившийся на середину реки. Там чум не чум, изба не изба, что-то стеклянное стояло. Когда приблизились, оказалось, что по обеим сторонам входа привязано по оленю. Один из оленей важенка. Оба, рогами бодаясь, играли, стояли. Вошли в дом, на нескольких шкурах русский сидел. У него из-под сиденья быстрая вода бежала. Испугались. Русский обратился к нам: "Что вы, ребята, боитесь, идите, давайте поцелуемтесь. Я вас знаю, разве вы меня не видите? Ты, самоед, сядь на шкуру. Ты с предком сумасшедшим садись. Если твой предок от хозяина всяких четырехногих зверей, садись на шкуру песка". Уселюсь. Сказал мне русский: "С очень большим происхождением шаман с такой подстилкой бывает, поэтому эту шкуру даю. Имеющий свое происхождение от хозяина зверей с песцовой подстилкой бывает, имеющий происхождение от болезни с подстилкой из собачьей шкуры бывает. Хотя вы и водите этого человека, но я вам не особенно верю. Как посмотрю на него, он от доброго духа человек. Я тебе дал подстилку из песцовой шкуры. Ты (шкура песка) должна будешь его научить, если он будет просить. Камлая, он должен будет держать в руке шкуру песка. Если он пойдет к месту, к которому не решается пойти, должен употребить собаку, если для счастья рода будешь камлать, употребляй оленя. Не верю я, правильно ли учат тебя. Если бы я раньше тебя учил, тогда бы было другое, лучше было бы. Я болею, кто из вас угадает, из-за чего я болею. Дайте мне палку". Дали ему. Ударил он ею по жерди чума. "Всегда люди происходят от одного корня, ты должен бы указывать начало шаманства. Ты бы поправился, если бы лечился у шаманов". Я сказал: "Ты, видимо, хозяин того места, откуда разошлись пути многих болезней". - "Так, верно, - сказал. - Люди, поживши, умирают. Если душа умершего много будет думать об оставшихся, оставшиеся после него умирают. Я - начало такого рода болезней. Я создаю и шаманов, и простых людей. Вот ты ко мне и пришел, в будущем ты будешь приходить ко мне за советом. Вот видишь на моем костюме нгуоттарие [?] - железное изображение дикого оленя. Возьми ты это в подарок. Всегда ты должен употреблять его, когда увидишь, что мало людей и мало оленей. Если станешь камлать доброму божеству человека или оленя, за этим (оленем) следуй. Если придешь ко мне, и я тебя не узнаю - покажи этого оленя. Может быть, ты будешь обижаться, что не унесешь его, возьми же себе в руки, Если будешь употреблять его, то и семья прибавится, и скот прибавится. Всегда употребляй его. Этот олень людей

счастливыми сделает. Что это за олени (по сторонам двери) разгадай". - "Дайте палку", - сказал я и ударил ею по жерди чума. "Важенка - это дух-хозяйка размножения оленей, бык - это дух размножения диких оленей". - "Угадал. Ну, теперь идите".

Когда вышли, один из моих спутников сказал: "Я позабыл". - "Что?". - "Отел оленей по месяцам происходит, надо попросить месяц, и как это мы позабыли. И люди и звери ведь с месяцем бывают, как же в темноте мы будем? Надо попросить". Вернулись и спросили. Хозяин чума мне тогда дал месяц. Как увидел, на месяце все есть: и зима, и лето, и весна, и осень. Отела важенок месяц, людей месяц и зверей месяцы там оказались. Спутники спросили: "Дружок, знаешь ли что это?". - "Я неграмотный". - "Дружок, письмо здесь такое, которое я знаю", - сказал русский. "Учи меня", - говорю. Писарь человек так стал учить меня: "Все про рождение и людей, и зверей записано на луне. Камлая, ты это будешь читать, как грамотный. Вот отсюда идите, больше так рассказывающих людей не найдете. Потом

105

вы найдете два чума. В первый чум придете, это чум, где шаман отдыхает. Дойдя до последнего (второго) чума, все трое разойдитесь по разным путям". - "Ты все же укажи дорогу". - "Вы отсюда по берегу реки пойдете, от зеркала-чума спросите дорогу. Разве только так и укажут".

Пошли дальше и пришли к реке, имеющей в середине семь мысов. "Что это?", - я спросил. "Это вода, по которой после смерти отправляется человек. В конце этой воды есть чум, до него дойдем", - сказали. Вот пошли, увидели на берегу чум из торосов льда, около него лежал плавник. Когда стали подходить к чуму, из него выглянул человек, взявшийся руками за затылок. Он оказался женщиной с семью плетеными косами. Один из спутников спросил: "Что вы подумали?". Спутник научил меня: "Так скажи: это воды этой хозяйка". Не глядя на того, кто мне подсказывает, я повторяю слова. Вошли в чум, там сидела девушка. Мне сказал спутник: "Голубчик, не говори, что я тебе советовал". Мой советчик сел рядом с девушкой и попросил ее заплести ему косу. Она ничего не отвечала, он все просил ее. На другой стороне сидели две девушки. Мы говорим друг другу: "Давайте, подсядем к ним, они станут заплетать нам косы". Это родоначальницы шамана. К возвращению заплетают они косу шаманам. Первая женщина спросила: "Ночуете ли, гости?". - "Да", - ответили мы. - "Если так, я ночующим загадку загадаю". Один из моих спутников сказал: "Мы ничего не сможем угадать. Сын самоеда нас привел. Вот он сидит, пусть угадает". Я: "Что я угадаю? Но все же попытаюсь. Плавник этот необычайное дерево. Умершие и живые разве не имеют челноков? Умершие вместо челноков имеют нарты. Этот плавник для того, чтобы люди, делая себе из него ветку, рыбу ловили". - "Верно!", - сказала женщина и спросила: "Шаман, кушаете ли вы еду?". - "Как не будем кушающими, раз ночуем?", - ответили. Другая женщина сказала третьей: "Под лотком (силякэ) есть прорубь, открой ее, волна выбросит одну большую рыбу. Возьми ее, разрежь пополам и брось в котел, и они и мы поедем". Когда в воде вскипело, двоим нам дали по плавнику, третьему - голову. Один из нас бросил лоток в прорубь. Один из спутников сказал: "Разве не догадываетесь, что нужно к тому, что дают люди (эти), относиться с опаской и есть осторожно, обычно едят только позже полученное. Это обманчивое кушанье, мы не сыты. Почему не дадите чего-либо другого, эту пищу не едят шаманы". Откуда-то взяли другую рыбу, сварили и дали поесть. Поевши: "Давайте спать", - сказали, уснули. Утром стали заплетать косу и мне и спутникам. "Что я подарю ему (мне)?", - сказали. Женщина, заплетая волосы: "Дам я ему покрывало лица - наголовник", - и повесила его на косу, сказав: "Угадай". Я: "Шаману часто приходится спускаться вниз лицом. Ты, наверное, чтобы мне на лицо не попались гады или чтобы не поранить себе лицо, дала это". После этого женщина из женского угла, раскапывая лед, достала сумочку, сшитую из нескольких оленьих камусов с копытами, и вынула из нее два наголовника.

Правой рукой вынула старый, без узора, худенький наголовник, левой - узорный, новенький. "Какой из них возьмешь?", - спросила. Я: "Худо шаману слишком украшать себя. Какой хороший человек буду я, если возьму красивый наголовник, возьму я старый, худой наголовник". Она закричала: "Я подумала: возьмет он красивый наголовник. Это умный шаман, он взял старый наголовник. Другие шаманы брали узорные, они не бывали счастливыми. Знаешь ли нас?". - "Нет". - "Тогда расскажем. Мы - духи-хозяева воды, всякие шаманы от нас берут рыбу. Вы пришлые люди, что вы будете знать? Мое богатство - эта сумочка из камусов тех оленей, которых приносили мне в жертву. Я - бедная, больше у меня ничего нет. Очень дорожу этой сумочкой. Мы живем на узкой реке, в местности очень беспокойной. Вот на другой стороне тоже есть чум. Тут дикие олени - вселенной вши, переправляются. Мы только слышим, как они переправляются. У тебя, оказывается, обувь в дырках, тебе нужно дать камусы".

106

Я взглянул на свою обувь, и она действительно оказалась дырявой. "Ты, однако, ноги себе повредишь". Развязала сумочку - она оказалась не сумочкой, а связанными бакарями⁶⁹. Их надели на меня, они оказались не простыми бакарями, а шаманскими, с железками. "Как раз по ноге, - сказала. - Хоть и не будешь большим шаманом, будешь средним шаманом - это для среднего шамана обувь". Оказалась еще сумочка. Я спросил: "Почему ты не дашь этой сумочки?". - "Нет, не дам. Это ты напрасно просишь, это подарок будущим шаманам. Ну, дружок, ты больше от меня не жди. Я тебе наголовник и обувь дала. Сначала сделай себе наголовник, затем обувь. Затем, указав кому-либо, чтобы он убил дикого оленя, из шкуры его сделай себе одежду на спину". Вдруг одна из женщин закричала: "Что за шум? Слышали или нет? Переплыла одна важенька дикого оленя с маленькими рогами и с двумя телятами, поколку пропустили". Я один вышел из чума и увидел один передний рог. "Угадай", - сказали. Я: "Однако, из шкуры такого дикого оленя, наверное, будет мне нагрудник". - "Верно, - сказала женщина. - Все три диких оленя вместе проплыли - их шкуры все пойдут на нагрудники. Из шкур этих телят, когда они вырастут, сошьют себе нагрудники твои дети - в будущем шаманы. Для этого и пропустили их. Если такого дикого убьют, этот дикий олень и будет диким оленем (шаманской) одежды. Жир его не будут есть, а сохраняя, будут бросать его в огонь. Людям можно будет есть только мясо этой важеньки. Вот вы пойдете трое, ты, самоедский сын, увидишь впереди чум. Если род будет голодать или ты сам будешь голодать, будучи шаманом, приходи ко мне, от меня получишь. Ну, уходите от меня, ничего больше не услышите. Найдете на берегу два чума. В одном чуме будет слышен плач, в другом будут лежать только умирающие. Туда, други, не заходите. С этого места вы пойдете врозь. Будете следовать по мучительному месту, по другой стороне воды. У меня есть хитрая вещь для переправы, не ветка и не дерево, а дикий олень, имя ему бызынка. Он сразу переправляет через воду трех людей. Все трое, усевшись верхом на него, переправитесь. Этого дикого оленя подарю тебе. Никому не отдавай его. Когда будешь приходить к этой воде, будешь кричать: "Быдынка, где ты, приди", - тогда он появится и ты на нем переправишься ко мне". Женщина, выйдя из чума, подойдя к воде, стала из нее какую-то веревку тянуть. За веревкой вышел олень. Женщина, целуя и нюхая его: "Вот этому ребенку прислуживай, - сказала. - До этого он был ленивым". Когда уселись на него верхом, глаза на нем завязали. Понеслись, только в ушах засвистало.

Как будто к чумам подъехали. И а одного чума слышался плач, из другого неслись смертные крики. Оленя отпустили. Один чум имел богато убранные нюки, другой тоже, но черные нюки. На дымоходе, как у чистого чума, были воткнуты головы оленей с рогами. Прибыв сюда, вошли потихоньку, мои спутники не хотели заходить. Войдя, я увидел на правой стороне сидящей

⁶⁹ Обувь из оленьих камусов.

длиннолицую белую женщину. Она спросила: "Что за гость? Это, наверное, потерявшийся бедняга-сирота, снабдившись руками, ногами, глазами и ушами, прибыл. Вот семь лет ты сходил с ума. Хорошо, что ты получил подарки, чтобы не поскользнуться, одел обувь с железками. Чтобы тебе поднять больного на небо, дали наголовник. Хорошо, что твой голос сюда доходит. Потому ты имеешь прозорливые глаза, что получил подарок. Говорили, что там тебя мучили, снабдили тебя глазами. С этими глазами ты пришел, значит". Как огляделся, оказывается, около меня спрятались мои спутники. Я им говорю: "Дайте мне потихоньку палку". Дали. Я ударил палкой по жерди чума и сказал: "По обе стороны отсюда покато, с этого места выздоравливающие выздоравливают и умирающие умирают. Вероятно, ты и есть

107

дух этого места". Она сказала: "Да, верно". Здесь, можно сказать, я ее заставил камлать. "Ты, наверное, божество, создающее шаманов и людей", - говоря, опять ударил по жерди. Она опять вздрогнула, значит я угадал. "Вот на дымоход посмотри, твой дымоход такой же. Если с новым чумом будешь камлать, от меня станешь (камлать). Из этого дерева двухголового шайтана делай (наверху чистого чума такое же изображение, как над ее чумом)". "Хоть ты не говоришь: 'ты будешь шаманом', ты дух шамана и дух шайтана". Женщина сказала: "Если станут делать изображения лица, пусть обязательно сделают с глазами и ухом, ему молись. Куда пойдете отсюда?". - "Не знаю дороги". - "Вы не по дороге пойдете. Как увидите, будут расти три дерева. Первый из вас пойдет по дуслу одного дерева, второй из вас пойдет по моей гортани, третий пойдет, карабкаясь по дереву. Я живу ведь не в чуме, а внутри дупла. Когда от меня по дымоходу пойдете, разве вы лучше меня станете? Вы, наверное, заночуете на развилке дымохода. Разве вы не унесете моего чума? Вы воры, наверное. Надо подумать, если станешь шаманом, выйди туда. 'Дух теленка (оленья) дай' говоря, место для молебь устраивай. Так хорошо чистый чум будешь устраивать. Однако мы с тобою поделились, ты унес половину моего огня. Ну, ладно, неси". Я спросил у спутников: "Пошлете ли меня в другой чум?". Спутники: "Зачем?". - "Как не пойти, если когда-нибудь у них придется гостить, разве плохо будет?". Женщина сказала на это: "Ладно, иди, ты должен все узнать".

Пошел туда, думал, богатый чум, оказалось, что все это только на чум похоже. Вереницы санок - одни только обломки, где полнарты, где и меньше, где полустгнившие, где половина оленьего скелета. Неверно, когда говорят, что умерший к своему богатому наслегу⁷⁰ приходит. Умер - и только. Обхожу вереницы санок. Я один вошел в чум, сидит женщина. За каждым шестом чума воткнуто по одной травке с белой головкой. Пройдя перед женщиной, уселся в глубине чума. Она грубо спросила меня: "Угадай, кто я?". - "Я хоть и не знаю про твое происхождение, но скажу. Все умирающие через тебя уходят. На улице нарты твоих соседей, ты же сама не соседка, а пожирающая". "Да", - сказала она. Я: "Ты, оказывается, крадущая дыхание людей". - "Да". - "Ты, значит, низвергающая людей?". - "Да". На другой стороне чума очень много разной величины ящиков. Я прямо ругаюсь с ней: "Ради чего ты здесь кладешь пустые ящики, наверное, на еду себе кладешь?". Уворованное дыхание людей кладешь, наверное. Но как бы то ни было, ты не умеешь воровать. Если шаман придет, будет тебе конец. Травы с белыми головками - это, наверное, ресницы умерших людей. Что ты мне даешь, какое знамение, чтобы знали, что я был у тебя?". На это она трижды отрезала по кусочку от своего переносья и бросила мне. Оказались они тремя сгустками крови. "Я это делаю для того, чтобы ты, придя сюда, просил от меня совета". - "Напрасно я с тобою ругаюсь, оказывается". Затем она взяла белые головки трав, покатила их на ладони и

⁷⁰ Наслег, т.е. род (слово заимствовано от якутов).

сказала: "Хотя я испугалась твоих слов, но возьми себе вот эти семь клубочков шерсти и уходи".

Я вышел и вошел в прежний чум. Услышав, что я пришел, спросили: "Что взял?". Я сказал: "Ничего не дала". На это хозяйка чума сказала: "Как вы думаете, что принес ваш спутник? Он принес ведь ресницы семи людей - это и скрывает от нас". - "Ну, угадала", - сказал я. Хозяйка чума сказала: "Что ты унесешь от меня в подарок?". Достала два бубна величиною с кольцо. Один бубен был новый, другой старый. "Который бубен возьмешь?", - спросила. Я сказал: "Старый бубен". Женщина сказала: "Хотя ты и старый бубен взял (новый бубен берут молодые шаманы), он как будто ветхий, ненужный, однако и дерево для него есть". Взяв бубен, я по дымоходу вылетел.

108

Когда через некоторое время оглянулся, увидел, что мои оставшиеся спутники, по-птичьему гогоча, улетают. Где теперь я буду, не знаю. Мои спутники улетели, я остался один. "Наверное, это есть то место, где мне надлежит получить воспитание", - сказал я. Не знаю, куда деваться, растерялся я, должно быть, даже с ума сошел.

Когда пришел в себя, оказывается, лежу в своем чуме около очага. "Вот я болею, лежал, оказывается, а думал, что где-то был, по-хорошему не ходил. Я вас (домашних) только что узнал. Что вы станете делать, если я снова уплыву, совсем умру? Четыре жертвы (контэ) принесите, четырех жизней лишите: двух собак и двух оленей", - говорю. Все это очень смутно помню. Потом я вижу, что два моих спутника через двух убитых оленей перескакивают и говорят: "Кто бы ни был шаманом, камлая верхнему миру должен шаманить, выйдя через дымоход". Слышу дальше мои спутники говорят: "Давай пойдем неводить (ловить сетями) диких оленей". Я больной лежу, куда с ними пойду. "Когда-то мы слышали, что есть три матери диких оленей, пойдем за ними. Если найдем их, станем ловить неводом", - сказали. Поэтому я с двумя людьми камлаю, если я ошибусь, поправляют они меня.

Они пошли и как будто бы я с ними пошел. Вижу на середине лайды растянута сеть, куда мы загнали трех диких оленей. У одного из них был рог, направленный вперед, Я узнал всех этих диких. Загнали оленей и всех их убили. Двух телят взяли себе мои спутники, одну большую важенку отдали мне. "Ну, друг, сделай себе из его шкуры нагрудник и камлай. Когда станешь камлать, заставь убить такого дикого оленя, на него и опираясь будешь, камлая, в верхний мир подниматься". - "Что я буду делать с этой важенькой?". Я стал шаманить, спутники мои поучают. Когда вышел, увидел, что уже давно молодой человек освежевал дикого оленя. Смотрю, что такое на голове? [А это] бубен, полученный мною. Бубна дерево это не дерево, а рога, выросшие из головы оленя. Вот я к рассказу о бубне пришел. Поэтому дерево кричит, что от дикого оленя происходит. Подойдешь к первому дереву - обманное, второе дерево схватишь, это дерево, как у человека, имеет суставы и мускулы, третье дерево закричит. "Это дерево не трогай, оно для другого шамана. Ты худое дерево, худо пахнешь", - скажешь и выпустишь первое дерево. Подойдешь ко второму дереву, оно очень уже прячется, то за одно, то за другое дерево. Пойдешь за ним, будешь гнаться. Опять дерево приблизится, захочешь его схватить, обманное дерево окажется. Опять в сторону отскочишь, дух-хозяйка дерева скажет: "Зачем не поймал, ты бы стал большим шаманом". Этот дух лжет, чтобы я снова поймал дерево. Вот опять подойдешь к третьему дереву, оно тихо говорит, не шевелится. Вот схватишь его. Тогда оно скажет: "По обеим сторонам я имела два столба, две стены, их не поймавши, ко мне пришел. Я имею считанные ветки". Спутники сказали: "Будешь ли с сучками?". - "Да, с сучками", - я отвечаю. "К тому это, что ты впоследствии будешь с костюмом с кистями, оно (дерево) с сучьями стало. Когда камлаешь, часто к этому месту приводят, и ты должен сказать, что это единственное дерево, из которого делаются бубны и шайтаны. Каково бывает происхождение духа этого дерева? Когда делаемся шаманами, от этого дерева берем начало. Это

дерево должно иметь одну сторону высохшую, другую живую". Проводя меня к этому дереву, опять заставляют сходить с ума. "Зачем мучаете? - говорю. - Как будет впереди?", - спрашиваю. Я говорю, и все это заставляют говорить, мучая, я говорю с плачем, так что бываешь и не рад, что ты шаман.

Вот и все. Когда шаман молодой, у шамана глаза бывают острые, теперь ничего не вижу. Когда камлаешь, никакой пользы не приносишь, спотыкаешься. Когда сам заболею, камлаю, ни до какого места не дохожу, больному камлаю - во все места дохожу..." [далее см.: Попов, 1936, 84-94].

109

Каждый шаман выполняет свои функции с помощью духов-помощников, которых бывает бесчисленное множество. По словам известного шамана Дюхадие, действительно полезных среди них всего несколько. Главные духи-помощники - души шаманов-предков по отцовской и материнской линии. Большинство второстепенных духов-помощников шамана - обманщики. Среди этого множества бесполезных духов бывают три духа-начальника, которые, если духи-помощники начинают вести себя нехорошо, завязывают им руки путами и запирают в особое помещение... [далее см.: Попов, 1936, 97-98].

Шаман Дюхадие стал знаменитым, имея предками необычных шаманов, их духи и сделали его большим шаманом. Вот что передавали мне о предках Дюхадие: "Стал приходить волк и поедать оленей. Ничего не могли поделаться. Вот шаман и сказал: "Я его все-таки изловлю, волк, как и всякие животные, имеет ведь свою мать". И стал три дня камлать, а потом сказал: "Волка я вселил в свою жену, вот увидите, какой родится ребенок". Родился хвостатый ребенок - дед Дюхадие. Он стал знаменитым шаманом и до самой смерти ходил с хвостом. Вот его-то шапку ты и видел у Дюхадие".

Духи-помощники шамана бывают антропоморфными и зооморфными. К последним относятся дикий олень, волк, медведь, гагара, кулик, гусь, лебедь и др. Шаманы пользуются ими при всевозможных случаях. Часто, воплощаясь в них, путешествуют по верхнему или нижнему миру или посылают их для исполнения различных поручений. Иной раз духи-помощники не слушаются шамана, боятся спускаться в нижний мир для поисков души. Там их пытаются съесть умершие люди или они боятся холода. В этих случаях некоторые шаманы, чтобы не потерять своего авторитета, пускаются на обман. Камлая над больным, они на самом деле не доходят до похищения души, хотя и говорят на словах, что они дошли, обманывая присутствующих. Те, не зная шаманских уловок, верят этому. Чтобы этого не случилось, приглашают в качестве зрителя тайком другого шамана. Камлающий шаман при нем не решается на обман... [далее см.: Третьяков, 1869, 426-427].

Нередко, рассердившись на кого-либо, шаман может наслать смерть, как выражаются нганасаны, "может съесть человека", т.е. убить его с помощью своих духов-помощников.

"У нганасана Сахар заболела жена брата. Брат пригласил камлать Дюхадие. Тот, камлая, стал нырять, превратившись в волка. Когда он лежал навзничь, Сахар сказал: "Не верьте ему, он ничего не знает, обманывает. Он все равно не спасет мою сестру. Я иногда вижу сны, и вот ночью видел следующий сон: лежит она, ноги ее пятками направлены к югу. Рядом с ней стоит женская нарта. Я не знаю, какая у моей сестры нарты, но байки у нее сломаны и залатаны. Сделана она из ели. Как он ее спасет?". На это шаман, рыча по-волчьи, стал говорить: "Дайте мне плату за камлание 9 оленей, черный нюк, вторую лунообразную медную подвеску с нагрудника больной". Сахар на это сказал: "Ничего ему, обманщику, не давайте". Как только Дюхадие кончил шаманить, женщина

110

умерла. Дюхадие стал просить: "Хотя бы одного оленя мне дайте". Ему не дали. Шаман ничего не сказал. На следующем стойбище через три дня умер здоровый муж умершей. Это съел его Дюхадие. Сахар, говорят, даже хотел подать на него в суд".

Такая сила шаманов заставляет к ним относиться с большой опаской. "Джатобие, вероятно, совершил что-нибудь предосудительное, - говорили мне нганасаны. - У него волк съел четырех оленей. Это, вероятно, сделал шаман Черие, который живет вместе с ним в одном чуме. Он обиделся на Джатобие, что тот не делился с ним добычей". Такое предположение было высказано, несмотря на то что Черие приходился близким родственником Джатобие.

"Иногда шаманские духи бывают очень пугливыми. Испугавшись, они набрасываются на душу человека и проглатывают ее. Вот почему стараются не пугать шамана. Был у нганасанов очень пугливый шаман Ася. Однажды, когда он, съев человека, вышел к своим оленям, мой отец, ударив в лицо, окровавил его. Такое средство предохраняет от смерти пострадавшего от шамана. Затем, когда мы были детьми, на улице играли "в оленей". Вдруг приехали самоеды. На беду - я всегда был сорванцом - посоветовал приятелям: "Нуте, ребята, войдя в сени, спрячемся и испугаем самоедов". И вот спрятались в сенях, и когда самоеды стали входить, я вдруг выскочил им навстречу и закричал: "Хам!". Передний самоед тоже закричал: "Хам!", упал на спину, затем встав, быстро скинул с себя совик и вошел в избу. "Ну, друг, садись чай пить", - сказали. На это наш человек сидит и молчит, не пьет, икает время от времени. На это старик Герасим сказал: "Ну что-то такое странное случилось с нашим человеком". Мы же все молчим и ничего не говорим, как его напугали. Вот когда он так сидел, вошли в избу приехавшие с ним самоеды. Они сказали: "Ну, скорее поторопитесь, заставим его блевать, наш шаман проглотил человека. Подайте веревку". Взяв веревку, эти два самоеда затянули живот шамана петлей, затем, положив на пол перед ним кусок снега, стали затягивать петлю изо всей силы, упираясь в живот ногами. При этом шаман распевал, затем выблюнул на снег клубочек человеческих волос. Тогда собрались было отпустить его, но потом сказали: "Наш шаман обманывает". Не освободили его. Взяв клубок, стали сравнивать его с волосами присутствующих - к волосам ни одного из них не подошел клубок по цвету. Тогда опять стали затягивать веревку. Опять шаман выблюнул клубок волос. Опять стали его сравнивать с волосами присутствующих. Волосы по цвету подошли к волосам ребенка старика Герасима. Тот ребенок вскоре умер. Мы думали, оттого, что Герасим перед этим сильно избил этого шамана" (долган Степан Дураков).

Духи шамана не выносят никакого осквернения. Нельзя, например, беременной женщине пересекать дорогу, по которой провозят шаманские атрибуты. За это духи шаманов строго взыскивают. Дочь Дюхадие начала было сходить с ума, чтобы быть шаманкою, но вышла замуж и лишилась шаманского дара. Теперь она рассказывает, что как только стала рожать детей, стала нечистой, все шаманские духи ушли от нее, и поэтому она перестала быть шаманкой.

111

Шаманы, как люди избранные, владеющие особым даром, несвойственным обычным людям, считаются способными творить чудеса. Так, например, известен следующий рассказ о воскресшем шамане.

"В старину жил один шаман по имени Самуо. Пришел Оспа, все заболели, никто не остался в живых, кроме одного молодого человека. Он сбежал, аргишил и где-то в укромном месте поставил свой чум. Среди умерших был его старший брат. Человек продолжал аргишить. Было это весной. Прибыл на реку. На другой стороне виднелись чумы, но до них никакие крики не дошли, так далеко они стояли. Молодой человек поставил свой чум на берегу. Живет один в чуме, кто же к нему придет? Однажды днем послышался шум от топанья пяток и

кто-то кашлянул. Лежит в чуме молодой человек и слушает, бежать было некуда. Откинулся полог входа, и вошел человек, умерший старший брат. Как пригляделся, у брата одной щеки не оказалось - съели мыши. Умерший уселся рядом с братом и сказал: "Ну, брат, что ты знаешь? Нет ли человека здесь?" - "Нет. Кого же увижу? С тех пор, как вы умерли, никого не вижу", - ответил молодой человек и продолжал: "Ты Расскажи мне, какие вести? Как ты сумел вернуться? Кто тебя привел?". Брат ответил: "Хотя я и пришел сюда, дружок, не знаю, кто привел, пришел и нашел тебя". - "Как же ты сумел прийти и показать свое лицо? Пришел ли сюда, чтобы куда-нибудь отправиться?", - спросил молодой человек. - "Прибыв сюда, куда я уйду? Куда-либо отправиться нет мысли", - ответил брат. - "Я тебе как-то не верю. Ты ведь умер, поэтому и спрашиваю. Не в самом деле пришел ты, думаю, пришел ты напугать, думаю. Хотя мы с тобой и здесь, но, не найдя других людей, наверное, умрем. Чем мы будем питаться?". На это брат: "Наверное, умрем, никак не могу решить, как поступить". Наступил вечер, сказали: "Надо спать". Брат предупредил: "Ночью ты что-то услышишь, смотри же, закройся одеялом, не гляди, слушая потихоньку, не шевелясь". Уснули. Через некоторое время шум от всплеска воды послышался. Думает: "Не открыть ли одеяло? Нет, лучше послушаюсь совета. Очень уж сильный шум от воды". Через долгое время все утихло. Полежав еще немного, молодой человек раскрыл одеяло и увидел через дымовое отверстие, что уже наступил полдень. Вылез из-под одеяла, оделся и вышел, стал смотреть на воду.

Чум стоял на южном берегу реки, теперь оказался на северной стороне. Стал оглядываться: "Как же это так, неужели я потерял рассудок?". Подивился. Вошел в чум и стал молча думать: "Странно, однако, что пришел ко мне мой старший брат. Как же это мы переправились на ту сторону?". Спросил у брата: "Как это мы там жить будем? Я видел, что чум был на той стороне, а теперь на этой. Не отправиться ли мне туда?". Брат ответил: "Как же не отправиться, иди. Может, вести принесешь какие. Хотя ты к ним отправишься, все же они неладно живут. Я тебе расскажу, как они живут. Один человек у них умер". Вот молодой человек отправился, до чумов дошел. Около чумов ходил один человек. Он, увидев нашего человека, подошел к нему и спросил: "Откуда пришел?". На это получил ответ: "Хотя я и пришел к тебе, но не с хорошими вестями, не от добра пришел. Что я тебе расскажу? Я сначала был один, оставил брата умершим. Когда прибыл к реке, он меня догнал. Я не мог прийти к вам, река служила препятствием. Уснули, и вдруг мой чум оказался на этой стороне реки. Вот я и пришел. Если бы брата не было, я бы не мог прийти к вам. Вот и все вести. Как вы живете, благополучно ли?". - "Ну, дружок, плохо живем, - сказал человек. - В этом стойбище был советник (старейшина). Вот у него дочь умирает, едва-едва бьется у нее сердце. Всю погребальную одежду на нее набросили".

112

Вот гость, войдя в чум, увидел больную. Смертная одежда была наброшена на нее, мать сидела рядом, приложив руку к сердцу дочери. Домохозяин спросил гостя: "Откуда и каким путем прибыл? С какою цепью пришел?". Гость ответил: "Хотя я и пришел, но не по-доброму. От умерших я пришел к тебе. Я сюда прибыл один, стал стойбищем около реки, ко мне пришел мой брат. Вот мы уснули. Разве по-хорошему уснем? И вот утром оказались мы на этой стороне реки. Вот я и пришел". Услышав это, домохозяин подумал: "Брат его не шаман ли?". И спросил: "Не пойти ли мне к твоему брату попросить пошаманить над моей дочерью?". Гость ответил: "Вот ты, домохозяин, хочешь отправиться к брату. Когда ты придешь, ты так поступи. Ты не проси его как шамана. Войдя, ты не смотри ему в лицо, сядь рядом и говори: "Что-либо видишь ли во сне?". Спроси в виде загадки, обиняком: "Вот мука-то, я живу очень плохо, хоть спросить людей, хоть бы сновидцы пришли". Затем скажи: "Почему ты не придешь в гости ко мне в чум?". Так шамана зови, а то может он не прийти. Если так позовешь, может, он и придет".

Домохозяин пошел к умершему и поговорил с ним, как советовал младший брат. Воскресший брат согласился. Когда пришли к чуму больной, отец ее вошел первым, сел около своей дочери и обратился к гостю: "Ты, гость, садись сюда". Гость уселся, посмотрел в сторону больной, приоткрыл смертные одежды и дунул ей в рот, уши и, закрывшись ее смертной одеждой, улегся рядом и заснул. Под вечер, когда солнце зашло, гость трижды громко засвистел. С первым свистом больная пошевелила рукой, со вторым свистом ступнями пошевелила и с третьим свистом больная уселась. Гость тоже уселся. Девушка сказала: "Долго же я спала. Кто разбудил меня?". Вот все обрадовались и после еды оживленно стали беседовать. Домохозяин сказал: "Человек наш, я думаю, уже вступил в страну солнца. Сильно ты нас обрадовал, умершего человека солнцу вернул. Я уверовал в тебя, если бы ты не пришел, не воскресла бы она. Если ты желаешь, можешь жениться на ней". На это гость ответил: "Нет, ты не ладно говоришь. Я только что начинаю становиться шаманом, и я не имею соизволения брать в жены мною исцеленных. Я еще не вполне стал шаманом. Вот ты нас пожалел, наверное. Нас только двое, ты не жени меня на своей дочери, вот лучше отдай ее моему младшему брату". Отец девушки согласился. Братья приаргишили, и младший из них женился на воскресшей девушке.

После этого старший брат, как ни уснет, все по-шамански поет. Когда огонь разожгут, понимать стал, как огонь говорит. Вот люди, прислушиваясь, как во сне этот человек поет, стали говорить: "Видно, он стал шаманом". Вот через некоторое время старший брат сказал: "Ну, друзья, я без всякой парки, вы поверили мне, что я шаман. Я не скажу, из шкуры любого дикого оленя сшейте мне парку, сшейте из шкуры дикого оленя с приметой. Из шкуры такого же с приметой дикого оленя сделайте бубен. Предназначенный мне дикий олень будет иметь рога крестом. Или один или другой рог с развилками в противоположные стороны". Таких диких оленей убили, облачение снарядили. Тогда он стал камлать и прибыл на то место, куда попал после смерти. Он сказал: "Вы видите, что у меня одна щека мышью изгрызана. Когда я, живой человек, умер, мою щеку изгрызла мышь. Это не маленькая мышь, а мышиная мать, большая мышь. Ее нора находится под землей. С помощью ее я нашел брата, с помощью ее переправился через реку с чумом. Она такая большая, что на ее спине и чум и все вереницы санок уместились. Мое имя должно быть Бызе хўнси нэ" (через воду переправляющийся шаман ['внутренности воды шаман']). Потомком этого шамана и был Само. Камлая при большой болезни, он заставлял стрелять в себя из винтовки и ловил рукою пулю" (Нерюе Ндгомджа).

113

Но шаманы проявляют себя чудесами не только при жизни, но и после смерти.

"У таймырских самоедов был знаменитый шаман Сутуруо. Он умер от эпидемии. Так как умерших во время эпидемий не хоронят, он так и остался с чумом. После его смерти в продолжение трех лет он являлся в гости в те чумы, жителям которых надлежит умереть. Приезжал на нарте, не разговаривал и после угощения уезжал. Люди не знали, как от него избавиться. Решили, наконец, вечером подкрасться с солнечной стороны четырем стрелкам под прикрытием деревянных щитков. И вот, когда они стали подкрадываться, увидели, что вышел из чума человек с бубном в руке в шаманской парке и направился к грузовым нартам. Когда один из стрелков выстрелил, шаман превратился в оленя с ветвистыми рогами и пошел на него. Тогда один за другим выстрелили четыре стрелка, олень упал. Пошли посмотреть и вместо оленя нашли шаманскую рогатую шапку. Когда подошли к шаману, на ногах были оленьи копыта. Взяли, выкопали яму и стоймя, вниз головой, опустили труп его и закопали. И с тех пор он перестал появляться.

Отец [долгана] Ивана Кожевникова Михаил в молодости поехал к самоедам выменивать оленей. Возвращался вечером. Пришлось ему ехать мимо ледовки⁷¹ Сутуруо. Он это знал. Вдруг слышит, кто-то едет сзади. Оглянулся, едет самоед, позвякивает колокольцами, только у него упряжь уж очень нарядная. Иван подумал, что это действительно едет кто-то из самоедов. Человек все едет следом за ним. Наконец Иван остановил оленей, поворотил нарту и говорит по-русски: "Здорово, друг, откуда пришел?"⁷². Встречный его передразнивает: "Здорово, друг, откуда пришел?". - "Что за странности?", - думает про себя. Встречный ему думу вслух повторяет: "Что за странности?". Тут у Ивана по спине дрожь пробежала, и он пустил оленей вольно. Едет и думает: "Вот я пропал". А спутник, следуя за ним сзади, повторяет: "Вот я пропал". Что он ни подумает, спутник вслух повторяет. Наконец, Иван поворотил оленей и сказал: "Будь ты проклят, человек ты или бес, пропади, тьфу!", - и перекрестился. Человек без слов исчез. После этого Иван не помнит, что случилось. Очнулся, лежит, оказывается, в чуме. Около него сидит человек с длинными волосами и говорит: "Этот человек ехал мимо ледовки, и его испугал ляд (дух) из ледовки. Через три дня меня опять позовите шаманить. У меня вера-то такая, что, когда я знаю, что позовут меня, в чуме совсем не бываю. Даром, увезите мой костюм, когда-нибудь приду шаманить". Это был шаман, отец старика Семена. Ивана нашел и привез мой отец" (долган Еким Лаптуков).

Литература по шаманству, особенно старая, описывает шамана главным образом как лекаря. Но это далеко не так. Функции его

114

чрезвычайно разнообразны. Такое же ограничительное изображение деятельности шамана в литературе объясняется весьма просто тем, что исследователям приходилось сталкиваться с шаманом именно как с лекарем. Тщетно мы старались бы перечислить все те случаи, когда обращаются за помощью к нганасанскому шаману. Но для примера упомяну о некоторых из них.

В основном функции нганасанского шамана связываются [со следующим].

1. Лечение болезней; сюда же, например, можно отнести и камлание при плаксивости ребенка (в этом случае шаман пропускает ребенка через отверстие расщепленного дерева хутту и завертывает его в шкуру белого олененка.

2. Охота и рыболовство; шаман, испытывая удачный промысел песка, приносит в дар духу-хозяину песцов щепки и взамен их выпрашивает песцов; при испрашивании промысла диких оленей шаман дарит духу-хозяину чучело, сделанное из шкуры оленя... [далее об исследовании оленьих переправ см.: Третьяков, 1869, 434].

Весною, перед самым прилетом гусей, шаманы совершают камлание, чтобы показать свое шаманство своим вновь прилетающим птицам-духам и просить мать, делающую лето, чтобы было много птиц. Осенью, когда птицы улетают, шаман тоже камляет, говоря: "В будущем году, когда будете прилетать, прилетайте, теплом дыша, при отправлении хотя бы половину своей теплоты оставьте, чтобы подрастающему поколению и сиротам было жить тепло". Когда шаман камляет духу-хозяину воды, он не может подойти к нему близко, издали кричит ему, чтобы тот дал рыбу в обмен на убитого пестрого или белого олененка.

3. Оленеводство. При испрашивании у божества Та-нуо приплода домашних оленей шаман получает от него несколько оленьих волосков, способствующих размножению оленей, и передает их для хранения человеку, попросившему его камлат. Для того чтобы охранить оленье стадо от нападения волков, шаман

⁷¹ Ледовка – так долганы называют нганасанские надземные погребения (от слова «ляд», обозначающего у долган злого духа) [однако выше сказано, что труп Сутуруо был закопан].

⁷² Долганы разговаривают с нганасанами по-русски.

обращается с жалобой на волка к его духу-хозяину Нүлязэ нуо, ледяному волку с получеловечьей-полуволчьей головой.

[Кроме того], шаманов просят разыскивать воров. "Я видел, - передавал мне Уранник, - одну шаманку, как она находила вора. После особого камлания на этот случай она всех присутствующих усаживала вокруг и, заставив завязать себе глаза, обходила каждого, обнюхивая руки, подобно собаке. И подойдя к вору, обнюхав его, выводила из круга за руку и передавала потерпевшему".

При укрощении пурги шаман отправляется просить духа пурги и удушает ему собаку. Это вполне понятно, так как вред, приносимый пургами, чрезвычайно велик, не говоря уже о том, что в это время замирает почти вся хозяйственная жизнь охотников-оленоводов, каковыми являются нганасаны; нередко застигнутые врасплох пургой сбиваются с дороги, что грозит в тундре гибелью. В этих случаях тоже приходится обращаться за помощью к шаманам... [далее см.: Попов, 1936, 104-105, 106; о лечении см.: Третьяков, 1869, 433].

115

Запутывание духов болезней нганасанским шаманом является одним из способов лечения. В связи с этим мне вспоминается следующий случай. 6 февраля 1937 г. все мужчины уехали возить грузы торговых организаций в Хатангу, в стойбище я остался один среди женщин. Вечером из крайнего чума прибежали ко мне за помощью, так как жене Сидиптие сделалось дурно. Когда я пришел, она билась на руках двух женщин и что-то пела. Глаза у нее были безумные, она часто выкрикивала, смотря на меня. Сказали, что боится, и заслонили меня. В это время пришла соседка Сидиптие, старуха лет 70. Смотря на жену Сидиптие, она стала истерически хохотать, и ее пришлось отослать в другой чум. Я был бесполезен и ушел из чума. На другой день больная, хотя и была в сознании, но жаловалась на недомогание. Мне объяснили, что припадок случился тогда, когда в чуме, кроме нее, никого не было, все соседки были в гостях. Прошло несколько дней, больная не поправлялась. Мужчины вернулись обратно, позвали старшего шамана Черие. Мне не удалось быть самому на камлании, которое происходило 28 апреля, но мне рассказывали, что шаман начал с того, что спугнул духа, вселившегося в больную. Для этого он в самом начале камлания, сильно ударяя в бубен и крича, стремительно направился к больной, которая при этом стала испуганно кричать на руках двух женщин, удерживавших ее. Шаман обошел ее вокруг, справа налево, как бы схватил ртом вышедшего из больной духа и стал уже камлать, отправляясь в верхний мир. Такой способ лечения не всегда применялся. На некоторых духов это не действует и даже приводит их в ярость... [далее см.: Попов, 1936, 105-106; о камланиях см.: 99-104].

При процедуре высасывания гноя из раны шаманы заставляют закрывать себя, чтобы присутствующие не видели: духи шамана, помогающие ему высасывать из больного духа болезни, боятся многочисленных взглядов присутствующих.

После камлания над больным шаман говорит: "Через такое-то время больной поправится. Вы должны будете дать мне оленя такого-то вида и такой-то масти, который имеется у вас". Семья больного должна дать этого оленя. Шаман может запрягать этого оленя только в "чистые" нарты, но имеет право продать его или съесть. В некоторых случаях, когда больной поправится и после заболит вторично, шаман (при вторичном камлании) просит сделать больному постель из шкуры жертвенного оленя, снятой с головой и копытами. Это делают только с больными мужчинами, так как женщины как нечистые не могут спать на шкуре дикого оленя.

Шаману уплачивают за труды, смотря по соглашению, оленьями, шкурами животных, деньгами и т.д. Если шаман совершил удачное камлание над больной девушкой, то, при согласии родителей, вместо платы просит дать ее в жены. Так, у шамана Дюхадие двумя женами были девушки-сироты, взятые в жены за то, что он

избавил их от болезни. Рассказчик, передавая об этом, прибавил: "Наверное, Дюхадие, чтобы жениться на них, нарочно наслал болезнь". Говорят, что некоторые шаманы поступают так, если им нравится женщина... [далее см.: Третьяков, 1869, 434].

116

Надо сказать, что у нганасанских шаманов плата как таковая бывает вообще экономически весьма тяжела, и это вызывает осуждение у долган, шаманы которых часто не берут ничего за свои камлания. Обычно если больной не поправится, плату требуют обратно, что вызывает часто недоразумения. Бывают случаи, когда шаманы сразу же после камлания признаются в своей неудаче. В.И.Третьяков приводит примеры того, как шаман при всем своем желании бывает не в силах вернуть похищенную душу... [1869, 417].

Закливание шамана произносится на языке, малопонятном для присутствующих, изобилующем архаизмами. Кроме того, шаман часто выражается иносказательно, так что в некоторых случаях требуется разъяснение туоптата - шаманского подпевалы, обычно из стариков, человека, хорошо знающего шаманский язык и значение ритуала. Таким общеизвестным шаманским подпевалой был, например, у вадеевских нганасан старик Дютадие.

Шаманы не всегда надевают костюм при своих священнодействиях, мелкие заклинания они совершают только с бубном... [далее см.: Попов, 1936, 107-109].

XI. ШАМАНСКИЕ АТРИБУТЫ

Атрибуты нганасанских шаманов очень разнообразны. У знаменитых шаманов бывает до трех костюмов для определенных случаев. Мне удалось еще в 1930 г. описать три костюма авамского шамана Дюхадие. В настоящее время Дюхадие уже нет в живых, и в 1936 г. судьбу его шаманских атрибутов выяснить не удалось.

Один костюм Дюхадие надевал при камлании духам и божествам нижнего мира, второй - верхнего мира и третий - при камлании над роженицей. Все эти костюмы сшиты из шкур диких оленей, мездрую вверх, шерстью вовнутрь; шерсть пострижена, а мездра окрашена в желтый цвет суриком⁷³.

Костюм нижнего мира

Нойбизэ - наголовник, шапка (рис.1). Сделан из ровдуги дикого оленя. Состоит из полосы, сшитой в виде обруча, с нашитыми сверху, крестообразно, двумя полосками кожи, изображающими швы черепа. Полосы шапки окрашены суриком в желтый цвет. Полоса в виде обруча и другая, идущая вдоль головы, орнаментированы чередующимися треугольниками черного цвета⁷⁴. Все полосы по краям также окаймлены черной линией. И треугольники, и черные полосы расшиты по краям в виде тонкой линии подшейным волосом дикого оленя. Диаметр шапки 21 см. На самой верхушке шапки, на месте

117

скрещения двух ровдужных полосок, пришито ремешками железное изображение укудьяры - чернозобой [белоносой] гагары, направленное вперед. Изображение выковано из целой полоски железа, шея птицы перекручена, спинка орнаментирована зигзагообразной линией, заключенной между двумя прямыми; на крыльях - по паре сдвоенных линий, изогнутых под тупым углом. На задних краях крыльев полосы из прямых черточек, изображающие перья. На краях изображения сделаны зарубки, за исключением хвоста, украшенного зигзагообразными линиями.

⁷³ Все сведения о костюмах А.А. Попову давал сам Дюхадие. Местные названия в вариантах рукописи варьируют; здесь приводятся по рукописи (№ 34). – Ред.

⁷⁴ В качестве черной краски употребляется «черная земля» (графит?).

Рис. 1. Шапка, надевавшаяся при камлании духам нижнего мира

Когда шаману приходится камлать над большими болезнями и нырять вниз, дух болезней затыкает отверстие, через которое нужно опускаться ему, тогда гагара своим клювом выдалбливает отверстие, чтобы освободить загороженный путь.

Спереди на обруче шапки проходящими через отверстия ремешками пришта дянта - медная пластинка; козырек, полукруглой формы, согнут. В верхней его части семь выступов, изображающих лица

118

с выбитыми выпуклыми точками - глазами и носом, но без рта. Это изображения духов, помогающих в случае припадочных болезней. Когда шаман спускается вниз, достигает жилища мертвых и разговаривает с духами умерших, козырек, прикрывающий часть лица, скрывает его, чтобы духи не могли узнать, с кем разговаривают. На козырьке спереди хородятэ ['находящийся над лицом'] - железный рог наподобие оленьего. Шаман, ныряя вниз, разламывает этим рогом ледяную кору, мешающую продолжать путь. На лицо ниспадают кисти из красного и черного сукна с нашитыми бусами. Называются они тутайся - "защита лица" и защищают лицо шамана от бросаемых духами камней. Духи болезней бывают черные и красные. Черные кисти защищают от ударов черных духов, красные - от ударов красных.

С обеих сторон шапки, над ушами, пришта по медному кольцу. К кольцам подвязаны на медной цепочке бусы и по три длинных суконных ленточки, носящих общее название ку'быны - серьги (ими подвязывают голову страдающие головными болями), бадямуо - четыре медные полукруглые пластинки, ниспадающие на грудь, с семью выступами с изображениями лиц без рта. Этими пластинками шаман, переплывая реку в нижнем мире, расчищает шугу и освобождает себе путь. К концам ремешков, на которые нанизаны пластинки, привязаны два медных колокольчика, служащие путеводителями, когда шаману приходится проходить через темные места.

Бай [так называется длинная шерсть оленя, свисающая под его шеей] - ожерелье (рис.2), надевается на шею и пристегивается медной пуговицей. Это полукруглая медная пластинка бакэзэ ['шея'] с семью выступами с изображениями лиц без рта тэзэ" нуо" ['нечто прикрепляющее к себе'] - духов, смотрящих вперед.

Посредине пластинки выбиты в ряд точки, изображающие груди этих духов. В нижнем крае пластинки есть отверстие, через которое продеты девять ремешков с нанизанными бусами синего, зеленого, черного и других цветов. К концам шести из них привязаны хульчаптиза ['свисающие'] - медные пластинки, лезвия, различной формы и величины. Ими шаман на своем пути выскребает наледи. Лезвия привешиваются не все сразу, а по одному ежегодно.

Ними ['женская грудь'] - нагрудник (рис.3). Представляет собою кожаный четырехугольник трапециевидной формы с ровдужными кистями по нижнему краю. Надевают его на голое тело и привязывают ремешками. С наружной стороны он орнаментирован по краям и посередине черными полосками, расшитыми подшейным волосом оленя, изображающими в стилизованном виде грудную клетку. Нагрудник окрашен суриком в желтый цвет и служит для предохранения передней части тела шамана при скольжении вниз.

У верхнего края нагрудника пришта узкая и длинная полоса из желтой меди таазай - ключица. Под нею пришта другая, сыйбэ баса хорэ - 'семь медных лиц' [Иванов, 1970, рис.96, 3], тоже из желтой меди, с семью выступами с изображениями лиц без рта - духов, смотрящих вперед и подстерегающих враждебных шаману духов. Пластика орнаментирована ногтевидными линиями, служащими

119

тормозом при спусках шамана с гор нижнего мира. Под этой пластинкой пришта кольцо из желтой меди сондүся ['пришитый'] - единственный глаз, предостерегающий шамана от враждебных духов.

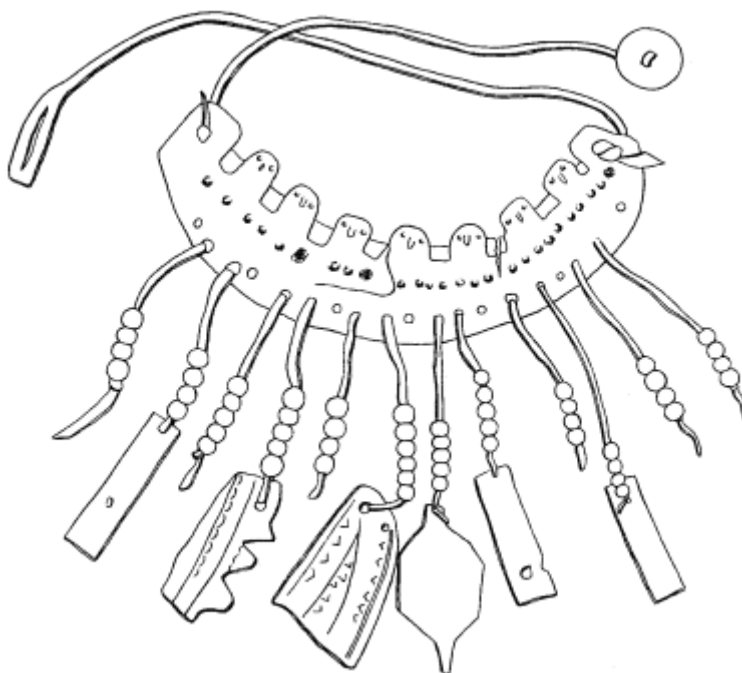

Рис. 2. Ожерелье, надевавшееся при камлании духам нижнего мира

Под кольцом пришта продолговатая, кончающаяся углом и согнутая посередине пластинка фамада [(?) возможно, кэмүзэ 'ловящий'] - округлость живота в виде лица с глазами из двух больших черных бус и с точечным орнаментом по краям, изображающим "швы тела". Значение пластинки очень велико: если шаман проглотит червя, подброшенного ему другим враждебным шаманом с целью причинения смерти, она помогает оторвать червя обратно.

Рядом с фамада, с правой стороны, пришито железное изображение нюоны, - гагары [Иванов, 1970, рис.96, 2]... Когда нырнувшему вниз шаману приходится подниматься вверх, он поворачивает это изображение в обратную сторону.

Над пуповиной пришит круг из желтой меди от звонка настольного будильника кйнтэ' - пупок, прикрывающий пупок шамана от ударов враждебных духов.

С правой стороны от кинте - кольцо из желтой меди, к которому на длинном ремне подвешена круглая пластинка, орнаментированная по краям точками, неймысыты - игольник духа. Каждый дух болезни имеет предназначенный ему игольник и смягчается, если шаман покажет его.

120

Рис. 3. Нагрудник для камлания нижним духам

Вклейка

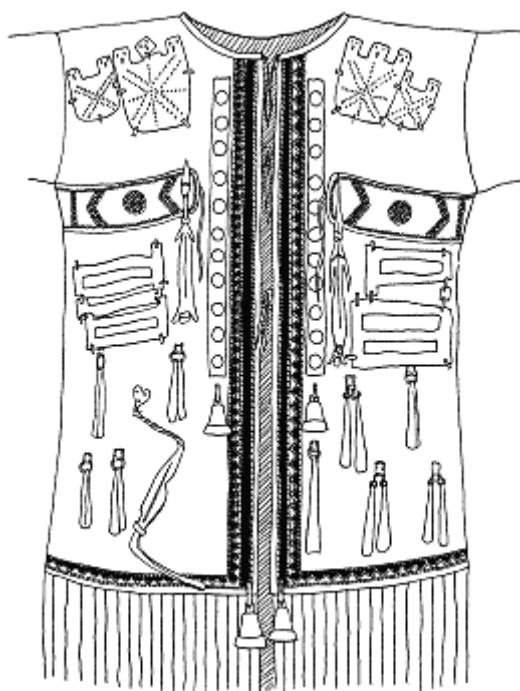

Рис. 4. Костюм (куртка) для камлания нижним духам. Вид спереди

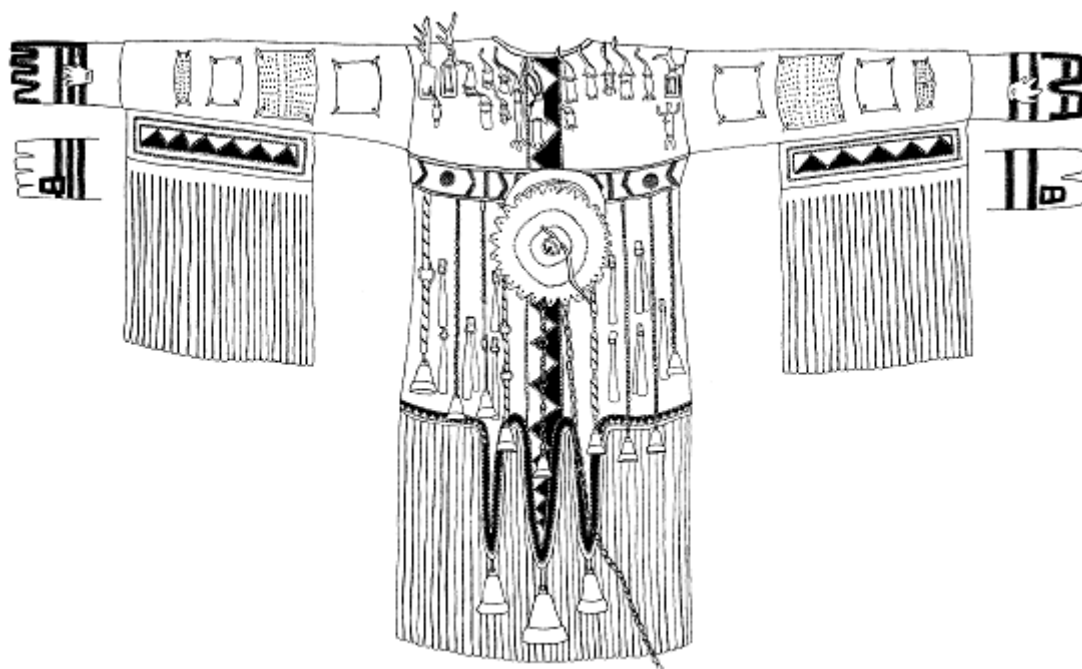

Рис. 5. Костюм (куртка) для камлания нижним духам. Вид сзади

121

Под кинте до самого нижнего края нагрудника, одна над другой, пришиты четыре полукруглых пластинки балямюо: из красной меди с пятью, из железа с пятью, из красной меди с девятью и из красной меди с семью изображениями лиц без ртов - духов, стерегущих путь шамана. Три нижних пластинки украшены точками - это звезды, указывающие путь шамана в подземном мире. Посредине нижнего края нагрудника над самыми кистями пришит скрученный кусок железа куруденся - половой орган быка дикого оленя. Посредством его олени, духи-помощники шамана, спариваются между собою во время гона диких оленей.

Поверх нагрудника надевается куртка (рис.4, 5) из шкуры дикого оленя. Она орнаментирована по краям черными треугольниками, расположенными между

линиями из двух швов из подшейного оленьего волоса, изображающими края шкуры с шерстью на месте среза. Кроме того, вдоль бортов тянется черная полоска. Внизу спинки - три выступа, из них средний длиннее боковых. Называются они сонтуза [основные хвостовые перья птицы или место, откуда они растут] - "замок земли" и служат для удара враждебного духа сзади. Посредине спины до начала среднего хвоста идет полоса из черных треугольников, расположенных между швами из подшейного волоса оленя, изображающая позвоночник. Спереди, вдоль бортов, пришиты две ленты из красного сукна с нашитыми медными пуговицами. Называются они хенсу⁷⁵ - швы ребер. Под мышки проходит ниэде - пояс, широкая лента из красного сукна, обшитая бисером. Пояс изображает цветное оперение птицы. На спине куртки к поясу пришиты подвески. Вдоль позвоночного хребта - железная цепочка с медным колокольчиком на конце, по ее сторонам два жгута из синей материи, толщиной с палец, перевитые винтообразно шитьем из подшейного волоса оленя. Жгуты состоят из коротких кусочков, соединенных бусами и медными кольцами. У каждого из них на конце колокольчик. С правой стороны три, с левой - две медные цепочки с колокольчиками на концах, на левой стороне такой же жгут, как и выше, и веревки. Жгуты, чтобы не болтаться, прикреплены в нескольких местах к костюму нитками. К нижней стороне рукавов пришиты прямоугольные полосы ров дуги, орнаментированные шитьем из подшейного волоса дикого оленя, окантовывающим треугольники, окрашенные в черный и желтый цвет, изображающие папороти крыльев. От них вниз идут кисти, изображающие крылья. Куртка также обшита по подолу кистями, изображающими перья.

Над ключицами пришиты - по две с каждой стороны - пластинки из красной меди, продолговатой и закругленной снизу формы. У одной из них три выступа с изображениями лиц без рта, у другой -

122

два.

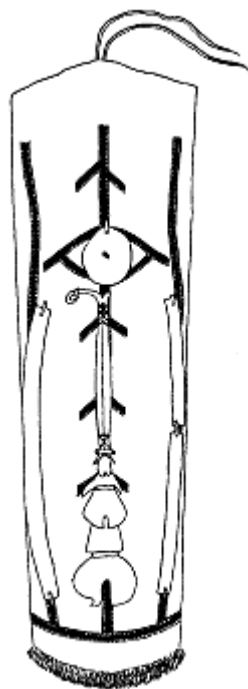

Рис. 6. Обувь костюма для камлания нижним духам

⁷⁵ Хенсу ~ хендү - нашиваемое украшение праздничной одежды нганасан, представляющее собой полосу ровдуги, окрашенной в красный цвет, с нашитыми на нее металлическими накладками. – Ред.

Пластинки называются морсыхузу ['плеч лямки'] - караульщики плеч и орнаментированы точками, изображающими чешую. К боковым частям куртки с обеих сторон пришито по одной пластинке из желтой меди со сквозными вырезами. Каждая из них сломана на части, соединенные между собой ремешками. Называются они кэйзэ - ребра и служат для защиты ребер шамана от ударов злых духов. Вдоль бортов с обеих сторон, параллельно суконным нашивкам, пришито по одному железному изображению гагары нюоны. Одно из них, правое, меньше другого. При помощи этих птиц шаман ныряет вниз, а также разрывает рану больного, чтобы высосать из нее гной. Внизу, с правой стороны, железное изображение кокэры - журавля, с сердцеобразной головой, перекрученной шеей и плоским хвостом. Журавль этот стережет отверстие, находящееся в земле, через которое выходит снизу болезнь.

Нижняя часть куртки спереди вся увешана конусообразными трубочками быдылән [?], изображающими перья. Некоторые из этих трубочек, железные, пришиты по одной, большинство же - парами на железном колечке. В этом случае одна из трубочек железная, другая медная.

На спине, между плечами, нашиты следующие железные изображения духов: кэукя - лоси с рогами, духи, бодающие злых духов; депту - гуси, помогающие шаману подниматься вверх; денкуйкя - лебеди [справа и слева от "отца гусей" и крайнее слева], они отвлекают злых духов, заставляя их гнаться за собой, чтобы они не мешали шаману; депту"десы - отец гуся [трехголовое изображение], им прокалывает шаман спину больного для высасывания гноя; момуну - по-долгански дянгугла - белоногие утки, русское название неизвестно, укудяры - полосатая гагара, без головы, оторванной

123

злым духом во время борьбы; Та нуо - олений бог [Иванов, 1970, рис.91, 1]). Посредине спины медный круг коу - солнце, с лопатообразными зарубками по краям, с изображениями человеческих лиц без рта, духов-хозяев лучей солнца. В центре круга два ряда точек, изображающие лучи. В середине круга прорезь, через которую пропущен ремешок с медным шаркунцом. Под этим кругом - другой, железный, обведенный линией из точек, изображающий кичезэ - луну (ограду луны). Посредине его приклепан медный [круг], изображающий собственно луну. Оба круга, коу и кичеда, привязаны к пришитому к спине куртки медному кольцу. К этому же кольцу прикреплен длинная железная цепь мэрсы быны - веревка плеч длиной 226 см. За нее держат или привязывают его шамана во время камлания. Нижняя часть спины куртки также вся обшита конусообразными полыми трубочками.

К задней стороне рукавов пришито по четыре пластинки: первая - медная, узкая и продолговатая, орнаментирована точками; вторая - медная, четырехугольная, несколько удлиненной формы; третья - большая медная четырехугольная, орнаментирована точками; четвертая - медная гладкая. Все они одинаково называются танказэ - "плечевая кость". Точки означают озера, в которых обитают и кормятся птицы - духи шамана. Когда шаману приходится проходить по дремучим лесам нижнего мира, ветви ударяют в лицо и приходится защищаться от них, подставляя руку с этими пластинками. Когда шаману приходится ползти по земле, они защищают руки.

К рукавам пришиты ровдужные перчатки, раскрашенные в желтый и черный цвет и расшитые подшейным волосом оленя в виде линий, изображающих кровеносные сосуды на тыльной стороне ладони. У правой перчатки пять пальцев, у

левой - три⁷⁶, у обеих концы пальцев остаются открытыми. Правой рукой шаман карабкается из преисподней, левую показывает духам нижнего мира, чтобы они доверились ему, как своему; у них самих три пальца, как и на перчатке. На тыльной стороне перчаток пришиты железки в виде распростертой ладони. На железке правой перчатки - точки, на левой - обломанные отростки. Называются они диниха - прожилки и служат для защиты рук.

Обувь (рис.6), длиною 68 см, с черными полосками, окрашена в желтый цвет и расшита подшейным волосом оленя. Полосы изображают кровеносные сосуды ноги. Спереди нашиты следующие подвески, линси - коленная чашечка, железная круглая пластинка; киңкэлы - кость голени, спереди граненая, орнаментированная линиями;

124

в ее верхней части два отростка, причем на подвеске правой обуви отросток сломан; снизу обе подвески оканчиваются раздвоенным плоским закруглением; внизу одна над другой пришиты две пластинки, изображающие копыта оленя, с их помощью шаман, подобно оленю, легко может, не увязая, проходить через зыбкие грязи нижнего мира; на боках пришито по две длинных пластинки из желтой меди.

Костюм верхнего мира

Шапка из желтой меди (рис.7).

Рис. 7. Шапка, надевавшаяся при камланиях верхним духам

У нижней части имеет вид обруча с четырьмя желобками. Сверху к ней прикреплены крестообразно две согнутые дугою медные пластинки. На месте их скрещения приклепан железный круг с массивными железными рогами. Спереди прикреплена пластинка - часть решетки медного самовара с четырьмя столбиками между вырезами с изображениями лиц духов без рта. К одному из них привязаны изображение голубя, очевидно, от церковной водосвятной чаши и старинная литая

⁷⁶ На рис. 5, проверенном А.А. Поповым, с подписью под рисунком, сделанной его рукой, - наоборот. То, что пятипалой перчаткой является левая, подтверждается и отдельными архивными зарисовками А.А. Попова, и материалом большинства известных сейчас шаманских костюмов нганасан (см.: Грачева, 1978, fig. 1 - back view, fig. 2 - front view, трехпалая перчатка - правая, на рисунках ошибка художника). - Ред.

медная бляха с растительным орнаментом. Спереди свешивается, закрывая глаза шаману, двадцать пять кистей из красного сукна. Через каждые две кисти ниспадает нить бисера, составленная попеременно из белых и черных бусинок. Сбоку, на месте скрепления, к нижнему кругу поперечной медной пластинки привязаны две литые медные бляхи с растительным орнаментом. Здесь же на длинном шнурке свешиваются с правой стороны медные шаркунец и цепочка, заканчивающаяся ромбовидной железкой с медным изображением человека с воздетыми кверху руками. С левой стороны ниспадают пять кистей - три из красного, две из черного сукна, [и

125

прикреплены] круглая медная пластинка с изображением человека и отдельно медное изображение человека на ремешке. Эта шапка почитается величайшей святыней всех авамских нганасанов, которые полагают, что бляхи и изображение птицы не сделаны руками человека, а ниспосланы чудесным образом добрыми божествами: их нашли очень давно шаманы-предки Дюхадие на лбу и на рогах диких оленей.

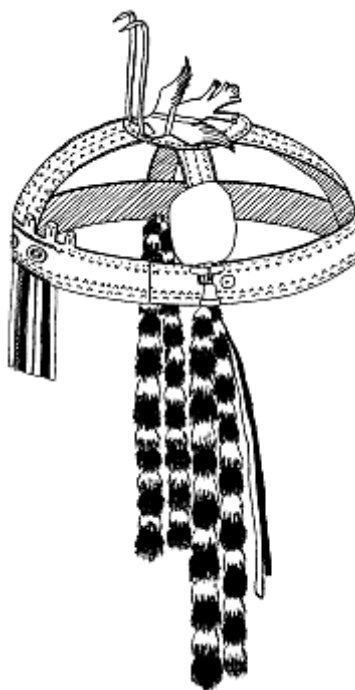

Рис. 8. Шапка, надевавшаяся при камланиях верхним духам

К сожалению, на этом обрываются мои сведения об этом интересном атрибуте в силу следующего неудачного обстоятельства.

126

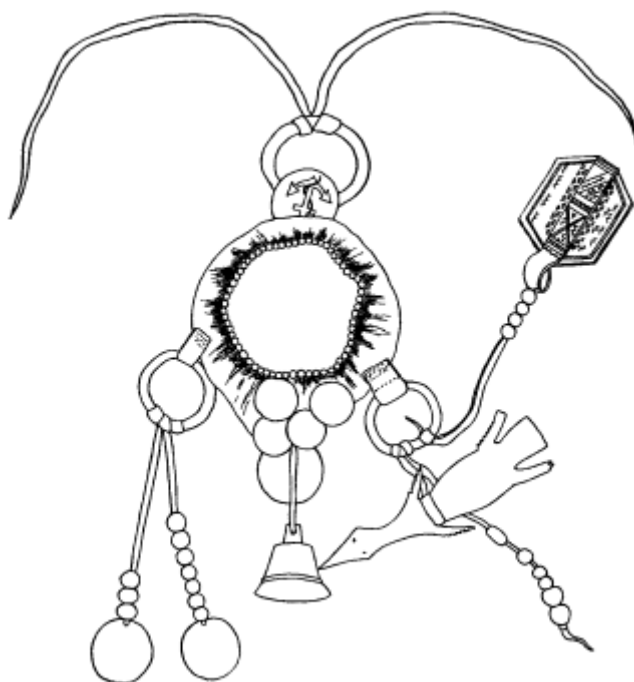

Рис. 9. Подвеска "оставленное стойбище" с нагрудника для камлания верхним духам

Шапку эту я видел еще раньше, когда Дюхадие надевал ее на празднике Чистого чума. Описывая шаманские атрибуты Дюхадие, я заметил отсутствие шапки и спросил об этом. Шаман сильно смутился, посидел некоторое время молча и как бы в раздумье сказал: "Ладно уж, пусть смотрит", - и велел сыну принести ее. Сын вышел, принес шапку в чум и передал ее отцу, но не так, как обычно передаются все вещи - под висящими над очагом жердями для подвешивания котлов, а, чтобы не осквернить, высоко подняв над жердями. Шаману подали кусочек жира, он бросил его в огонь и над дымом подержал шапку. Затем опрокинул бубен верхнего мира, поставил на него шапку и попросил меня не ставить ее на пол, подобно другим зарисованным вещам, так как она опоганится. Я сначала зарисовал общий вид шапки (приводимый здесь), затем, как обычно, перешел к деталям.

В это время вошел в чум живший рядом старший брат шамана и сказал мне: "Друг, худо ты делаешь". Я удивился и спросил у него, в чем дело. Он сказал: "Худо делаешь, эта шапка божество всей авамской орды, шибко большой, хороший шайтан. Тебя шапка-то тень унес, да и вся самоедская орда пропал, шибко худо".

127

Я спросил тогда, как на это смотрит шаман. Тот ответил: "Я не хозяин, самоедская орда хозяин. Как орда хочет, так и будет". Моя настойчивость могла привести к неприязни, что, разумеется, не входило в мои планы. Я сказал, что напрасно они не предупредили меня раньше, я бы не стал рисовать против их воли. После этого стали просить меня перестать рисовать. Передо мной лежала целая стопка чистой бумаги, и я, желая сохранить хотя бы один рисунок, быстро и незаметно засунул в кипу общий вид шапки, остальные скомкал, намереваясь бросить в огонь. Меня сейчас же остановили: "Нельзя, худо, грех: эту тень надо положить в шайтан-ящик, где шапка лежит". Пришлось отдать. К счастью, отсутствие одного рисунка осталось незамеченным. После этого шаман взял шапку в руки, другую шапку верхнего мира надел на себя и начал заклинать духов-хозяев шапки не сердиться за то, что он потревожил их зря, не для того, чтобы заставить их принести пользу больному. Затем бросили в огонь немного жира, подержали шапку над дымом и вынесли ее

вместе с моими двумя рисунками из чума, высоко поднимая над жердями для подвешивания котлов.

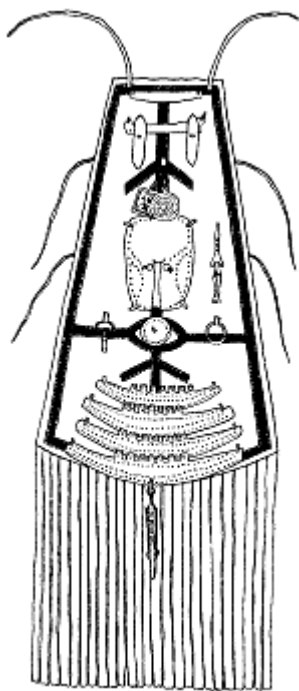

Рис. 10. Нагрудник, употреблявшийся при камлании верхним духам

Эта шапка надевается в исключительно важных случаях.

Вторая шапка костюма верхнего мира (рис.8) сделана из желтой меди. Это тоже обруч с крестообразной перекладиной наверху. Когда-то края медной пластинки у шапки были обшиты бисером (в ряд по две белых и по две зеленых бусинки), но обшивка уцелела только в некоторых местах. Наверху, в центре крестообразной перекладины, круглая медная пластинка, на которой укреплено железное изображение двухголовой птицы ламы. Птица двупололая – самец

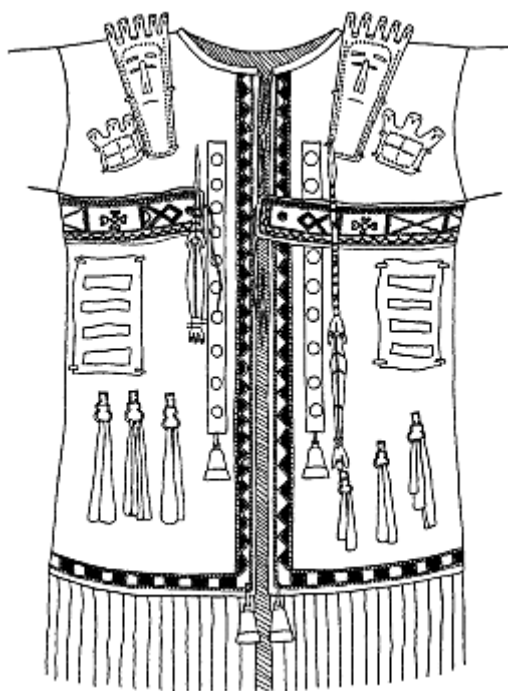

Рис. 11. Костюм (куртка), надевавшийся при камлании верхним духам. Вид спереди

и самка вместе. При полете вверх она находит небесное отверстие. Спереди, на нижнем круге шапки, пять выступов с изображениями лиц без рта. Изображения называются нойбукэ ['наголовник']. Когда шаман достигает верхних небес эти духи советуют ему, как разговаривать с духами-хозяевами небес и облаков. Под этими изображениями два медных кольца с синими бусинками в центре, сеймы сызэнкэ - тени глаз. Шаман перестает при камлании видеть своими естественными глазами и видит только этими. Лицо шамана закрывают кисти - шесть из черного, двенадцать из красного сукна и три нити белого и зеленого бисера. Кисти называются глазными повязками, очками сеймыкунди". Они предохраняют глаза от вредного воздуха, снега и тумана. По бокам над ушами - по медной продолговатой пластинке с закругленным в виде

Вклейка

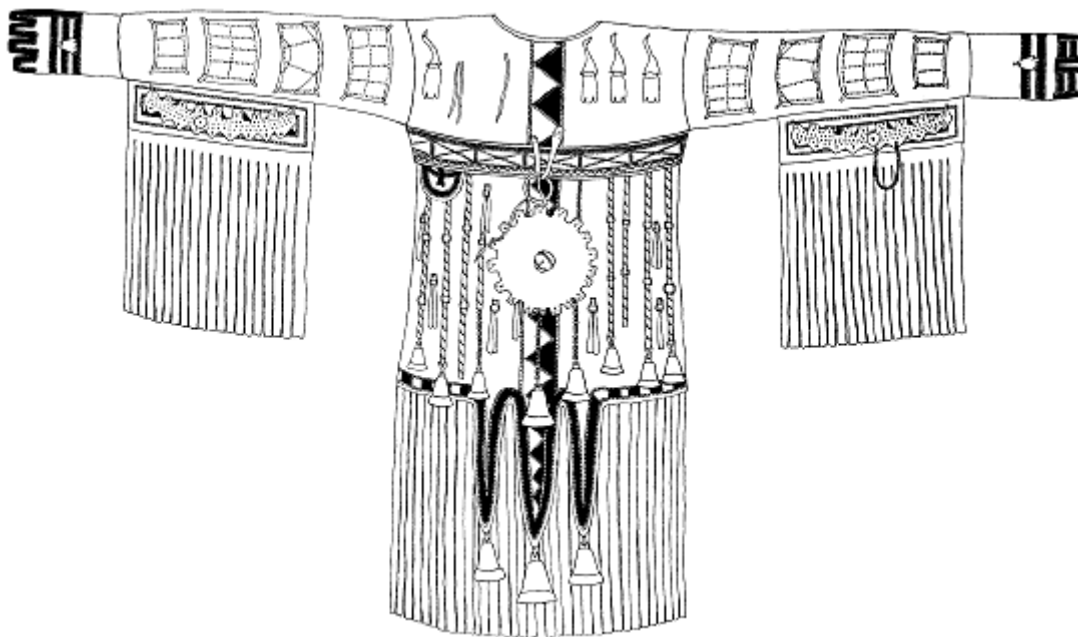

Рис. 12. Костюм (куртка), надевавшийся при камлании верхним духам

129

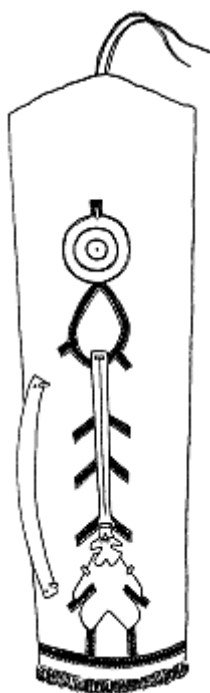

Рис. 13. Обувь, употреблявшаяся при камланиях верхним духам (правая)

трубочки основанием - уши; ими шаман слышит во время камлания. Под ними привязаны медные колокольчики. Звуки их разгоняют встречные облака. Под каждым колокольчиком свешиваются по две кисти из шкурок росوماхи и волка. С помощью их духи шамана могут принимать образ волка или росوماхи, когда пускаются в погоню за духами болезней. Кисти называются "спутники". Вместе с этими, меховыми, висят с каждой стороны по черной и красной суконной кисти денту" - северное сияние.

Бай - ожерелье [Иванов, 1970, рис.95, 2] из лунообразной пластинки красной меди с пятью рельефными изображениями лиц без рта денту хорэ [от денту] - духов-караульчиков шамана от червей облаков. Ожерелье пристегивается к шее

ремешками с медной пуговицей. Через отверстия к нижнему краю пластинки подвешены на ремешках с нанизанными крупными бусами медные треугольные пластинки хульчаптизэ", две - из красной и две из желтой меди. С помощью их шаман подкарауливает и замечает черные болезни, опускающиеся с облаков. Круглая пластинка биейма [?] орнаментирована точками, изображающими звезды. Иногда болезнь спускается сверху, превращаясь в звезду, тогда шаман подставляет эту пластинку и ловит ее. Медная пуговица и кольцо называются сеймы - 'глаз'. Посредством их шаман подстерегает духов болезней.

К середине нагрудника привязывается особая подвеска нэмэса ['кисет'] - оставленное стойбище (рис.9). Она представляет собой мешочек из окрашенной суриком ровдуги, отороченный вокруг отверстия синим бисером. Мешочек привязан к медному кольцу. Когда переезжают на новое стойбище, духи некоторых болезней приходят туда по следам. Шаман, узнав об этом, отправляется туда и подставляет мешок, убеждая, что это и есть новое стойбище для духа болезни. Заставив этого духа войти туда, он его изгоняет. Сверху

130

к медному кольцу, к которому привешен мешочек, привязана медная пуговица с изображениями якоря - благодарственное приношение духам от излеченных. С левой стороны к мешку пришито кольцо, к которому на двух ремешках с нанизанными бусами привязаны две гладкие медные пуговицы с отверстиями у краев - неймысы - игольники. Камлая над больной женщиной, шаман показывает на игольники и говорит: "Я упрощаю тебя, чтобы она поправилась от болезни и стала шить иголками в этих игольниках". С правой стороны к мешочку пришито медное кольцо с привязанным железным изображением нюоны - гагары. Гагара поднимается вверх за духами болезни. К этому же кольцу привязана железная орнаментированная пластинка кингэ"э ['ковырялка для трубки'] - слушающие уши. Люди, желающие, чтобы шаман увидел вещей сон, трижды ударяют по этой пластинке или трижды плюют на нее. Снизу к мешочку привязаны четыре гладких медных пуговицы и одна железная - благодарственное приношение излечившихся.

Нагрудник (рис.10) аналогичен по значению нагруднику на рис.3. Железная пластинка по значению аналогична такой же, как на рис.3. Ниже ключиц пришиты три медных пластинки: одна горизонтально, две с заостренными концами в форме лыж - вертикально. Они называются кэзүмү ['перевязки'] - опоры. Когда шаман кланяется, просит у нижних духов опоры, ими поддерживают его, чтобы он не упал. Ниже пришито медное кольцо, к которому привязаны старинная медная иконка божьей матери - "шибко большой русский бог" и медная круглая пластинка с выбитыми точками дюнизанку [от дюню"э - 'потеплел'] - созвездие Плеяды. В годы болезни на этом созвездии появляется звезда новой болезни. В такие годы дух-хозяин облака заставляет шамана угадать, какая из звезд, изображенных на этом круге, появилась вновь. Если шаман угадает, год будет счастливым. Ниже иконы - изображение лица, аналогичное рис.3. С правой стороны пришито изображение гагары, аналогичное рис.3. С левой стороны внизу пришит железный ключ толюмү. Когда шаман уносит в верхний мир душу больного, он прячет ее в особую коробочку и замыкает этим ключом. Над пуповиной - железный круг, аналогичный рис.3. На правой стороне пришито медное кольцо. Значение не записано. Внизу нагрудника - две пластинки из желтой и две - из красной меди, аналогичные рис.3. Под этими пластинками железка, изображающая половой орган дикого оленя, аналогичный рис.3.

Куртка (рис.11, 12). Ее значение аналогично куртке на рис.4, 5, с тем же значением прикрепленных спереди изображений гагар и других подвесок.

Значение подвесок на спинке аналогично рис.5 со следующими отличиями. На уровне лопаток пришиты железные изображения гусей. На поясе из красного сукна,

с левой стороны, пришит круглый кусочек кожи - кэми, дужка, 'рукоятка'. Изображает сосок женской груди. На нем вышито подшейным волосом оленя изображение лука со стрелой, отпугивающих духов болезни женских грудей. На середине спинки - круг-солнце, аналогичный рис.5. Под ним привешен

131

железный круг, изображающий луну [Иванов, 1970, рис.94, 5]. Посредине круга отверстие с зубчатыми краями, изображающими собою запасные души, хранящиеся на луне и посылаемые вниз при рождении ребенка. Солнце и луна привешены на медные кольца.

Медные пластинки на рукавах аналогичны рис.5. К концам рукавов пришиты полукруглые пластинки из красной меди с изображением лиц без рта - танказэ баса - подвески ручных кистей. На каждой из них приклепано по кружку из красной меди, изображающему дялмтэтуо - утреннюю зарю. Это изображение лиц-духов, охраняющих зарю. Перчатки аналогичны рис.5.

К обуви (рис.13) привешены подвески, аналогичные рис.6; хубызэ - ножные икры, представляют собой медные пластинки, защищающие мускулы ноги.

На костюме для верхнего мира почти все привески, за исключением немногих, из желтой меди, так как желтая медь считается более "чистой", чем железо.

Костюм для камлания над роженицей

Шапка аналогична по своему значению с описанными, сделана из белой жести пороховых банок (рис.14, а, б). В трех местах узкие полоски меди, посередине полоска из зубчатых краев горелки русской керосиновой лампы. Шапка опушена черным собачьим мехом. Наверху - медное изображение духа-хозяина шапки.

Вместо нагрудника надевается хони'э - комбине (рис.15) наподобие женского. На комбине, под ключицами, пришито овальное изображение хорэ - из красной меди, с глазами из черных, и белых бус. Сверху до самого низа комбине пришиты пластинки из красной меди, полулунной формы с изображениями духов и из желтой меди аналогичной формы без изображения духов - подарки женщин, излеченных шаманом. С правой стороны - два ремешка с игольниками неймысы. Шаман, вступая в спор с духом болезни, говорит: "Ты хочешь съесть женщину, имеющую такие игольники". Над половыми частями - пояс с ниспадающими кистями, окрашенными суриком, посередине пришита желтая подвеска, аналогичная рис.4. Пояс называется тулы'э⁷⁷. Его надевают для того, чтобы духи не могли развязать натазники шамана. На каждой штанине комбине - по семь трубочек из желтой меди с кольцами внизу. Эти подвески служат для того, чтобы шаман не поскользнулся при ползании.

Куртка (рис.16, 17) аналогична описанным костюмам, со следующими отличиями. Спереди две медных питых бляхи с растительным орнаментом - морсыпти - наплечники-предохранители. На спинке у самого ворота пришито шесть зубчатых пластинок из красной и желтой меди с изображением казаптүчу - пальцы-"цапальцы" злых духов. Во всю ширину спинки пришиты, одна над другой, две железные

132

⁷⁷ Так называется пояс охотника, натруска, к которому подвешиваются нож, огниво, кисет, пороховница и т.п. – Ред.

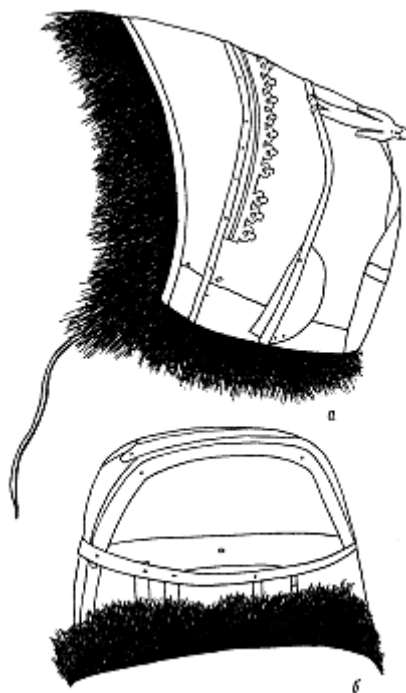

Рис. 14. Шляпка костюма, надевавшегося при камланиях над роженицей: а - вид сбоку, б - вид сзади

133

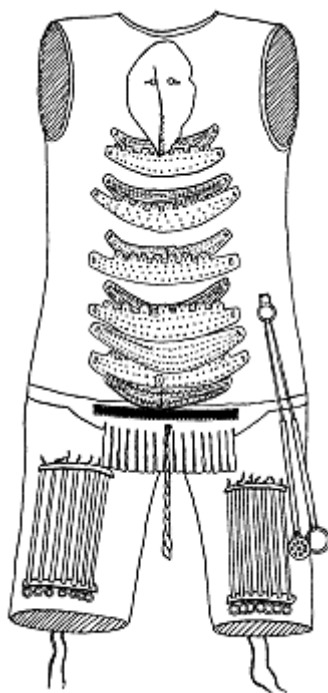

Рис. 15. Комбине шамана

134

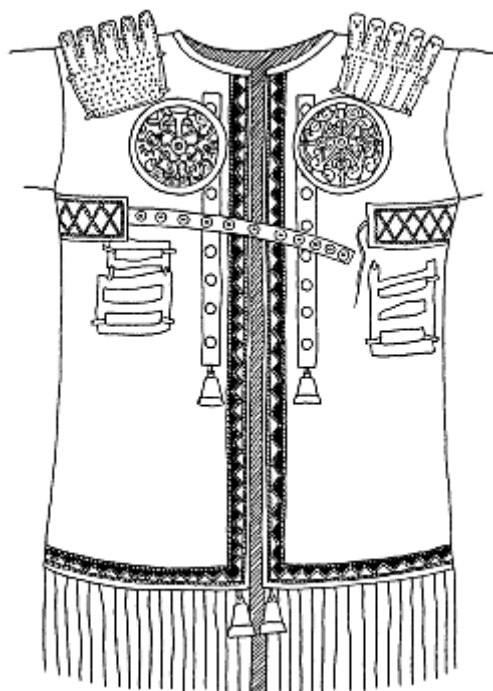

Рис. 16. Костюм (куртка), надевавшийся при камланиях над роженицей. Вид спереди

пластинки - лопаточные кости (спинные?), оканчивающиеся рогами, они охраняют сзади, бодают злых духов. К ним привязаны изображения духов: бахи - олень, денкуйя - лебедь, кокэры - журавль, кула - ворон, кокэры - самка журавля, тухэкэ - снегирь,

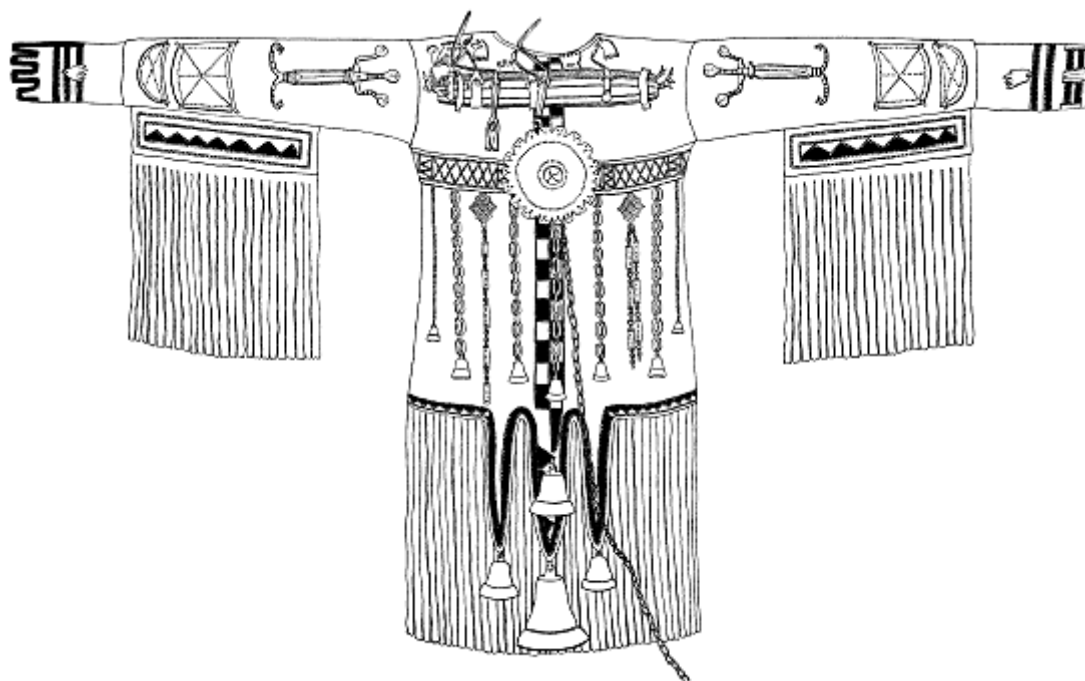

Рис. 17. Костюм (куртка) для камланий над роженицей. Вид сзади

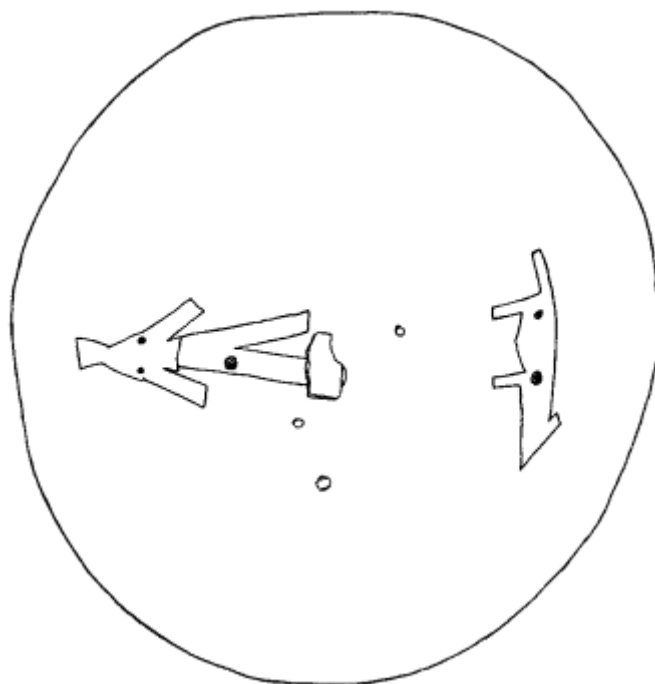

Рис. 18. Подвеска шаманского костюма - железный круг, изображающий луну

изображением которого прокалывают больной язык. Ниже - железное изображение солнца с шаркунцом посередине, под ним железный круг, изображающий луну (рис.18). К нему приклепано медное изображение человека-луны и баң хотэдие - созвездие собаки из четырех звезд, находящихся под луной. Кроме того, на железном круге имеются сквозные отверстия, тоже изображающие звезды.

На спине куртки, к поясу из красного сукна, прикреплены медные и железные цепи с колокольцами на концах. К рукавам с задней стороны, около верхнего шва, пришито по трехглавому изображению зверей ситі дялы ['две (светлые) подвески'] и изображения хонурся [от хонур 'цепь'] - духов, стерегущих духов болезней, проходящих между утренней и вечерней зарей, во время сна шамана. Затем идут две пластинки из желтой меди, аналогичные рис.5. Рукавицы (рис.17) и обувь (рис.19) аналогичны описанию рис.5, 6.

На подвесках всех трех костюмов, где изображены лица духов, рот отсутствует. Духи шаманов очень пугливы и, испугавшись, могут проглотить душу человека. Чтобы этого не случилось, изображение делается без рта.

Костюм для камлания над роженицей может в случае необходимости надеваться и при камлании духам верхнего и нижнего мира. Костюм верхнего мира никогда не надевается при камлании духам нижнего мира. Костюм нижнего мира может надеваться при камлании духам верхнего мира в зависимости от характера болезни. Нагрудники и комбине можно надевать не с тем костюмом, для которого

Рис. 19. Обувь костюма, надевавшегося при камланиях над роженицей

Рис. 20. Шаманская трость

они предназначены. При некоторых камланиях духам верхнего мира шаман на спину привязывает хими"э ['потемнело'] - темная заря⁷⁸, жалевную пластинку зигзагообразной формы. К ней привязаны следующие изображения оленей: селуо⁷⁹ - бык дикого оленя из красной

137

⁷⁸ Рисунки утрачены. – Ред.

⁷⁹ Осеннее-зимний олень с ветвистыми крепкими голыми рогами. – Ред.

меди, рога железные; немыанку⁸⁰ - важенка-нетель из красной меди, рога железные; бахи немыанку - важенка дикого оленя из красной меди, рога железные; бахи тосу - телята диких оленей; та нуо - олений бог, посредством его испрашивают священных оленей, посвящаемых шаманами духам болезни, сделан из красной меди, рога железные; тосу - теленок; седуо - бык дикого оленя из красной меди, рога железные; тосу - теленок домашнего оленя из красной меди, рога железные; накүрютэ копта"а - самец домашнего оленя по четвертому году из красной меди, рога железные; тосу - теленок оленя, из железа; та немы - мать оленей из красной меди, рога железные; мәүзанку⁸¹ копта"а - самец домашнего оленя по шестому году, из красной меди, рога железные; накүрютэ копта"а - самец оленя по четвертому году, из красной меди, рога железные. Черные железные рога на изображениях оленей означают осенние рога, покрытые кожей, когда олени жирные [?].

Чйрэ - трость из железа (рис.20). На нее опирается шаман, проходя по грязи, чтобы не упасть и не увязнуть.

Бубны-облака

Нилептэ хендир ['нижний бубен'] - бубен, употребляющийся при камлании духам нижнего мира (рис.21), длиной 62 см, шириной 52 см. Обичайка из согнутой доски. Обтянут кожей дикого оленя. Внутренняя сторона обичайки раскрашена полосами черного и кирпично-красного цвета, изображающими пестроту неба - нуо нүо - "бок неба"⁸².

На внутренней стороне бубна ремнями с четырех сторон привязана к обичайке железная крестовина кэми - дужка (облака) с насечками, изображающими каменные пороги с сильно дующими ветрами, разбивающими злых духов. На середине крестовины, под защитой духов, находятся души родичей шамана. Вокруг крестовины привязаны три полукруглые железки нэмэрү нанкэ ['место для съеденного'] - ограждение духов, служащие изгородью, не допускающие к крестовине злых духов. К верхней части веревки, соединяющей крестовину с обичайкой, привязано железное изображение трехголового рогатого духа, с шестью бусами Мингиди"а - маленького богатыря,

138

⁸⁰ Немыанку – важенка, которая хорошо рождает оленят, котиэ – яловая важенка. В рукописи (№ 36) коптуа бахи 'девка дикий олень'. – Ред.

⁸¹ Мәүза – старинное слово (высокий стиль) для обозначения пятилетнего оленя. – Ред.

⁸² Так у А.А. Попова. Очевидно, нуо нүо – 'ребенок нгуо'. – Ред.

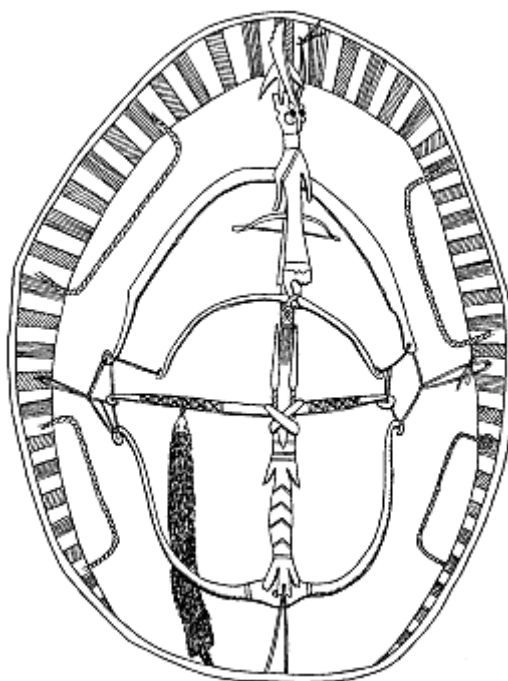

Рис. 21. Бубен, употреблявшийся при камлании духам нижнего мира

хозяина земли. Это такой сильный богатырь, что ни одна болезнь не может осилить его. Под изображением богатыря привязаны битізэ" - железные стрелы и лучок духов нуо динтэ, они служат против духов болезни. К крестовине подвязана шкурка горностая хиезэ - горностая болезни. К обичайке прибито с внутренней стороны четыре железных витых скобки с кольцами на одной из них, служащие для издавания звуков. Между обичайкой и шкуркой проложены кости, образующие снаружи девять шишек. Они изображают синсе ['грудная кость'] - груди матери-духа, воспитывавшей шамана.

На внутренней стороне кожи бубна рисунок, нанесенный черной

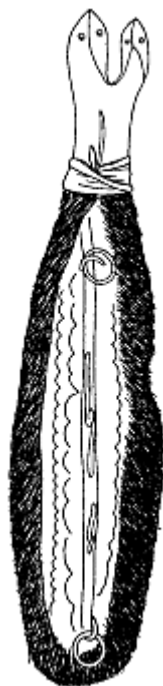

Рис. 22. Колотушка бубна, употреблявшегося при камланиях духам нижнего мира

и кирпично-красной красками [Иванов, 1954, рис.67, 1]. Рисунок представляет собою подземный мир и состоит из двух кругов - черного и красного, разделенных на четыре части красными линиями, изображающими швы подземного мира. В верхней части, на правой стороне красными, на левой - черными линиями нарисованы различные черви долтуо (?), в нижней части рисунки изображают тени умерших. На самой середине "швов подземного мира" маленькое отверстие нуо баруси хотэдие - небесных злых и добрых духов звезда, глаз эпидемии, звезда болезни. Сквозных отверстий на бубнах я больше не встречал ни у одного нганасанского шамана.

Хетаа [хетэ'э'выстрелить'] - колотушка бубна (рис.22), сделана из мамонтовой кости длиной 30 см. На конце ее изображение двух гадов подземного мира. Верхняя часть с ударной стороны обита камусом дикого оленя, с противоположной - медной пластинкой.

Бондуптэ хендир - бубен (облако) для камланий верхним духам (рис.23). Высота 64 см, ширина 58 см. Следующие детали отличают его от бубна нижнего мира.

На внутренней стороне обичайки продолговатые бантообразные вырезы цүнги"сиэ - ноздри. В верхней части бубна, между двумя полукруглыми железками, по сторонам крестовины, привязаны медная лодочка с изображением человека с веслом (на одной лопасти весла - изображение лица нуо нандуй - духа-хозяина лодки) и пустая лодочка из красной меди с веслом, сызэнкэ нэндуй - лодка тени. Когда шаман камлает духу воды, ему приходится переходить через воду. За ним гонятся в лодках злые духи, одного из которых изображает первая лодочка. Тень шамана убегает от них к пустой лодочке из красной меди. С левой стороны, сверху, привязана к полукруглой железке конусообразная медная трубочка с изображением лица - саму (шапка), с ее помощью шаман спрашивает у верхних духов тепло. К верхним полукруглым железкам привязаны два лучка со стрелами. Верхний лучок железный, нижний - медный. У бубна верхнего мира девять выступов.

На внутренней стороне кожи бубна имеются рисунки из красных и черных точек между двумя крестообразными линиями [Иванов, 1954, рис.67, 2]. Точки изображают "копанище" - ямки в снегу,

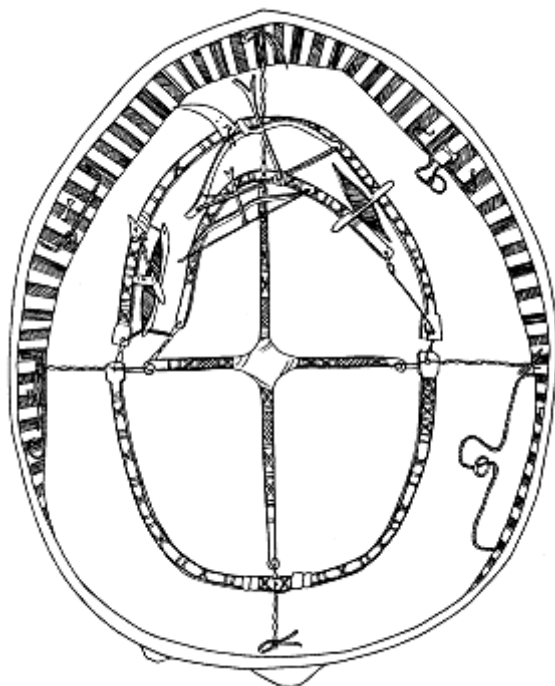

Рис. 23. Бубен, употреблявшийся при камланиях духам верхнего мира

выкопанные духами шамана, оленями, для добычи ягеля. В нижней части обтяжки бубна четыре сквозные отверстия, изображающие Плеяды, дүнүзаңку" - колышки неба, они руководят шаманом.

Колотушка к бубну ([рис.24, а](#)), из мамонтовой кости, на конце ее - изображение трех гадов, с ударной стороны обита камусом дикого

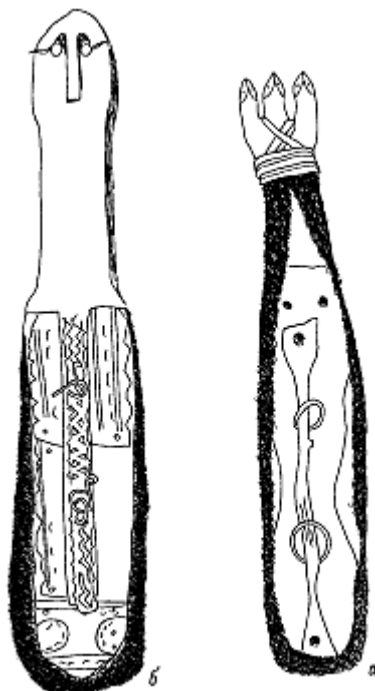

Рис. 24. а - колотушка бубна, употреблявшегося при камланиях верхним духам; б - колотушка бубна употреблявшегося при камланиях над роженицей

оленя, с противоположной - медной пластинкой с кольцом. Длина колотушки 30 см.

Хенсирэ хуозай - кожаный мешок для бубна верхнего мира [Иванов, 1954, рис.68], длиной 67 см, шириной 60 см, мехом внутрь. В развернутом виде у него закругленная форма, оканчивающаяся в верхней части углами. С одной стороны мешок орнаментирован широкой полосой с треугольниками черного и красного цвета, изображающими пастбища для шаманских духов-олений. В середине полукруга, образованного орнаментом "пастбища", круг из черной линии, разделенный

142

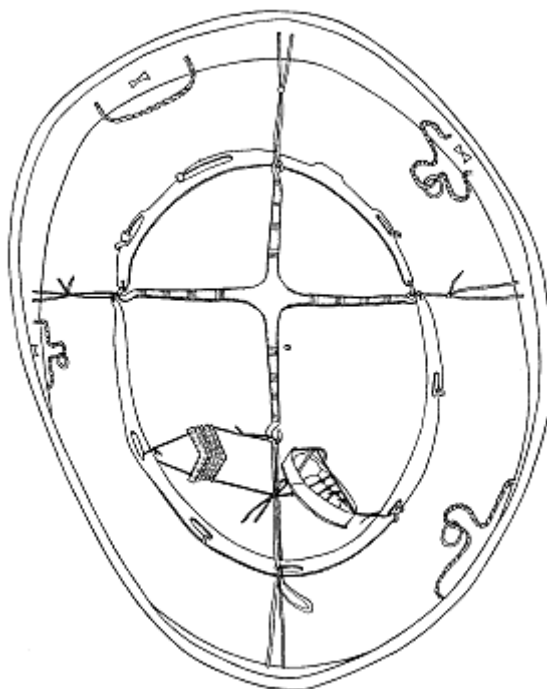

Рис. 25. Бубен для камланий над роженицей

крестообразно на четыре части двойными черными и красными линиями. В верхней части круга изображены шаманские духи - олени. На левой половине круга важеньки с небольшими, на правой - быки с большими рогами. Каждый олень изображен двумя линиями: черной и красной. Черная линия означает верхний покров оленя, красная - мясо и кровь. На нижней половине одними красными линиями изображены

143

наверху гады облаков, внизу - круглые личинки подкожных оленьих оводов - злых духов. Мешок служит черпаком, сачком или неводом для ловли духа болезни, и шаман иногда надевает его на голову больного. Он служит и для хранения бубна. Затягивают его шнурком из сухожилий дикого оленя.

Ны"тидүпся хендир ['женщинам помогающий бубен'] - бубен (облако), облегчающий родовые боли женщин. Длина 62 см, ширина 52 см (рис.25)⁸³. На этом бубне следующие отличительные детали.

На двух полукруглых железках, окружающих крестовину, сквозные отверстия продолговатой формы, через которые шаман посылает душу страдающей роженице. В нижней части бубна справа привязано железное изображение люльки нуо лапсэ - люлька верхнего доброго божества. Когда шаман спрашивает у божества Бондүптэ

⁸³ Под рисунком подписано рукой А.А. Попова: «Бубен, употреблявшийся при камланиях духам нижнего мира». – Ред.

нуо имя ребенка, божество до тех пор не верит, что есть действительно такой ребенок, пока шаман не покажет эту люльку. С левой стороны нанизаны на ремешок четыре изогнутых медных пластинки кэми - дужки. Если роженица сильно страдает, шаман снимает ремешок с пластинками и опоясывает ими роженицу. На обичайке тринадцать выступов, с внутренней стороны она не раскрашена, нет рисунков и на коже бубна. Посередине бубна - сквозное отверстие, изображающее чехо хотэдие, - Полярную звезду.

Колотушка (рис.24, б) длиной 40 см, из мамонтовой кости, на конце изображение лица духа земли с глазами из красных бус. С ударной стороны обита камусом дикого оленя, с противоположной - медными пластинками.

Дюхадие при своих камланиях обязательно держал бубен изображениями вниз. Значение этого шаман и другие нганасаны не могли мне объяснить. У других нганасанских шаманов встречать такого не приходилось.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почти за полвека со времени работ на Таймыре А.А.Попова в социально-экономическом положении, культуре и быте нганасан произошли колоссальные изменения. В 1930-е годы коренное население полуострова было почти поголовно неграмотно, врачебная помощь еще только налаживалась, многие обездоленные семьи страдали от периодических весенних голодовок, о которых глубокие старики помнят и сейчас. В 1948 г. А.А.Попов отмечал, что работа "Нганасаны" "изображает, соответственно поставленным перед автором задачам, старый жизненный уклад народности, хотя уже ко времени его пребывания общественный уклад нганасанов в значительной мере изменился в связи с началом советского строительства" [1948, 5].

В настоящее время выросли большие многонациональные поселки, нганасаны стали рабочими государственных предприятий, совхозов и промысловых хозяйств, владеют современной техникой, проводится в жизнь всеобщее среднее образование, многие окончили техникумы и вузы. В быт вошли фабричная одежда и обувь, в традиционный рацион - овощи и фрукты, молочные концентраты, свежее коровье молоко. Было бы странным услышать сейчас, что кто-то из женщин собрался рожать в чуме или балке (кочевом жилище). В каждом поселке есть больница. Часты межнациональные браки.

Под влиянием научного мировоззрения изменились взгляды на устройство мира, место человека в нем. Исчезают из быта и культовые предметы, отношение к ним меняется. Из объекта почитания они постепенно становятся семейными национальными реликвиями. Уходит в область воспоминаний и некогда могущественное шаманство. Но одновременно с повышением образования растет и интерес к истории своей народности, ее самобытной оригинальной культуре, фольклору, обрядовым традициям.

Фактически поколение людей, работавшее с Андреем Александровичем, уже ушло. Постепенно уходят и их дети, сейчас уже тоже пожилые люди. Во время этнографической работы на Таймыре мне не раз приходилось встречаться с нганасанами, которые еще помнили "Ондерея из Ленинграда", кочевавшего вместе с их семьями. Дочь Уранника Окко, немолодая, энергичная женщина Денкаде Мойбо, в 1974 г. на оз.Лабаз рассказывала о том, как Ондерей все время что-то рисовал и записывал, не расставался с листками бумаги. Улыбаясь, вспоминала, что ходил он в то время в женской шапке, ее опушка из длинного черного собачьего меха надежно защищала лицо от обжигающих морозом тундровых ветров. И добавляла: "Хороший был мужик". Сын Денкаде, Мериме Мойбо, - известный всему Таймыру передовой оленевод. Мария Окко - одна из первых нганасан получила высшее образование, работает учителем.

Долганин Н.А.Попов вспоминает впечатления своего отца о встрече с А.А.Поповым, вернувшимся после летней кочевки с нганасанами: "Отец от души удивлялся, что Андрей Александрович, русский человек, стал истинным нганасаном: одежда нганасанская, курительная трубка, как у нганасан, осанка, все движения, как у них. "Теперь я знаю, как русский может стать нганасаном", - говорил тогда отец" (из письма Н.А.Попова, 1933 г.).

Хорошо помнят А.А.Попова и потомки знаменитого в то время шамана Дюхаде (Дюхадие) Костеркина. Трое из его детей, два сына - Демниме и Тубяку и старшая дочь Нобубте (Набапте), еще продолжали заниматься шаманством, используя, в частности, подвески костюмов отца. Двое сейчас уже ушли из жизни, а третий, Тубяку, давно не шаманит. Сыновья Дюхаде, прекрасные знатоки традиционных обычаев и шаманской практики, не раз помогали этнографам в работе по воссозданию истории нганасанской культуры.

В настоящей монографии А.А.Попова новое, молодое поколение нганасан встретится со своими прадедами.

Г.Грачева

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов А.А. Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов. Л., 1932. 117 с.
2. Попов А.А. Тавгийцы. М.; Л., 1936. 111 с. с ил.
3. Попов А.А. Из отчета о командировке к нганасанам от Института этнографии Академии наук СССР. - СЭ, сб. статей, М.; Л., 1940, № 3, с.247-249.
4. Попов А.А. Нганасаны: Автореф. монографии. - КСИЭ, Л., 1946, вып.1, с.37-40.
5. Попов А.А. Нганасаны: Материальная культура. М.; Л., 1948. 122 с. с ил.
6. Попов А.А. Религиозные воззрения долган. - АЛЧ ИЭ, ф.14, оп.2., № 68 [1955]. 871 л. с ил.
7. Попов А.А. Нганасаны. - В кн.: Народы Сибири. М.; Л., 1956, с.648-660.
8. Попов А.А. Пережитки древних дорелигиозных воззрений долганов на природу. - СЭ, 1958, №2, с.77-99.
9. Попов А.А. Душа и смерть по воззрениям нганасанов. - В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976, с.31-43.
10. Popov A.A. Die "kuojka". Familien- und Sippenschutzgeister bei den Nganasanen. - In: Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Biro Sacra. Budapest, 1959, S.23-37.
11. Popov A.A. The "kuoika". Guardian Spirits of Family and Clan among the Nganasan. - In: Arctic Anthropology, 1963, vol.1, N 2, p.122-130.
12. Popov A.A. Wie Sereptie D'aruoskin zum Schamanen erwählt wurde. - In: Glaubenswelt und Volklore der Sibirischen Völker. Budapest, 1963a, S.149-159.
13. Popov A.A. The Nganasan. The Material Culture of the Tavgi Samoyeds. Bloomington-Hague, 1966. IX, 168 p. and ill.
14. Popov A.A. How Sereptie Djaruoskin of the Nganasans (Tavgi Samoyeds) Became a Shaman. - In: Popular Beliefs and Polclore Tradition in Siberia. Budapest, 1968, p.137-145.
15. Афанасьева Г.М. Демографическая характеристика авамских нганасан по источникам XVIII-XIX вв. - СЭ, 1980, № 2, с.25-35.
16. Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б. О брачных системах автохтонных народов Северной Азии. - СЭ, 1981, № 4, с.39-52.
17. Бахрушин С.В. Самоеды в XVII веке. - Северная Азия, М., 1925, кн.5-6, с.85-94.
18. Ващенко П.Т., Долгих Б.О. Предания о тотемических названиях родов у нганасан. - СЭ, 1962, № 3, с.178-182.
19. Грачева Г.Н. К методике изучения ранних представлений о человеке (на нганасанском материале). - СЭ, 1975, № 4, с.51-59.
20. Грачева Г.Н. Традиционные культы нганасан. - СМАЭ, Л., 1977, т.33, с.217-228.
21. Грачева Г.Н. Шаманы у нганасан. - В кн.: Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981, с.69-89.
22. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983. 173 с. с ил.
23. Грачева Г.Н. К этнокультурным связям нганасан. - В кн.: Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984, с.84-98.
24. Долгих Б.О. Легенды и сказки нганасанов. Красноярск, 1938. 136 с.
25. Долгих Б.О. Обрядовые сооружения нганасанов и энцев. - КСИЭ, М., 1951, вып.13, с.8-14.
26. Долгих Б.О. Происхождение нганасанов. - ТИЭ, М.; Л., 1952, т.18, с.5-87.
27. Долгих Б.О. Принесение в жертву оленей у нганасан и энцев. - КСИЭ, М., 1960, вып.33, с.72-81.
28. Долгих Б.О. Мифологические сказки и исторические предания энцев. - ТИЭ, М., 1961, т.66. 243 с.
29. Долгих Б.О. Родовая экзогамия у нганасанов и энцев. - ТИЭ, М., 1962, т.78, с.197-225.

30. Долгих Б.О. Матриархальные черты в верованиях нганасан. - В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968, с.214-229.
31. Долгих Б.О. Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. 341 с.
32. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX-начала XX в. - ТИЭ, М.; Л., 1954, т.22. 838 с.
33. Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX-первой половины XX в. Л., 1970. 296 с.
34. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. 518 с.
35. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч.П. СПб., 1978, с.619-833.
36. Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири. - СМАЭ, Л., 1971, т.27, с.5-100.
37. Симченко Ю.Б. Праздник Аны'о-дялы у авамских нганасан. - ТИЭ, М., 1963, т.84, с.168-179.
38. Симченко Ю.Б. Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии. - В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968, с.194-213.
39. Симченко Ю.Б. Проблема материнского рода у народов Севера. Социальная организация нганасан. - В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с.71-87, 206-213.
40. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976. 311 с.
41. Симченко Ю.Б. Нганасаны. Свадебная обрядность. - В кн.: Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980, с.44-50.
42. Симченко Ю.Б. Нганасаны. - В кн.: Этническая история народов Севера. М., 1982, с.81-98.
43. Сказки народов Сибирского Севера. Томск, 1980, с.3-54.
44. Терещенко Н.М. Нганасанский язык. Л., 1979. 323 с.
45. Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители. - Зап. РГО по общей географии. СПб., 1869, т.2, с.215-530.
46. Файнберг Л.А. Терминология родства нганасан как исторический источник. - ТИЭ, М., 1962, т.78, с.226-237.
47. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. 572 с.
48. Dolgikh B.O. Nganasan Shaman Drums and Costumes. - In: Shamanism in Siberia. Budapest, 1978, p.341-351.
49. Graceva G.N. A Nganasan Shaman Costume. - In: Shamanism in Siberia. Budapest, 1978, p.315-323.
50. Gracheva G.N. The dynamics of the structural elements in the traditional world outlook of the Nganasans. - Congr. Quintus Intern. Fenno-Ugristarum. Turku, 1981, p.VIII, 178-183.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЛЧ ИЭ - Архив Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР

КСИЭ - Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР

РГО - Русское географическое общество

СМАЭ - Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР

СЭ - Советская этнография

ТИЭ - Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР